

10.335
1964/2

ქართული
ბიბლიოთეკა

№ 4 * 1964

Литературная Грузия

24

10.335/2

Модер посвящается
Советскому Азербайджану

1964/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ РУЗИЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ГУСЕИН ГУСЕИНЗАДЕ. Живой навеки. Стихи. Перевод с азербайджанского А. Кронгауза	3
Х. Г. ВЕЗИРОВ. Братство литератур — братство народов	4
КАСУМ КАСУМЗАДЕ. Крылья. Стихи. Перевод с азербайджанского Г. Павловской	6
МЕХТИ ГУСЕИН. Привет из Азербайджана	7
ГУСЕИН АББАСЗАДЕ. Стихи о Баку. БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ. Высота. МАНСУР ВЕКИЛОВ. Моя строка. ГУСЕИН ГУСЕИНЗАДЕ. Сын Кавказа. АХМЕД ДЖАМИЛЬ. Кубинским патриотам. Стихи. Переводы с азербайджанского А. Плавника, Е. Елисеева, Н. Баазова, А. Халдеева	9—10
ИМРАН КАСУМОВ. Человек бросает якорь. Отрывок из пьесы	11
МИРЗА ИБРАГИМОВ. Что говорит мне земля... Рассказ. Перевод с азербайджанского Е. Факторовича	16
МИРВАРИД ДИЛЬБАЗИ. Земля Руставели. МАМЕД ИБРАГИМ. Читателю. АЛИГАСАН НАДЖАФОВ. Прекрасен этот труд. МАМЕД РАГИМ. Добрый вечер, Цицамури! Стихи. Переводы с азербайджанского Г. Павловской, С. Мамедзаде, С. Соложенкиной, Ю. Левитанского	21—22
БАЙРАМ БАЙРАМОВ. Сторож. Рассказ. Перевод с азербайджанского Д. Шихзаманова	23
НИГЯР РАФИБЕЙЛИ. Я люблю тебя, человек! РАСУЛ РЗА. Улица Гуси Гаджиева. СУЛЕЙМАН РУСТАМ. Тбилиси. ЗЕЙНАЛ ХАЛИЛ. Осень. НАБИ ХАЗРИ. Море, небо и любовь. Стихи. Переводы с азербайджанского М. Алигер, М. Павловой, В. Кафарова, Г. Онаняна, Ю. Левитанского	28—30
ИСМАИЛ ШИХЛЫ. Бурная Кура. Главы из романа. Перевод с азербайджанского Л. Имнадзе	31

25/37

4

АПРЕЛЬ

1964

См. на обороте.

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИН ВАРЛАМОВ. Стрела Зиятдина . . .	41
ИРИНА НОВИНСКАЯ. Сыновьям идти дальше . . .	45
АЛИ ГЮЛЬ-АХМЕДОВ, ТЕОДОР ЩАРИНСКИЙ. Проблемы и перспективы застройки Баку . . .	49

КРИТИКА

СЕЙФУЛЛА АСАДУЛЛАЕВ. Герой — наш современник	55
--	----

ИСКУССТВО

МУРСАЛ НАДЖАФОВ. Пусть крепнет творческая дружба	60
ГАСАН СЕИДБЕЙЛИ. Писатель и кино	63

ДРУЗЬЯ О ДРУЗЬЯХ

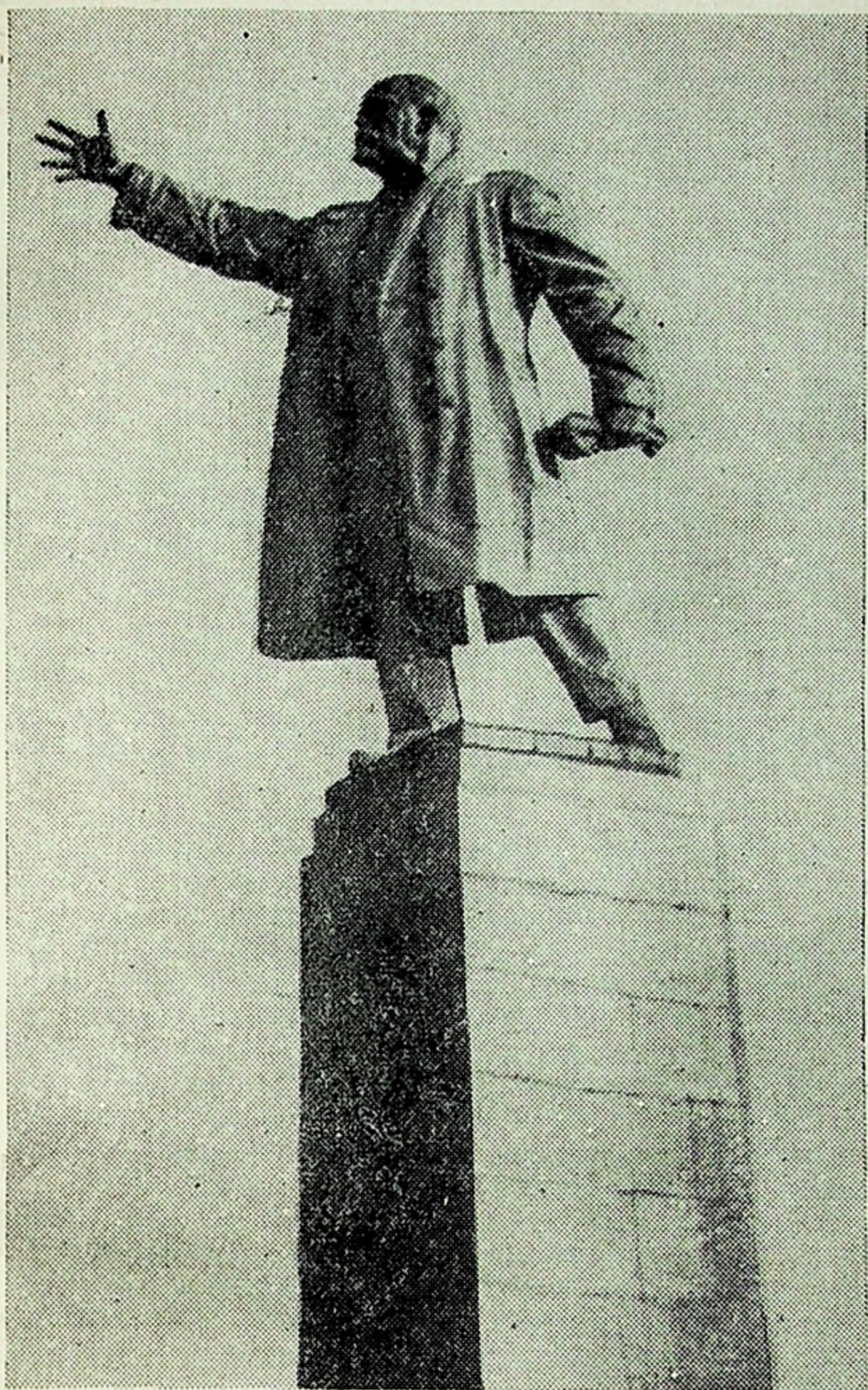
ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Слово о собрате по перу . . .	59
ДАВИД ТОРАДЗЕ. Гордость советской музыки . . .	70
УЧА ДЖАПАРИДЗЕ. Светлое, радостное искусство . . .	72
НИНА ЖВАНИЯ. Подруга моей комсомольской юности . . .	74
А. МЕНАГАРИШВИЛИ. Плоды научного содружества . . .	75
ИВАН ЖУЖУНАШВИЛИ. Со школьной скамьи . . .	76
Н. НОВИЦКИЙ. Бакинец	78
ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	79

Дружеские шаржи в номере худ. Г. Ахвердиева

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Гусейн ГУСЕЙНЗАДЕ

ЖИВОЙ НАВЕКИ

Когда явился он на свет,
Была весна,
Сиял апрель,
А в душах у людей тех лет
Была зима,
Мела метель.

Когда простился с жизнью он,
Была зима:
Январь и снег.
Но в поколениях всех времен
Весну оставил он навек.

Перевод с азербайджанского А. Кронгауза

Х. Г. ВЕЗИРОВ,
секретарь ЦК КП Азербайджана

Братство литератур—братство народов

«Близостью ближе кровного родства» назвал народный поэт Азербайджана Самед Вургун братскую дружбу советских народов — основу могущества и процветания нашей многонациональной Отчизны. В дни, когда трудящиеся нашей республики готовятся к своему большому празднику — 150-летию вхождения Азербайджана в состав России, мы вновь и вновь повторяем этот крылатый образ поэта, потому что именно дружба с нашим старшим русским братом открыла перед азербайджанским народом путь к свободе и счастью, сделала его равноправным членом большой, монолитно сплоченной семьи советских народов. Великий и могучий русский язык — язык Ленина, язык Октября, — стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР. И как это символично, что сегодня писатели Азербайджана обращаются со страниц журнала «Литературная Грузия» к читателям вашей республики именно благодаря посредничеству русского языка!

В Программе КПСС подчеркивается, что дружба народов — это чрезвычайно важный элемент складывающихся в нашей стране коммунистических общественных отношений. Одной из характерных примет этого процесса является дальнейшее сближение социалистических наций, взаимообогащение их национальных культур.

Мы глубоко признательны нашим грузинским друзьям за любезное предоставление азербайджанским литераторам страниц печатного органа Союза писателей Грузии. В этом мы видим наглядное проявление все более интенсивного обмена духовными богатствами между азербайджанским и грузинским народами, между всеми народами нашей страны.

Литературные связи Азербайджана и Грузии имеют давние и глубокие корни. Не будет преувеличением сказать, что бессмертные творения великих сынов грузинского народа Шота

Руставели, Давида Гурамишвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела у нас в Азербайджане популярны не меньше, чем на родине этих гениальных художников. Как добрые друзья вошли в дом каждого азербайджанского читателя и книги современных грузинских писателей — одного из передовых отрядов многонациональной советской литературы. Произведения грузинских литераторов в переводе на азербайджанский язык издавались и издаются большими тиражами.

Многие самые славные страницы азербайджанской литературы тесно связаны с Грузией, ее замечательной столицей — Тбилиси. Сыновья любовь к Грузии продиктовала великому поэту Азербайджана Вагифу вдохновенные строки:

...Славится гостеприимством и лаской Тифлис,
Радущия редкостный дар ему издавна дан...

Под этими стихами мог бы поставить свою подпись и певец дружбы народов Закавказья великий гусан Саят-Нова. Сын Армении, слагавший свои чарующие песни на армянском, грузинском и азербайджанском языках, он жил и умер в Грузии, навеки став символом братства народов Закавказья, духовного родства их национальных культур. Вот почему недавний 250-летний юбилей Саят-Новы по своему значению далеко перерос рамки обычного литературного торжества и вылился в волнующий праздник дружбы народов Грузии, Армении и Азербайджана, всех народов Советской Отчизны.

Писатели Азербайджана ясно представляют себе, что сближение социалистических культур братских народов СССР, укрепление их интернациональной основы являются законом развития нашего общества, путем формирования будущей единой общечеловеческой культуры коммунизма, и стремятся внести свой достойный вклад в решение этой исторической задачи.

Выступая ныне на страницах «Литературной Грузии», наши писатели держат своего рода творческий отчет перед грузинскими читателями, взыскательность и строгий вкус которых общеизвестны.

Недавно мы отметили годовщину исторических встреч в Москве руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с представителями творческой интеллигенции, оказавших исключительно благотворное влияние на развитие художественной жизни в нашей стране. Этот год для азербайджанской литературы ознаменовался появлением многих новых талантливых произведений, воспевающих высокий моральный облик и славные дела наших замечательных современников — строителей коммунизма. С некоторыми из них читатели «Литературной Грузии» смогут познакомиться в этом номере.

Мы с удовлетворением отмечаем, что в центре внимания азербайджанской советской литературы находится одна из важнейших тем современности — тема дружбы и братства народов Советского Союза. Завещанная Лениным, эта дружба является незыблемой основой всех успехов нашей Родины, залогом ее грядущих дерзновенных побед. Пусть же день ото дня крепнет, ширится, становится все более многогранным это беспримерное содружество народов-братьев во имя осуществления нашей общей великой цели — торжества коммунизма.

Н. С. Хрущев на совещании передовиков сельского хозяйства Азербайджана, Армении, Грузии.

Насум КАСУМЗАДЕ

КРЫЛЬЯ

Мечтали люди испокон веков
На сильных крыльях к небу устремиться.
Их проносили над хребтами гор
Крылатый конь и вольная жар-птица.

Летели караваны журавлей,
Орлы парили между облаками,
А человек, прикованный к земле,
Смотрел им вслед пытливыми глазами.

Кончались сказки, рушились мечты,
Жар-птица грустно складывала крылья,

И люди опускались с высоты
С тяжелым ощущением бессилья.

Но вот заря над миром занялась,
Взвилось победно Ленинское знамя —
И стали крылья гордого орла
Расти у человека за плечами.

Взметнувшись к небу, в солнечный простор,
Великий подвиг люди совершили:
Они достигли самых дальних гор
И покорят вершину за вершиной!

Перевод с азербайджанского Г. Павловской

Мехти ГУСЕЙН

Привет из Азербайджана!

Связи Азербайджана с братской Грузией имеют вековую историю. Факты из летописи дружбы наших народов общеизвестны, и я не буду снова говорить о них. Но о той незабываемой роли, которую сыграла в истории развития нашей литературы, особенно литературы новой, демократической, столица Грузии — не могу не вспомнить.

Еще в XVIII веке, во времена Ираклия II, Тбилиси вдохновлял великого лирика, певца любви и красоты Вагифа на создание прекрасных стихов. Именно в этом городе родились произведения подлинно народной поэзии о любви к грузинской земле, в которых с особой силой проявила себя муза поэта.

И не случайно именно Вагиф был одним из первых, кто с глубочайшей ненавистью, со всей силой своего необыкновенного таланта изобличил и заклеймил беспощадного тирана и врага Кавказа, иранского деспота Ага Мухаммед-хана Каджара. Это он, Каджар, впоследствии опалил пожаром и разрушил грузинскую столицу. Рука этого палача поднялась и над поэтом — Вагиф был заточен в тюрьму и приговорен к смертной казни. Но в ночь накануне казни Каджар сам был уничтожен патриотами из Карабаха.

Имя Вагифа, того самого, который своим умом и волей через Грузию ориентировал Азербайджан на сближение с великой Россией, стало символом братской дружбы грузинского и азербайджанского народов, символом дружбы наших литератур; связь поэта с Грузией положила начало культурному сближению Азербайджана и Грузии.

Вторым крупным этапом в летописи наших братских взаимоотношений явилось творчество бессмертного Мирза Фатали Ахундова, яркая, плодотворная жизнь которого также связана с Тбилиси — здесь перед ним открылось окно в европейскую и мировую цивилизацию. С именем Ахундова связан тот поворот в литературе Азербайджана, который направил ее по пути подлинной народности, демократизма и реализма.

Дружеские связи Ахундова с виднейшими деятелями Грузии, Армении и России составляют неоценимое духовное богатство азербайджанского народа.

Как известно, даже священная для нас могила Мирза Фатали Ахундова находится в Тбилиси, и над ней возвышается бюст его, созданный рукой талантливого грузинского скульптора К. Мерабишвили.

А Мирза Шафи — знаменитый певец? А Бакиханов — виднейший историк, поэт и просветитель? А многочисленные питомцы Горийской учительской семинарии?..

Все эти и многочисленные подобные им примеры культурных связей наших народов ждут своего кропотливого и вдумчивого исследователя, который сможет с большой гордостью и любовью рассказать о целой эпохе, так ярко осветившей историю нашей дружбы.

Я не историк и не исследователь, я — писатель. Родился и рос в деревне Шихлы — самой ближайшей соседке грузинской земли. И я знаю, с какой любовью и уважением мои односельчане относились к своим грузинским друзьям. Думаю, не будет нескромным, если скажу, что именно наблюдения и воспоминания тех лет стали темой многих ранних моих рассказов и повестей; в них я поведал о тех знакомых и дорогих моему сердцу людях, с которыми был близок и с которыми дружны были мои родные в те годы. Эта дружба с течением времени стала еще шире, глубже, особенно когда я познакомился и с моими грузинскими собратьями по перу.

Помню, как мы еще юношами в едином строю боролись за нашу родную советскую литературу. Мне дороги имена большого грузинского романиста Константина Лордкипанидзе, критика, организатора молодых литературных сил Грузии Бенито Буачидзе. Затем круг моих знакомств еще больше расширился — я узнал неугомонного, доброго аксакала, частого гостя азербайджанцев Шалву Дадиани, любимца азербайджанских читателей, большого поэта современности Георгия Леонидзе, нынешнего руководителя Союза писателей Грузии, талантливого, культурнейшего поэта Ираклия Абашидзе.

Мне трудно назвать всех, кого я люблю и за чьим творческим ростом внимательно слежу. Сколько ярких, самобытных талантов вырастила прекрасная грузинская земля, родина бессмертного Шота Руставели!

Каждый раз, приезжая в Грузию, я люблю и восхищаюсь ею. Это земля друзей, братьев; их жизнь и судьба навеки связаны с жизнью и судьбой моих соотечественников.

Я считаю своим долгом приветствовать грузинских друзей и пожелать им еще большего счастья и расцвета от имени тех, кто сегодня выступает со своими произведениями на страницах «Литературной Грузии», и тех, кто не попал на страницы журнала, а также от имени многих читателей Азербайджана, которые с любовью и вниманием следят за их творческими достижениями.

Поэзия
Советского
Азербайджана

Гусейн АББАСЗАДЕ

СТИХИ О БАКУ

Перевод с азербайджанского А. Плавника

Мне вовсе не стыдно признаться:
Когда напишу я строку,
То эта строка рифмоваться
Должна непременно с Баку!

Наверное, это наследство,
Наверное, это в крови —

Быть преданным городу детства
И городу первой любви.

Отраднo в любом разговоре
Мне имя твое повторять:
Ну кто упрекает в повторе
Ребенка, зовущего мать?

Бахтияр ВАГАБЗАДЕ

ВЫСОТА

Перевод с азербайджанского Е. Елисеева

Есть ощущение высокого,
Гордое чувство крыла.
Это не только у сокола
Или орла.
О, как тревожно и радостно
Дышится на высоте!
Столько припомнится разного,
Столько простора мечте!
Нас делают горы великими.
Ширится наш кругозор —
Дома — становятся близкими,
Если глядеть с наших гор.

Стоят они в гордых позах,
Шагдаг у них атаман.
Где-то, рожденный ползать,
Стелется липкий туман.
А я шевелю плечами —
Вы, горы, мне помогли
Подняться над мелочами
И цель различить вдали.
Слова застревают в горле,
Я счастлив и окрылен.
Может, не зря наши горы
Профилем схожи с Кремлем?

Мансур ВЕКИЛОВ

МОЯ СТРОКА

Будь на посту своем строга,
Моя строка.
Будь, как шинель, тепла,
Будь, как винтовка, тяжела,
Моя строка.
Скупа на влагу будь, как фляга,
А яркости учись у флага,

Моя строка.
Будь, как приказ, ясна, тверда,
Как пограничный знак, проста.
...А если ты уйдешь с поста —
Пусть зачеркнут тебя тогда,
Моя строка.

СЫН КАВКАЗА

Перевод с азербайджанского Н. Баазова

*Нестору Каландаришвили,
герою гражданской войны*

Он родился над солнечной Курой,
А спит он у Ангарского каскада...
Он принял здесь последний, смертный бой,
Отважный сын Кавказа,
Сын Кавказа.
Иркутск ушел в грядущие года
Из древнего острожьего каркаса...
В домах, в сердцах прописан навсегда —

Прекрасный сын Кавказа,
Сын Кавказа.
Горят огни сибирских панорам,
Кружится снег, и вдаль плывет кантата...
Он дорог им, простым сибирякам —
Бессмертный сын Кавказа,
Сын Кавказа.

Ахмед ДЖАМИЛЬ

КУБИНСКИМ ПАТРИОТАМ

Перевод с азербайджанского А. Халдеева

Я не писал о девушках кубинских,
В горах Маэстра не копал траншей.
В годину бедствий не был в черных списках,
Не брал с друзьями трудных рубежей.
Как горный ветер, во главе отряда
Я не шагал по узенькой тропе.
Меня не помнит площадь Мовекада,
Я не внимал взволнованной трубе.
Не слышал песен у костра ночного,
На скалах имена не высекал.
Из пулемета не строчил ручного,
По тростниковым джунглям не скакал.
В тени высоких пальм не засыпал я
С потухшею сигарою в зубах.
Патроны в свой рюкзак не засыпал я
И порохом в сраженьях не пропах...
...Когда волна покачивала «Гранму»
И залп зловещий был подобен граду,
Моя душа,
Как тот фонарик робкий,
Вам с берега
Струила свет свой ровный.
И с той поры тревожными ночами
Гремели грозы,
Расступалась твердь.
Бородачи с винтовкой за плечами,
Вы «Родина, — кричали, — или смерть!»

Имран КАСУМОВ

Герой моей пьесы «Человек бросает якорь» погибает в первой же картине. Но идея произведения — жить так, чтобы тебя любили и после смерти. Это возможно в любых условиях, на любой работе. Больше всего на свете человек должен бояться душевной пустоты, больше всего ценить убежденность.

Человек бросает якорь

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

ПРОЛОГ

Ночь. Ураган. Высветляя то небо, то воду, бегают лучи прожекторов. В глубине сцены — часть эстакады. Впереди — мутное светлое пятно радиорубки. В рубке — радисты и Леонид Мороз. Он едва стоит на ногах.

МОРОЗ (*говорит по телефону*). — Нет, мы еле успели снять вахтенных с отдаленных буровых... А к дальней разведке уже не смогло пробиться ни одно судно... Ветер — 45 метров в секунду, волны перекачивают через эстакаду... Такого я здесь еще не видал.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Там осталась вся смена?

МОРОЗ. Вся смена. Начало раскачивать вышку, шестеро перебрались по мостику в культбудку. Она маленькая, авось удержится. Седьмой не успел. Хотел захватить документы, замешкался, а тут волна разбила мостик.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Что же нам делать, Леонид?

МОРОЗ. Никто ничего не может сделать в эту проклятую ночь.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Связь есть?

МОРОЗ. С будкой держим. Говорят, ни зги не видно. Видны только контуры вышки. Вот-вот повалится.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Там остался мастер Мамедов? (*Мороз не отвечает.*)
Леонид, я тебя спрашиваю, там Мамедов?

МОРОЗ (*едва слышно*). Мамедов... Джавад... Он был молод. И пришел к нам совсем недавно. (*Закрывает лицо руками.*)

Гаснет свет.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

QJ4136321
0000000000

День. Часть эстакады. Справа — трехметровая брешь. Это волна сорвала настил эстакады.

Слева — общежитие. Маленькая комната, за ней угадываются другие комнаты, коридор.

Входят Р а м и з и М у р а д.

Р А М И З. Великолепно! И сверху, с вертолета, и отсюда... Дома, вышки, автомобили. Действительно, настоящий город.

М У Р А Д. Только под всеми городами земля, а здесь — вода.

Р А М И З. Это-то и здорово. Взгляни, сколько там кораблей на горизонте! (*Доносится далекий хор гудков.*) Что такое?

М У Р А Д (*шутливо*). Тебя, очевидно, приветствуют. Такое событие!

Р А М И З (*смеясь*). Да ну тебя!

М У Р А Д (*задумавшись*). Как давно это было... Помнишь, Рамиз, как любили мы забираться с ногами на нашу старую тахту и часами вслух мечтать... Взираем на вершину Казбека, охотимся на слонов в Африке, едем в Клондайк... А на комодике тети Шамамы стоит под полными парусами твой кораблик, то ли шхуна, то ли бригантина.

Р А М И З. Он, между прочим, и сейчас там стоит, на маминном комодике. Да, с тех пор прошло четырнадцать лет. Оглядываешься: давно открыта Арктика, строятся атомные электростанции, космос завоевывается. А я?.. Ну что сделал я?

М У Р А Д. Знаешь, таких, как ты, можно увидеть в кино: тоска, надрыв, неврастения, много претензий и мало...

Р А М И З. Врешь! (*Обхватив Мурада, шутя борется с ним.*) Ошибочное впечатление от моих узких брюк и модной прически.

М У Р А Д. Пусты, люди идут. Ну, проводил тебя, подышал морским воздухом, теперь пора в клинику. Обнимусь на прощанье, скажу несколько ничего не значащих дружеских, ласковых слов... (*Обнимает Рамиза.*) Когда ждать в Баку?

Р А М И З. Не скоро, наверное.

М у р а д уходит. Входит группа рабочих.

ГОЛОСА. Тут не пройдешь!

— Ничего себе, видно, были ночки, пока мы отдыхали.

— Разворотило, будто взрывом бомбы, а не волной!

— Как все же пройти на ту сторону, а?

Справа входит Мороз.

М О Р О З. Завтра починят. А пока: ногу на трубу и прыгай прямо на меня. (*Прыгает паренек.*) Здравствуй, Али! Тетя Наташа, при твоей комплекции, да еще с узлом? Вперед узел кидай, потом сама... Молодец! Валерий Брумель, а не тетя Наташа. (*Прыгает Рамиз.*) Здравствуйте! Не узнаю что-то. Корреспондент?

Р А М И З. Инженер. На работу.

М О Р О З. Где-то я вас видел...

Р А М И З. Вряд ли. Последние полтора года я учился в Москве, в аспирантуре.

М О Р О З. Помогите девушке... У нас есть место мастера в разведке.

Р А М И З (*помогая переправиться девушке в берете*). А мастера куда же, в инженеры?

М О Р О З. Погиб мастер. Три дня назад.

Р А М И З (*зволнованно, после паузы*). Погиб?

М О Р О З. Даже тела не нашли. Водолазы лазили, все берега обшарили, вертолеты пустили. Ничего... Ребята сейчас вернутся, они в море, можете познакомиться.

РАМИЗ. Куда сейчас идти?

МОРОЗ. Пошли, покажу где общежитие. (Уходят.)

Одна из комнат в общежитии. Входят Адила, Андрей, Грант, Вадим. Парни с черными повязками на рукавах, Адила — в темном платке. Все молча садятся вокруг стола. Долгая гнетущая тишина. Входит Рамиз.

РАМИЗ. Здравствуйте, ребята. Мне сказали, что я могу остановиться в этой комнате. Буду у вас вместо погибшего мастера. Забыл, как его звали... Джавадом, кажется? Может быть, познакомимся? Меня зовут Рамиз Агаев. (Садится на койку.) Инженер-буровик. В баскетбол играю, был в сборной города. Что еще? Охоту люблю. Музыка, преимущественно — классику. Ну, будем знакомиться?

ГОЛОСА. Андрей.

— Грант.

— Ва-Вадим.

РАМИЗ. Адила? Неужели ты?

АДИЛЯ. Я, Рамиз.

РАМИЗ. Как ты очутилась в море?

АДИЛЯ. Как все. Десять дней на разведке, пять — в поселке, на берегу.

РАМИЗ. Мне казалось, что я приеду в Баку и встречу тебя в белом платье с синими и красными треугольничками. В том самом, на которое все оглядывались, а я злился. (Садится рядом с ней.) Телогрейка, сапоги, черный платок... Давно ты здесь?

Рабочие по одному выходят из комнаты.

АДИЛЯ. Скоро два года.

РАМИЗ. Никак не думал, что эти годы будут для тебя такими...

АДИЛЯ. Договаривай, плохими? Они были прекрасными, Рамиз.

РАМИЗ. А как же тогда?.. Как тогда — пляж, скала, твои попытки научить меня играть в «беш-даш»; пять камешков, один — вверх, пока не упадет, успевай подобрать другие.

АДИЛЯ. Ты говорил, что это детская игра. Примитивная и глухая. (Спохватившись.) Ой, ребята ушли.

РАМИЗ. Правда. Почему они ушли?

АДИЛЯ. Непонятно? Ты все еще не догадываешься, где ты? (Уходит.)

РАМИЗ. Куда я вошел? По-моему, в комнату, где мне, судя по всему, предстоит жить. (Берет со стола зажигалку, закуривает, машинально читает надпись на зажигалке.) «Другу Джаваду, в день рождения...» Его комната! Его кровать. Мешок, в него, очевидно, собрали его вещи. Книжки, письма. Все, что осталось от парня. (Оглядывается. Замечает фотографию на стене.) Веселые, добрые глаза. Наверно, часто щурился. Ковбойка навыпуск, как все теперь носят. Волосы вьются. Вернее, вились. Видно, ты был красивым парнем, Джавад. Жаль, что тебе не повезло. И поверь, мне совсем не хотелось занимать твое место. Меня послали, хотя, откровенно говоря, я ожидал, что пошлют на что-нибудь большее. (Перебирает книги.) «Бурение глубоких скважин», «Глинистый раствор». Понятно... «Алмазные сверла». Тоже понятно... Самед Вургун — «Лирика», Ефремов — «Туманность Андромеды», повести Айтматова, «Путешествие на Кон-Тики»... Когда ты успевал?.. «Интегральные уравнения», «Вопросы философии», журнал «Советская женщина»... Открытка, Ленинград, ботанический сад, зонтичная пальма... Ну и что, если пальма? А на обороте? (Читает.) «Вот та самая зонтичная пальма, Джавад, что мы видели в ботаническом саду. Она цветет раз в жизни, и ты говорил, что я чем-то похожа на нее. Помнишь? Не могу больше ждать, Джавад, не могу. Вчера встречала самолет с твоим очередным букетом нарциссов в целлофане и решила, что на таком же самолете я могу преспокойно прилететь к тебе. Купила билет на пятое. Вылет телеграфирую. Нина». Сегодня, кажется, пятое? (Торопливо роется в книгах.) Где телеграмма? Где эта телеграмма? Ага. «Рейс двести девять, встречай, целую». (Смотрит на часы.)

Ленинградский, рейс двести девять, Нина и цветы в целлофановой обертке.

Медленно надевает плащ, уходит. На эстакаду выходят Адиля и разведчики.

БАДИМ. Ты его давно знаешь, Адиля?

АДИЛЯ. Теперь это не имеет значения, ребята.

АНДРЕЙ. У него неплохо не только с баскетболом, но и с бегом на короткие дистанции: стометровку даст за одиннадцать с половиной. Смотри, как летит к причалу.

ГРАНТ. Раз, два, три... Он вернется, бежит без чемодана.

АДИЛЯ. Может, вернется, а может быть, и нет. Он умеет уходить внезапно... Был совсем рядом, и вдруг его нет...

ВТОРАЯ КАРТИНА

Квартира Рамиза в Баку: просто обставленная комната, за ней угадывается другая. Балкон. Вечер.

Шамама нарезает зелень для маринада. Свет мигает, потом гаснет.

ШАМАМА. Опять! Всевышний, покарай, наконец, нашего управдома, уготовь ему ад на том свете. Весь дом завесил надписями: ковры на лестничной клетке не выбивать, белье на балконах не развешивать, в лифте мебель не возить... Как будто все в лифтах возят спальные гарнитуры. Здесь не чихни, там не кашляни! А сам... *(Кто-то барабанит в дверь)*. Иду, иду. Кто там?

ГОЛОС. Шофер.

ШАМАМА *(открывая дверь)*. Какой шофер?..

ГОЛОС. Шофер такси. Вещи помогаю поднять, принимайте.

ШАМАМА. Чьи вещи? Не в ту квартиру постучался, сынок. Эй, товарищ, куда уходишь? Чьи это вещи?

ГОЛОС РАМИЗА. Ниночкины, мама. Водитель не ошибся. А вот и она сама. Прошу сюда. *(Нина и Рамиз входят в переднюю.)* Познакомьтесь, пожалуйста, моя мать. Все хвалят своих матерей, все считают их единственными по доброте и сердечности, но у меня, Ниночка, действительно, очень добрая и нежная мама.

НИНА. Очень рада. Извините... я не знаю, как вас зовут. Все случилось так неожиданно, я прямо с вещами.

ШАМАМА. Вижу, что прямо с вещами. Зовут меня Шамама-ханум.

РАМИЗ. Проходите, Ниночка, проходите. Отныне считайте этот дом вашим домом.

ШАМАМА. Свет потух. А у нас ни лампы, ни свечи.

РАМИЗ. А моя судовая электростанция? Если, конечно, не отсырели батареи. *(Возится у комода. Зажигаются огоньки игрушечной шхуны)*. Не очень светло, зато празднично. Как елка в новогоднюю ночь. Мать, возьми... *(Замечает, что Шамама ушла)*. Пошла поскорей поставить чайник.

НИНА. Не надо никакого чая. Право, мне совестно. Столько хлопот.

РАМИЗ. Еще одно слово, и я обижусь. Совестно должно быть мне: друг просил встретить по-настоящему, а в квартире у нас — сами видите... В довершение ко всему еще свет потух.

НИНА. Все замечательно. Кроме того, я летела без расчета на какую-нибудь квартиру вообще. У Джавада-то ее пока нет.

РАМИЗ. Получит, то-есть получите. Теперь у нас дай бог какие темпы. Утром проходишь — еще леса, а к вечеру — дом уже готов.

НИНА. А, может быть, нам лучше было бы все-таки поехать прямо на разведку?

РАМИЗ. В штормовое море? После того, как вас укачало даже в комфортабельном ИЛ-18?

НИНА. Я выдержу.

РАМИЗ. Но есть ли смысл? На разведке трудный момент, приближаются к проектной глубине. Джавад не может отойти от тормоза ни на шаг... Положим цветы в вазу. Они завянут в целлофане.

НИНА. Да, да. Не беспокойтесь, я сама.

РАМИЗ. Ну, располагайтесь. Тахта старенькая, но удобная. Письменный стол сойдет за туалетный, душ — в передней, слева. *(Уходит в соседнюю комнату.)*

НИНА. Те же нарциссы. Как Джавад умудряется доставать их в такое время года? *(Кладет цветы в вазу. Потом достает из чемодана полотенце и уходит в переднюю. На балкон выходят Шамама и Рамиз.)*

РАМИЗ. Она, понимаешь, зонтичная пальма.

ШАМАМА. Кто? Кто она?

РАМИЗ. Есть такая пальма. Живет нормально, даже долго, но цветет всего один раз. Нет, нельзя Нине сразу сказать о Джаваде.

ШАМАМА. Скроешь день, два... А потом?

РАМИЗ. Подготовим постепенно: заболел, или несчастный случай, состояние ухудшается, хуже, хуже, совсем плохо. Тогда уже можно сказать и правду. И проводить ее обратно — домой.

ШАМАМА. Иди в комнату, не оставляй ее одну. И ври с толком, чтобы не попасться.

РАМИЗ. Постараюсь, мама...

Мирза ИБРАГИМОВ

Что говорит мне земля...

РАССКАЗ

Перевод с азербайджанского Е. Факторовича

Случилось так, что живу я теперь далеко от отчего дома. А началась эта история несколько лет назад, в такую же тихую и безоблачную декабрьскую пору. В тот день меня вызвали в райком и сказали:

— Шакла-ханум, нас очень беспокоит Сарытепенский колхоз. Кого мы туда ни посылали, дело все не идет. Подумали мы и решили рекомендовать председателем тебя...

Я, видно, сильно изменилась в лице, потому что второй секретарь Гамид-муэллим (раньше он преподавал литературу) налил в стакан воды и поднес мне.

— Мы долго советовались, прикидывали и так и эдак, — сказал он. — Конечно, нелегко будет вдаль от дома...

Я горячо перебила его:

— Да не в том дело, что вдаль от дома. Честно говоря, боюсь я. А вдруг — не справлюсь? Хозяйство большое, сложное, к тому же...

Я запнулась, не желая выдавать того, что сильнее всего меня беспокоило. Но первый секретарь понял:

— К тому же — совершенно запущенное. Да, трудно вам будет, придется здорово поработать. Та-

кая ноша только сильному мужчине по плечу...

Оба секретаря переглянулись и весело рассмеялись, как бы желая подбодрить меня. Гамид-муэллим поглядел на меня и уже серьезно сказал:

— Шакла-ханум еще в школе слыла самой смелой и решительной...

— Что ж, согласна, — ответила я, — пусть будет по-вашему.

Моя мать, узнав о том, что меня рекомендуют председателем Сарытепенского колхоза, вопреки моим страхам даже обрадовалась.

— Езжай, езжай, доченька, желаю тебе удачи. Время нынче такое... Видать, есть в тебе что-то, раз такой большой колхоз доверили...

С тревогой ждала я, что скажет отец. Он сидел на табуретке и точил затупившиеся лопаты и топоры. Его окладистая седая борода напоминала мне снега на горных вершинах. С самого детства отец представлялся мне чем-то вроде высокой горы, и всякий раз, когда я подходила к нему и когда он говорил со мной, сердце мое билось чаще.

— Что посоветуешь, отец? —

спросила я, остановившись перед ним.

Он взглянул на меня снизу вверх.

— Разве язык земли тебе столь понятен, что ты берешься за такое дело? — ответил он вопросом на вопрос.

Я никогда не отвечала отцу сразу. С самого детства он приучил меня сперва хорошенько обдумать, а уж потом отвечать. Пока я стояла и думала, мать бросилась меня защищать.

— Чего ты мудришь, старик! Земля — не человек, откуда у нее язык, чтоб разговаривать. Сказал бы дочери доброе слово, подбодрил бы, пусть идет себе и работает...

— Много ты разумеешь, — спокойно возразил отец. — Если написать все то, что рассказала мне земля, получилась бы целая книга.

— Я понимаю, отец, что ты хочешь сказать. Но ведь человек не сразу все узнает, тут годы нужны, учеба...

— Ну, если ты обдумала и решилась, то поезжай, доченька. Только помни, сколько бы ты ни прочла книг, всего не узнаешь. Прислушивайся к тому, что колхозники советовать будут, к земле прислушивайся. От этого тебе только польза...

...В Сарытепе меня встретили по-разному, как и всякого нового человека: одни — приветливо, другие — настороженно. Где бы я ни бывала, всюду чувствовала на себе испытующие взгляды; они не оставляли меня. Отношение ко мне было двойственным. Когда я что-нибудь советовала или давала указания, со мной во всем соглашались и дружно кивали. Но в глубине их глаз таилась мысль: «Сперва посмотрим, что ты за птица, перевидели мы уж председателей на своем веку».

Но скоро лед недоверия растаял. И вот почему.

Я верю людям. Ничто на свете мне так не чуждо, как несправедливость, постоянная неуверенность и подозрительность. Люблю во всем

ясность, откровенность. И вдруг я поймала себя на том, что и сама гляжу на некоторых людей как бы с подозрением. Мне стало ясно, что сарытепенцы чувствуют это и в ответ ведут себя еще более холодно и недоверчиво. Вспомнился мне тогда отцовский наказ: «Иди, доченька, прямой дорогой. А тот, кто попытается сбить тебя, пусть зря старается...»

Я стала смотреть на окружающих глазами доброго друга и товарища. И что же? Я узнала прекрасных, чистых, добрых людей. Им и самим надоела подозрительная и холодная напряженность, они с радостью пошли мне навстречу.

Стоило мне теперь что-либо предложить, со всех сторон так и сыпались советы, как получше да как полезнее сделать то или это.

В колхозе сколотился актив — ядро, без которого не обходился ни один почин. Это ядро, точно мотор в машине, точно сердце в груди.

Конечно, за три года в самые передовые мы не вышли. Но теперь уже никто не посмеет сказать: «Либо сами поедают, либо скоту скармливают». Даже у самого дурного человека язык не повернется произнести такое.

Первым делом мы разобрались, какие вопросы требуют срочного решения. Составили план работ. Определили каждому делу срок. Ведь никто так не зависит от сроков, как сеятель. Прозевал день-другой, считай — потерял год. Не вовремя посеянное зерно, не вовремя посаженное дерево, непрополотый посев — что недокормленные овцой ягнята: слабые, худосочные.

Однажды — мне тогда было десять лет — отец посадил у нас во дворе два дерева. Одно в марте, перед самым Новруз-байрамом, когда наливались почки, а второе — гораздо позже, когда на деревьях зазеленели первые побеги.

— Гляди и запоминай, — сказал он. — Увидишь, как непохожи будут деревья, если одно из них посадить не вовремя.

Прошли годы. И в самом деле, дерево, посаженное в Новруз-байрам, разрослось так, что тень его теперь закрывает почти весь двор. Весной крона его пестреет цветами, а осенью — красными яблоками. На другом дереве то листья желтеют, то цветы раньше времени опадут, то несколько появившихся на нем яблок недозрелыми падают на землю.

И где бы я ни была, эти две яблони всегда перед моими глазами.

Когда я вижу, что время проходит, а дело еще не сделано, мне кажется, что совершается преступление. Тогда меня охватывает тревога, я начинаю нервничать, и тут уже достается кому следует — что поделаешь, такой у меня характер.

Эту мою черту сарытепенцы сразу подметили и без всяких отговорок старались уложиться в срок.

Когда мы составили план работы и наметили сроки для сева, решили за каждое дело и ответственного подыскать.

А это, знаете, как трудно! Ведь частенько люди и сами своих способностей не знают. А есть и такие, которые рассуждают: поменьше бы работы, да побольше дохода. Ясное дело, иногда мы ошибались, но все же расставили людей. Теперь каждый в колхозе нашел работу по душе, а бригады крепко сдружились и во всем одна другой помогают.

За это время отец частенько навещался в Сарытепе, и всякий раз, когда мы оставались наедине и неторопливо беседовали за чашкой чая, я чувствовала, что он приехал не столько для того, чтобы повидать меня, сколько для того, чтобы предупредить мои ошибки. Оказывается, отец пристально следил за мной, ни одна весточка из нашего села не проходила мимо его внимания.

Никогда не забуду, как серьезно он со мной говорил. Первый раз он приехал в тот год, когда наш колхоз перевыполнил план по всем показателям. То был удивительный год. В начале марта неожиданно потеплело, и весна наступила очень

рано. Для хлопкоробов это большая удача, и к концу марта мы уже отсеялись. Лето выдалось ^{очень} жаркое, за три месяца на небе не показалось ни тучки, но зимою в горах собралось много снега, и вода в реках держалась до самой середины июля. Сверху — солнечное тепло, снизу — влага, и хлопковые кусты поднялись в человеческий рост и густо покрылись коробочками. А осень! Мягкая, погожая осень. До ноября стояла теплынь. В октябре несколько раз прошли дожди и щедро напоили луга. Потом небо прояснилось, и солнечные лучи залили всю землю. Прохладный осенний ветер ночью, теплые лучи днем — и все оставшиеся коробочки дозрели и растрескались.

Да, это был удачный год. Колхоз здорово перевыполнил план, урожай был такой, что мы сами себе поверить боялись. И вот, когда составлялись новые планы, мы решили расширить хлопковые участки в полтора раза.

Надо сказать, что часть наших земель приходится на предгорья. Там хорошо всходит зерно, там же лежали наши бахчи. Очень уж заманчивой была перспектива отвести часть этих земель под хлопок.

Как-то вечером в мою дверь постучали. Открываю — отец. Он переночевал у меня и еще затемно ушел. Никогда не забыть мне слов отца, сказанных в ту тихую ночь. Укоризненных, поучительных и полных глубокого сочувствия слов:

— Как же так, о чем ты думаешь? Кто сеет хлопок на предгорных участках?! В тридцать, в пятьдесят лет раз выпадает такой замечательный год, а ты, видно, решила, что теперь всегда так будет. Я-то думал, что моя дочь за эти годы научилась понимать язык земли. Оказывается, ошибся я...

Утром приехал к нам Гамидмуэллим и тоже, как бы между прочим, завел разговор о тех же предгорных участках. В конце концов мы отказались от этой затеи.

Сегодня вечером отец неожидан-

но приехал в Сарытепе. Он поужинал со мною, выпил чаю, поговорил о разных мелочах. Укладываясь спать, предупредил, что утром хочет объехать поля, и просил приготовить двух коней. Там, где нам нужно побывать, никакая машина не пройдет. Отцу уже за восемьдесят, но наездник он и сейчас лихой.

Ночь медленно уплывала за горы. Вокруг, до самого горизонта, раскинулась степь. Чернели вспаханные поля. А вдали серебрилась покрытая инеем озимая пшеница.

Любуясь зрелищем пробуждающейся природы, я на какое-то мгновение отдалась во власть далеких от настоящего мечтаний: мне представлялось, что я еду по лесам Гек-Геля или по саду Сорока девушек из сказок моей бабушки.

Точно почувствовав, что мысли мои далеко, отец внезапно натянул поводья, остановил коня и сказал:

— А теперь послушай, что говорит тебе эта земля...

Я вглядывалась в лежащий перед нами большой участок хлопкового поля. Этот участок очень подвел нас—вместо запланированных двадцати центнеров хлопка дал всего восемь. Как мы ни бились, хлопок не удался, кусты-недоростки едва поднялись над землей.

В конце концов мы потеряли всякую надежду и махнули на этот участок рукой.

— Плохая почва, отец, ничего не родит.

— Плохая почва... — повторил мои слова отец. — А я вот слушаю эту землю, она на тебя жалуется. И жалуется она потому, что нехорошо с ней обращаются... Плохая земля! А почему?! Потому что вы за эти годы высосали из нее все соки. А что вы ей дали взамен? Несколько подвод навоза, да и то вряд ли. Разве ты не слышишь голоса этой земли?! Ты прислушайся!..

Я задумалась. Мне чудилось, будто я и впрямь слышу голос земли, простирающейся передо мной. Будто земля, обретя дар речи, гово-

рила мне: «Я живу уже миллионы лет, и лучшими днями для меня были те, когда ты смягчала мою грудь, засекала зерном, не давала мне остаться бесплодной обителью сорных трав...»

— Земля, дочка, устает так же, как человек, — заговорил опять отец. — Она тоже теряет силу, ей тоже нужен уход.

Он натянул поводья и поехал. Я виновато оглянулась в сторону «жалующейся» земли.

— У земли, дочка, тысячи тайн, — продолжал отец. — Примешивай к ней удобрения, обогащай, подкармливай ее, и она обретет новые силы... У земли, дочка, великие тайны, изучай ее язык, цени ее.

Я слушала слова отца, и земля казалась мне гигантской химической лабораторией, в которой вещества переходят из одного состояния в другое, обретают новые качества, а потом приносят людям неисчислимы богатства. Я вспомнила о решениях партии по строительству большой химии и о той химии, которая сможет вернуть земле часть утерянных ею сил. Быть может, величие человеческого разума в том и состоит, что, изучая природу земли, он ее одновременно и преобразует, стремясь полнее использовать ее неиссякаемые силы.

— Понимаешь, отец, химия в ближайшее время даст нам такие удобрения, которые удесятят силу почвы, помогут вырастить богатейший урожай. Ты ведь знаешь, какие решения принял наш Центральный Комитет...

— Радио я слушаю, газеты читаю, — перебил меня отец. — Может, и не все понимаю, но немножко соображаю, что к чему. Не ждите сложа руки, пока вам доставят все готовеньким, а земля, как в сказке, вдруг станет плодородной. Нет, не будет этого. Тут труд нужно приложить, хозяйничать по настоящему, с головой...

Отец повернул коня и поехал в сторону строящегося полевого стана.

— А это что такое? — вдруг воскликнул он.

Я увидела кучу беспорядочно сваленных мешков с химикатами. Бумажные мешки местами прорвались, и земля подле них была покрыта белым, как соль, суперфосфатом. Я прямо-таки задохнулась от стыда и гнева. Что я могла ответить отцу? Черт бы побрал и бригадира, и того, кто эти мешки здесь свалил...

Словно угадав мои мысли, отец продолжал:

— Есть вещи, дочка, где беспечность — то же преступление. Эти удобрения ни минуты не должны лежать под открытым небом. Дождь ли, снег ли, — влага для них смерть. Посмотри, как испортила мешки ночная роса. Кто их здесь бросил? Совести у того нет! Вот на это и жалуется земля, где мы недавно были. Ведь удобрения — хлеб для земли. А здесь они гибнут...

Тут я не выдержала:

— Сегодня же поставлю вопрос о бригадире Гасане. Не бывать ему больше бригадиром!..

Отец резко повернулся ко мне.

— Да-да!.. Я думал, ты только языка земли не знаешь, оказываешься, ты и с людьми еще разговаривать не научилась. Нет, ты объясни Гасану его оплошность, пусть ему стыдно станет, тогда в другой раз он к таким делам иначе относиться будет... Нужно, чтобы не кары боялись, а за дело болели...

Отец прищипорил коня. Я последовала за ним, невольно восхищаясь силой и ясностью ума этого восьмидесятилетнего старика.

Спустя некоторое время отец придержал коня перед большим участком, который годами не знал ни лопаты, ни плуга, не слышал шума тракторов. Поле заросло сорняками, местами громоздились каменные глыбы и бесчисленные пни. Не глядя на меня, отец спросил:

— А что тебе эта земля говорит?

— Здесь было русло реки, отец, — ответила я. — Когда-то по обеим сторонам русла тянулись ряды ту-

товых деревьев, тополей, чинар и тростниковые заросли. Но за несколько лет до моего приезда сюда река постепенно обмелела и высохла. Высохли и деревья, оставив после себя только эти пни. А на той стороне когда-то было кладбище, и все те камни, которые ты видишь, служили надгробными плитами.

— Все это я понял с первого взгляда. Это хороший участок — что ни посеешь, года два-три урожаем будет богатый. Только надо выкорчевать пни и камни убрать...

— Отец, это слишком трудно. Сейчас у нас есть дела поважнее...

— Руки у земледельца могут устать, а мысль — не должна. Не бойся труда, каким бы тяжелым он ни был, радость он принесет тебе большую, — возразил отец.

Он медленно поехал, внимательно вглядываясь в окутанную легким туманом степь и что-то тихо напевая.

Я смотрела на него и не могла нарадоваться его жажде жизни, любви к ней. Как я гордилась им сейчас! Вдруг он остановил коня и, когда я поравнялась с ним, тихо сказал, словно открывая другу сокровенную думу:

— Земля рассказывает мне такие сказки, что я готов их сто лет слушать!

Я размышляю над его словами и нахожу в них глубочайший смысл. Отец любит землю. И земля, чувствуя эту любовь, открывает ему свое сердце, становится верным другом.

И куда бы я теперь ни пошла, всюду вслушиваюсь я в голос земли. Когда пустыни, горы и долины укутывает мрак и в ночной тьме не слышно ни звука, земля не дремлет, не знает отдыха, она напевает свою извечную песню. В этой песне я слышу голоса умерших десятки и сотни лет назад и голоса грядущих поколений.

Да, земля постоянно зовет меня, заставляет думать, трудиться, возделывать сады и поля, выращивать цветы...

Мирварид ДИЛЬБАЗИ

ЗЕМЛЯ РУСТАВЕЛИ

Перевод с азербайджанского Г. Павловской

Арагви, петляя, бежит по долине зеленой.
В прозрачной воде отражаются горные склоны.

Какие же тайны горам поверяет река?
Какие легенды она сберегла на века?

На острой горе одиноко стоит монастырь,
Над ним проплывают преданья, витают мечты.

Часовни, гробницы, не стертые сотнями лет,
Таинственный замок Тамары на серой скале...

Забутые временем символы славы и власти, —
Но где же следы, где же символ народного счастья?

Скорей, проводник, уведи меня прочь от бывшего,
От древних руин к городам и селениям новым,

В Рустави, где в небо уходит клубящийся дым,
Где льется к заводу поток дашкесанской руды,

Где в окнах домов разливается пламя восхода,
Где люди горды и трудом своих рук, и заводом,

Где звонкие песни над городом вьются, как птицы,
И счастьем безоблачным светятся детские лица.

Еще, проводник, я спешу к благодатным долинам,
Где в темных ветвях огоньками горят мандарины,

К плантациям чая и солнечно-желтых лимонов,
К приветливым людям, в свой труд беззаветно влюбленным.

Взойдем на Мтацминду, посмотрим на красочный город,
В стремительном росте теснящий окрестные горы.

Ничем не сдержать охватившее сердце волненье:
Земля Руставели, извечный приют вдохновенья!

Чей голос о дружбе, о счастье поет вдалеке?
Я эту же песню сложу на своем языке!

ЧИТАТЕЛЮ

Перевод с азербайджанского С. Мамедзаде

Когда тебе придется я по душе,
Не торопись хвалить и почитать.
Стихи мои, знакомые уже,
Советую тебе перечитать.
Поверхностен бывает первый взгляд.
Пройди глазами вереницу строк.
И — без потачек. Будь возможно строг.
Стихи мои с тобой заговорят,
Выкладывая то, чего нельзя
Нам высказать безжалостно в глаза
Из чувства деликатной доброты.
На все слова вниманье обрати.
Пусть поверхность не сокроет дно.
Стихам доверишь то, что не всегда

Доверить другу близкому дано.
Как двери в дом, страницы распахни.
Забудь про робость. Запросто шагни
Через порог заглавия туда,
Где строк стена вздымается, крута.
Мы встретимся. И во главу угла
Поставим: — А полезны ли стране
Мои стихи? А лесть не завлекла,
Порою подносимая и мне?
И если ты увидишь, что гладка
Моя дорога — путь мой прегради
Скалой, ущельем. Славу укради.
Пусть в труде окрепнет вновь рука.

Алигасан НАДЖАФОВ

ПРЕКРАСЕН ЭТОТ ТРУД

Перевод с азербайджанского С. Соложенкиной

На плечи небо звездное набросив,
Нефтяники уходят в ночь опять,
Они у моря требуют — не просят —
Им клады сокровенные отдать.
Пусть бушует шторм, крепчает ветер,
Спокоен взгляд у тех, кто сердцем смел.
Что этих рук надежнее на свете?
Они осият разом сотню дел.

Пусть туман, нависнув над волнами,
Нахмурит брови сизые грозней —
Не зря сынов с горящими сердцами
Рождает для легенд «страна огней»!
Они любую бурю переспорят.
Нелегко, но прекрасен этот труд —
И вышки, завоеывая море,
Как памятники мужеству встают!

Мамед РАГИМ

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ЦИЦАМУРИ!

Г. Леонидзе, народному поэту Грузии

Перевод с азербайджанского Ю. Левитанского

Добрый вечер, Цицамури!
Вот и горы заблистали —
будто плавится на солнце
камень в тысячу карат.
И Арагви изогнулась,
словно меч из тонкой стали.
Это место мне по нраву,
о товарищ мой и брат!
Мы огонь зажгли высокий,
и в его горячем свете
мы торжественно сидели
и глядели на костер.

Ты сказал, что это лучший
из костров на белом свете,
я сказал, что руки дружбы
он над нами распростер.
...Мы в Тбилиси возвращались,
и за нами тень косая
все бежала, исчезая,
ускользая на бегу.
И горел костер высокий,
в темноте не угасая,
все горел огонь высокий
на грузинском берегу.

Байрам БАЙРАМОВ

С т о р о ж

РАССКАЗ

Перевод с азербайджанского Д. Шихзаманова

Снег таял. Неожиданно обнажились проталины, зажурчали ручейки. На полях зацвели подснежники. Высоко в бездонную глубину синего неба взбиралось холодное, робкое мартовское солнце. По ночам еще давал о себе знать мороз, храбрился снег, лежавший клочками под деревьями и в оврагах. Но в полдень солнце становилось смелее. Все больше чернели поля, сгущалась синева неба. Птицы шумно радовались первым побегам, всходам на полях, резвились, щебетали.

Сторож Мехнат медленно шел вдоль кромки засеянного поля. «А что если собрать букет подснежников и отнести Фирузе? — думал он. — Может, эти цветы растопят лед безразличия в ее сердце... Ведь подснежники начинают расти под снегом, а распускаются навстречу солнцу...»

Мехнат закинул двустволку за спину, нагнулся и начал срывать подснежники. Веселый получил букетик. Мехнат восхищенно глядел на цветы, словно видел их впервые в жизни. Он подумал о том, что эти нежные цветы, упря-

мо пробившиеся из-под снега, могут ему покорить сердце веселой, как весенняя птица, Фирузы. Он поднес цветы к лицу. Запаха не было, был лишь один холод.

Вода в реке Дуручай еще не подымалась. Мехнат обошел пшеничные поля, спустился к берегу. Недалеко от реки возвышалась скала, очень похожая на гигантскую грушу. Можно было подумать, что кто-то специально привез и свалил ее здесь. Кстати, почему-то на таких скалах возле шоссе или больших рек чаще всего устанавливают скульптуры орлов и джейранов. Обойдя свой участок, Мехнат обычно взбирался на вершину скалы и часами стоял там, разглядывая окрестности. Отсюда было видно далеко вокруг:

А, может, еще и потому облюбовал юноша эту скалу, что отсюда он хорошо видел Фирузу, хлопотную на колхозной ферме, окруженную стайками белых уток, гусей и кур. Он мог часами стоять здесь, наблюдая за ней. «Конечно,

знает Фируза, что прихожу я сюда из-за нее. Разве стала бы она выбегать на улицу, едва я вскарабкаюсь на вершину скалы? А на днях... на днях она вдруг побежала в эту сторону. Ветер лохматил ее волосы. Я чуть не скатился со скалы. То ли от радости, то ли от страха... Подбежала она к самой скале и крикнула: «Эй, сторож, послушай и запомни: если хоть один мой цыпленок по твоей вине станет жертвой лисы или коршуна, то я доберусь до тебя, будь ты даже на облаках!» Я ответил: «Не только птиц твоих стерегу, но и тебя от любой беды сохраню, Фируза!» Она засмеялась: «Позаботься лучше о себе, не то волки в лес утащат».

И вот уже ее пестрая косынка скрылась за домиками птицефермы. Долго глядел я ей вслед. И вдруг услышал крики на ферме. Оглянулся — коршун кружит в небе. Соскочил я со скалы и помчался во весь дух. Сбились птицы белым кольцом вокруг Фирузы. Та кричит, размахивает руками. И я стал кричать. А коршуну все нипочем. Кружит себе, опускается все ниже и ниже. Вот он сложил крылья и камнем ринулся вниз. Фируза бросилась навстречу с кулаками. Я было схватил ружье, но коршун так же стремительно взвился ввысь. Я побежал к ферме и еще издали заметил, как коршун вторично кинулся в гущу птиц. Птицы шарахнулись в стороны. Коршун снова взмыл. На этот раз в когтях он уносил цыпленка. Что мне было делать? Стрелять? Упускать хищника нельзя. Уйдет безнаказанно — вернется снова. Вскинул я ружье и нажал на обе собачки. Дым рассеялся, к ногам моим упали два белых пера да обгорелые пыжи. Коршун в мгновение ока пересек Дуручай и взвился над кронами деревьев. В ту же секунду слева раздался выстрел. Коршун замер на мгновение в воздухе и упал на землю. Не

успел я прийти в себя, как услышал насмешливый голос Фирузы:

— Скорее камень сдвинется с места, чем ты повернешься. Видел, как лесничий Джамиль подстрелил коршуна?!

— Я побоялся, Фируза, думал попаду в цыпленка...

— Напрасно. Такой стрелок, как ты, может быть уверен, что ни во что не попадет! — бросила она и, круто повернувшись, пошла к своим цыплятам, которые все еще испуганно метались по двору».

* * *

В начале апреля вдруг ударили морозы. Задули резкие ветры, затвердела земля, словно железо. Мехнат, как обычно, сидел на облюбованной скале. Те же мысли занимали его, те же чувства волновали кровь, заставляли сердце биться чаще. Так же глядел он в сторону птицефермы, где Фируза кормила своих цыплят. Потом переводил взгляд на посеревшие от мороза пашни, на реку... Там далеко, откуда бежала река, возвышались седые снежные горы. «В прошлом году засуха была у нас, — вспомнил Мехнат. — Тяжко было смотреть на растрескавшуюся от зноя землю. Казалось, будто стонет она и просит: «Напоите меня водой, видите, губы пересохли от жажды». Весной Дуручай разлился, затопил прибрежные луга, а летом земля иссохла от зноя, гибли посевы... Этой весной тоже много будет воды в Дуручае — вон сколько снега на горах! Солнце наберется сил, растает снег, и пойдут талые воды по широкому руслу Дуручая! А что, если летом снова не будет дождя, чем мы тогда напоим посевы? Смогли же люди обуздать воды Волги и Дона, Куры и Аракса. Разве трудно справиться с нашей рекой? А сколько гектаров можно оросить водой Дуручая, сколько деревьев напоить? Эх, пока руко-

водители нашего колхоза обмозгуют это дело! Легче камень сдвинуть с места. Здорово! Ведь то же самое сказала и Фируза про меня...»

Гул приближающейся машины прервал размышления Мехната. Грузовая машина остановилась недалеко от реки. Трое мужчин спрыгнули на землю, еще один, открыв дверцу, медленно вышел из кабины. Пятый, оставшийся в кузове, сбросил на землю несколько лопат, кирок и мотыг. Никто из них не обратил на Мехната внимания. Они оживленно разговаривали, указывая на противоположный берег. Мехнат при случае любил порассуждать о том, что именно здесь удобнее всего возводить плотину. «Неужели мои мысли превращаются в явь?» — подумал Мехнат и подошел к самому краю скалы, чтобы спрыгнуть вниз, но остановился — было очень высоко. В это время юноша услышал знакомый голос председателя колхоза:

— Послушай, парень, чем торчать на скале, как пугало, сойди-ка лучше вниз!

— Иду, председатель, иду, — с готовностью ответил Мехнат и бегом бросился по тропинке. — Поздравляю, наконец-то решили построить плотину, желаю удачи! — проговорил он, подбегая к председателю.

— Чего ты тараторишь! Какая плотина? Мост решили построить. Подымется вода в реке, а ты ходи себе по мосту с одного берега на другой!

Тут подросла и Фируза.

— Председатель, корм нужен для птиц. Если завтра не привезут мне крупу, пеняй на себя!

Председатель рассердился:

— Да пропади твои куры пропадом, поздоровайся хоть сначала!

Но не такова была Фируза, чтобы испугаться председательского гнева. Она еще ближе подошла к

нему, помахала рукой перед самым его носом.

— Что ж, здравствуйте! Желаю удачи в вашем добром начинании... Но все же, когда дашь мне корм для птиц?

— Будет корм, Фируза, завтра же жди машину! — Председатель взглянул на своих спутников, потом на противоположный берег реки и сказал: — Посмотрите-ка сюда. Здесь мы перебросим пару крупных канатов, настелем доски, и получится прекрасный висячий мост. И дешево, и красиво.

— Любишь ты красоту, председатель... Ладно уж, сооруди этот висячий мост, покатаемся на нем, как на качелях. Но не забудь про корма, — опять сказала Фируза и незаметно подмигнула Мехнату.

— Мехнат, — председатель повернулся к сторожу, — ты эти несколько дней будешь помогать мастерам. С того берега на помощь вам придет лесничий Джамиль.

Мехнат не ответил. Зато снова вмешалась в разговор Фируза:

— А что же делать мне, председатель?

— А ты готовь вкусную чихиртму и яичницу для наших строителей, чтобы они за пять дней соорудили нам мост через реку!

* * *

Мехнат не оставлял поля без присмотра ни днем, ни вечером. Грустно было юноше. Может, потому он стал мечтателем, что привык в одиночестве проводить долгие весенние дни, наблюдая за маками, алеющими на полях, слушая веселое журчание ручьев и легкий шелест ярко-зеленых листьев на деревьях. Он любил следить за смелыми взмахами крыльев орла в бездонном синем небе и украдкой любоваться блеском голубых глаз Фирузы. А, может, виной тому книги, которые он приносил под мышкой на эту скалу и

читал, читал каждую свободную минуту. А еще, может быть, оттого он стал молчаливым и задумчивым, что в последнее время Фируза все чаще подходила к реке, звала лесничего Джамиля и подолгу переговаривалась с ним с берега на берег. «Через несколько дней появится на реке висячий мост, который соединит оба берега, — думал Мехнат. — А ведь куда лучше было бы построить тут плотину: и вода накопится, и мост будет настоящий — не только для пешеходов, но и для машин».

* * *

Любителей поглазеть на строительство моста собиралось обычно гораздо больше самих строителей. Особенно много приходило детей. Мехнат брался за самую тяжелую работу: копал ямы для опорных столбов, катил огромные катушки с тросом. Но как бы ни был он занят работой, не мог не видеть, что лесничий Джамиль все чаще поглядывает на Фирузу.

Наконец через реку был перекинут первый канат.

— Первым делом свадебный кортеж пройдет по этому мосту, понял, сторож! — крикнула Фируза.

Мехнат ответил, не поворачивая головы:

— Дуручай новобрачным можно и вброд перейти.

Фируза громко засмеялась.

— Такой, как ты, и арыка не перейдет, в луже утонет.

— Да я еще и не собираюсь играть свадьбу.

— Знаю, пока ты слово скажешь, невеста передумает!

* * *

Вскоре мост через Дуручай был готов. Весна все смелее входила в свои права, мороз отступал все дальше, в горах начали таять снега, на полях зазелели маки. Дуручай оживал. Прибывали вешние воды. На полях морем колыхалась пшеница.

В один из теплых, ясных дней Мехнат, как обычно, сидел на скале. Он думал о Фирузе и в душе ругал себя за нерешительность. Однако ничего не мог с собой поделать, не решался сказать заветное.

Сидел Мехнат на скале, думал о Фирузе и любовался висячим мостом. Он очень нравился сторожу. На своем веку видел Мехнат большие каменные мосты, широкие и просторные, по которым мчались автомашины и даже поезда. Но узенький висячий мост через Дуручай обладал особенной красотой. Он был гибок, как мечта. Мехнату казалось, что мост шепчет ему что-то, чего он, Мехнат, никак не может разобрать. Зато он видел не раз, как по мосту рядом с лесничим Джамилем идет Фируза, девушка, которую он любит. Они обычно доходят до середины моста, потом Фируза останавливается, прощается с Джамилем и идет дальше одна. Что говорить, тяжело было Мехнату смотреть на это. Ему хотелось бежать куда глаза глядят. Почему он такой робкий, нерешительный? Почему?

Вот и сегодня Джамиль провожает Фирузу до середины моста. Они останавливаются. Разговаривают, смеются. Им доставляет удовольствие раскачиваться на тросах. Мехнат смотрит, смотрит не отрывая глаз. «Неужели Фируза любит его? — думает Мехнат. Что ж, пусть они будут счастливы. Все поэты говорят, что любовь идет от сердца к сердцу. Но, оказывается, иногда любовь может прийти и по мосту, который так легко и быстро возвели по распоряжению председателя колхоза».

Долго думал бы так Мехнат, если бы мысли его не прервал грозный рокот прибывающей воды. С гор, грохоча и пенясь, мчались потоки воды, неся с собой бревна и камни.

— Эй-эй! — закричал он. — Бегите, поток снесет мост!

Но стоящие на мосту не расслышали его голоса. Мехнат в отчаянии замахал руками. Все было напрасно. Тогда он схватил ружье, выстрелил раз, другой. Джамиль обернулся к скале, потом заметил несущиеся на гребне волн могучие стволы. Улыбка сошла с его лица. Фируза тоже поняла опасность, надо было бежать. Она бросилась к своему берегу, хотя Джамиль тянул Фирузу в обратную сторону. Стремительный поток поднял

стоямя огромный ствол старого дуба и с размаху обрушил его на мост. Береговые опоры не выдержали. Раздался жалобный, протяжный звон лопнувших канатов. Фируза, тяжело дыша, смотрела на другой берег: Джамиль медленно брел от берега, не подымая головы. Мехнат крепко держал похолодевшие ладони Фирузы. Он согреет их теплом своих рук, дыханием, сердцем. Он защитит ее от всех бед.

Друзья о друзьях

Т. Нариманбеков, художник

Нигяр РАФИБЕЙЛИ

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК!

Перевод с азербайджанского М. Алигер

Почему ты пришла ко мне?
 Кто послал тебя в этот путь?
 Мой ребенок горит в огне.
 Мне нельзя ни на миг уснуть.
 Как мне страшно в глухую ночь
 В одиноком доме моем.
 Ты сказала мне: — Я — помочь...
 Нам ведь легче будет вдвоем.
 Ты не мать мне и не сестра.
 Ты не врач, но ты помогла.
 Просто ты душою добра,
 По-другому ты не могла.
 Дверь открылась перед тобой.
 Исцелился ребенок мой.
 Не забуду тебя вовек...
 Я люблю тебя, человек!
 У платформы на пять минут
 Встал наш поезд в весенний день.
 Солнце светит, сады цветут.
 И пылает кругом сирень.
 От сирени сойдешь с ума!
 Утонула деревня в ней.
 На зеленом лугу дома,
 Словно стая белых гусей.
 И куда ни глянешь — сирень,
 И сирень, куда ни пойдешь.
 Из сиреневых деревень
 Вышла к поезду молодежь.
 Я с улыбкой гляжу из окна,
 И улыбке моей в ответ
 Подает мне девчушка одна

Необъятный лиловый букет.
 Я кричу ей: — Спасибо, дружок! —
 А она мне: — Счастливый путь! —
 Веет ласковый ветерок.
 Поезд вздрагивает чуть-чуть,
 И пошел...

А девушка вслед,
 Как родная, машет платком.
 И чудесный ее привет
 Наполняет меня теплом.
 Мы знакомы короткий миг,
 Но ее не забыть мне вовек.
 Ты безмерно добр и велик.
 Я люблю тебя, человек!
 Горе-критики скажут так:
 — Кто же этот абстрактный
герой? —

Человек этот — мой земляк,
 Брат мой,
 Друг мой,
 Товарищ мой.
 Воду чистую, хлеб и соль
 Я с рождения с ним делю.
 Я делю с ним и радость и боль,
 То, что любит он, я люблю.
 Он смеется смехом моим
 И горюет горем моим,
 Он стирает мне слезы с век.
 И твержу я, любуясь им:
 — Я люблю тебя, человек!

Расул РЗА

УЛИЦА ГУСИ ГАДЖИЕВА

Перевод с азербайджанского М. Павловой

Привет, мой старый друг!
 Привет твоей асфальтовой широкой мостовой,
 Твоим деревьям, обведенным гранитовой чертой,
 Твоим широким тротуарам и столбам,

С большими гроздьями молочных ламп!
Как поживаешь? Расскажи!
Ты видела меня
В чувяках ширпотребовских
И в курточке из грубого сукна,
Но, как живые рыбы, ходили мускулы
Под тканью рукава.
Где те корявые булыжники,
Которые, как стадо черепах,
Тебя когда-то покрывали?
Где те дома, чья тень зимой
Не доходила до середины мостовой?
Сегодня грудь твоя так широка,
Она, как полноводная река,
Чья тихая вода,
Как черное большое зеркало.
Дома из камня, каждый, как дворец,
Наверх посмотришь — шапка упадет,
Начнешь считать их окна — надоест.
Ты нынче стала просто молодец,
Всем улицам ты улица теперь!
Теперь ты в городе недаром на виду,
Теперь к тебе любого гостя приведу!
Смотрю и радуюсь, как ты богата,
Как это все тебе идёт,
И хочется мне снова, как когда-то,
Через дорогу бегать взад-вперед.
Мой старый друг, почти родня,
Прости, пожалуйста, меня,
Хочу тебе задать один вопрос:
На том углу когда-то было дерево, вон там,
Я поливал его обычно по утрам,
Из кружки старенькой с отбитой ручкой,
И каждую весну на нем
С десятков листьев появлялось.
Мне кажется, молодость свою
Оставил я в его тени...
Но улица молчала,
Как будто обращался я не к ней...
И тут увидел я
В конце квартала троих детей —
Две девочки и мальчик —
И на губах у них играла
Улыбка юности моей.

Сулейман РУСТАМ

ТБИЛИСИ

Перевод с азербайджанского В. Кафарова

Тебя увидев первый раз,
Воспел я твой расцвет, Тбилиси,
И вновь спешу в счастливый час
Я передать привет, Тбилиси.

Какое счастье для певца,
Что песне счастья нет конца!
Когда согласно бьют сердца,
Не сосчитать побед, Тбилиси!

Как много было на веку,
Всего я вспомнить не могу,
Но первой встречи сын Баку
Не позабудет, нет, Тбилиси.

Ты с той поры моложе стал,
А я, по мненью юных, стар.
Разгадка, видимо, проста:
Ты — город, я — поэт, Тбилиси.

Перевод с азербайджанского Г. Онаняна

Еще снежинки, землю серебра,
 Как бабочки порхать не начинали,
 Еще под тихим небом сентября
 Пылают, словно факелы, чинары;
 Еще не скоро вьюгам здесь шуметь,
 Но все студеной в белых тучах просинь,
 Слетают листья, красные, как медь,
 И блекнет солнце, желтое, как осень.
 Сорвал я с ветки спелую айву,
 Чтоб запахом осенним опьяниться,
 Я осень пью и грежу наяву:
 Летит и птиц, и мыслей вереница...

Какой простор! Негреющий костер
 Горит в садах светло и безмятежно,
 С айвы пушок ладонью я отер,
 Как будто осень я погладил нежно.
 Благословенна зрелости пора,
 Когда зима уже не за горами —
 Ведь мудрость увядания щедра
 Своими светозарными дарами.
 Ушедших лет не повернуть назад.
 Светла поэта золотая осень,
 Сквозит и облетает жизни сад...
 Да будет он стихами плодоносен!

Наби ХАЗРИ

МОРЕ, НЕБО И ЛЮБОВЬ

Перевод с азербайджанского Ю. Левитанского

— Дарю тебе я море в час разлуки! —
 Я говорю.

А ты глядишь в зарю
 и говоришь,
 к ней простирая руки:
 — Вот небо — я тебе его дарю!
 И мы с тобой прощаемся.
 О дай же
 коснуться только неба — и прости...
 От моря удаляемся все дальше.
 О как с собою море унести!
 Его я подарил тебе, чтоб снова
 к нему прийти, вернуться еще раз.
 Чтоб ты, не говоря ему ни слова,
 могла бы улыбнуться еще раз.
 У берега вода не убывает,
 и так легко взобраться на него.
 Но берегов у неба не бывает —
 о как же мне добраться до него!
 Ты в дар дала мне своды без предела,
 уйдя своей дорогой от меня —
 не оттого ли просто,
 что хотела,
 как небо, быть далекой от меня?

Я море, а любовь моя — как ранний
 рассветный час, и в отблесках его
 идет прибой

моих воспоминаний
 на светлый берег сердца твоего.
 Сумей услышать гул его дыханья,
 взглядишь в его тревожные глаза.

О мой прибой —
 мои воспоминанья,
 где вперемешку ветер и гроза!
 Легко одолевая расстоянья,
 неудержимо катится прибой.
 О мой прибой —

мои воспоминанья,
 бегущие бессонно за тобой!

В твой сон войду неслышными шагами
 и засвечу, как море.
 Я всю тебя осыплю жемчугами —
 добуду их, как море.
 Приду к тебе рассветною порою,
 приду слепя, как море,
 и жадно поцелуями покрою
 всю тебя, как море.
 Я имя напишу твое на море
 и расцветчу, как море.
 А если отвернешься, мне на горе —
 я замолчу, как море.
 Я замолчу, как море.

Иди ко мне рассветными часами,
 или с вечерней тенью
 приходи.
 С ночными и с дневными небесами,
 подобно сновиденью,
 приходи.

Порывом ветра, яростным кипеньем
 весенних гроз —

иди ко мне, иди!
 По звездам, как по каменным ступеням,
 по Млечному пути

ко мне иди!
 На черноте бездонной мирозданья,
 в глухой непроницаемой тиши,
 часы и место нашего свиданья
 мне молнией однажды напиши.
 Как море с этой вечной вышиною —
 слилась моя судьба
 с твоей судьбой.

Пока есть небо — быть тебе со мною.
 Пока есть море — буду я с тобой.

Исмаил ШИХЛЫ

Б у р н а я К у р а

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Перевод с азербайджанского Л. И м н а д з е

Вдалеке виднелось село. Фаэтон катил по шоссейной дороге. Несмотря на частые понукания извозчика, лошади лениво передвигали ноги. Обжигающий удар кнута заставлял их ускорить шаг, но вскоре они забывали о боли и вновь тяжело тащили фаэтон. Лицо у извозчика было утомленное, веки припухли от бессонной ночи. Но он не мог позволить себе хотя бы короткий отдых — к вечеру они непременно должны быть в Тбилиси.

Сидевший на заднем сиденье человек скучающе смотрел на медленно уплывающие серые холмы, пасущийся на равнине скот. Ветер, взметнувшийся вверх с подножья холмов, закрутил пыль столбом и, замерев на полдороге, повернул вниз, в сторону Куры.

Фаэтонщик, чтобы отогнать сон, решил о чем-нибудь побеседовать с господином, но тот, прищурив глаза, молча смотрел по сторонам. Солнце нещадно палило. Из кустов, уже начавших желтеть, доносился стрекот стрекоз. Ужи, гревшиеся на солнце, услышав шум, уползли.

Дорога, пересекая равнину, смыкалась с горизонтом. «Он, злодей, сын злодея, словно набрал в рот воды», — подумал про себя фаэтонщик и остервенело защелкал кнутом. «Эй, пошевеливайтесь, до вечера уже немного осталось». Лошади, испугавшись внезапного натиска, рванулись вперед. Фаэтон сильно качнуло. Очнувшийся от дум господин недовольно посмотрел на широкую спину фаэтонщика. Из-под шапки на шею его спадали редкие русые волосы. Пыль, смешавшись с потом, грязными полосками залегла в складках кожи.

— Жарко, загоните лошадей.

Фаэтонщик, услышав наконец голос пассажира, обернулся и кнутом показал на солнце, спускающееся за вершину горы.

— Ничего, все равно сегодня не поспеть в Тифлис, — сказал господин.

— Где же мы заночуем? Как мне известно, по этой дороге караван-сараев нет.

— Завернем в какое-нибудь село.

— А вы не боитесь?

— Кого?

— Татар.

Пассажир сдвинул брови.

— Они что-нибудь сделали тебе плохое?

— Нет.

— Почему же боишься?

— Не знаю. Говорят, они нас видеть не могут.

— Кого это нас?

— Русских.

— Ерунда.

Фаэтонщик забеспокоился. Может, он сказал что-то лишнее? Может, господин — татарин? Иначе, с чего ему сердиться. Впрочем, нет, он не похож на татарина. Лицо чисто выбрито. Волосы светлые. Эх, теперешних людей различить очень трудно. Образованные из татар тоже меняют свой облик.

— Извините, господин, не знаю вашего имени, — обернулся извозчик.

— Алексей Осипович.

— Значит, вы русский?

— Да. А что?

— Я испугался. Подумал, может, татарин вы.

— Ну и что, если татарин?

— Ничего. Кажется, я наговорил лишнего.

— Вы не виноваты.

Они замолчали. Фаэтонщик, убедившись, что с этим человеком не поговоришь, еще сильнее хлестнул лошадей.

Алексей Осипович погрузился в невеселые думы. Почему этот русский крестьянин, с утра до вечера гоняющий фаэтон по дорогам, чтобы заработать кусок хлеба, так говорит про народ, которого он и не знает как следует. Кто отравил сознание людей этим ядом?

Алексей Осипович вспомнил спор, который возник на совете Горькой семинарии четыре года назад. Директор семинарии Дмитрий Дмитриевич Семенов поставил вопрос об открытии татарского отделения. Многие поддержали его. Но нашлись такие, кто категорически возражал против этого предложения. После того, как Семенов успокоил разгорячившихся учителей, он подвел итог. И слова Семенова глубоко запали в душу Алексею Осиповичу.

— Господа, оспаривая или выдвигая какую-нибудь мысль, необходимо первым делом посоветоваться с разумом и логикой. Нельзя забывать требований времени. Теперь его величество император хочет видеть своих подданных грамотными. Относительно открытия семинарии его величество издал указ.

— Простите, но только хочу напомнить вам, что в указе не имеется примечания об открытии татарского отдела.

— Благодарю за напоминание, — парировал Семенов, — но ведь наш долг изучать местные условия и помогать его величеству в проведении справедливой политики. И еще не забывайте, что кавказские татары — подданные великой Российской Империи.

— Да, но какая надобность в подготовке учителей из местных?

— А кто же будет преподавать в указанных школах?

— Мы сами.

— До каких пор?

— Всегда.

— Нет, — категорически отрезал Семенов. — Вы ошибаетесь, ува-

жаемый, рано или поздно из их среды выйдут интеллигенты. Таково веление времени. Наша историческая задача помогать этому делу.

— Прощу прощения, господин Семенов. Вас не беспокоят последствия, которые возникнут после подготовки местных интеллигентов? Не бросят ли они нам вызов?

— Всем хватит работы, бояться вам нечего.

— Хорошо, кто же будет руководить этим отделением? Откуда мы найдем учителей, знающих татарский язык?

— Не беспокойтесь, — сказал Семенов и представил им Алексея Осиповича. — Господин Чернявский может справиться с этой работой. Я знаю его по Кубанской семинарии. Алексей Осипович имеет большой опыт в области просвещения. Хотя в свое время газета «Тифлисский вестник», намекая на его работу в почте, назвала его «экс-почтальоном». Но это не беда. На нашем фронте просвещения имеется большая нужда в таких «экс-почтальонах». Кроме того, господа, я должен довести до вашего внимания, что он в совершенстве знает татарский язык и обычаи. Вот я и назначаю Чернявского инспектором и учителем татарского отделения.

В тот же вечер Семенов пригласил Алексея Осиповича к себе. Ольга Константиновна, его супруга, встретила гостя любезно и, подав чай и сладости, занялась шитьем.

— Вы, Алексей Осипович, — начал беседу Семенов, — не принимайте близко к сердцу слова некоторых наших педагогов. Просвещение — свет для глаз. Наш долг — служить народу.

— Я вас понимаю, Дмитрий Дмитриевич, и теперь еще яснее вижу трудности, стоящие на нашем пути. Я хорошо знаком с жизнью татар и знаю, как нужна им помощь.

— Царь и правительство заботятся о кадрах местных чиновников. И потому открывают школы, но мы должны пойти дальше. Новые школы должны быть проводниками новых идей.

— Ясно. Я знаком с некоторыми местными интеллигентами. В нашей Шемахе имеется поэт по имени Сеид Азим Ширвани. Он хочет открыть школу с новым методом обучения. Трудно передать, какие муки он терпит. С одной стороны, ему мешает местное духовенство, с другой — отсутствие учебников на своем языке. Мои планы идут далеко...

— И поэтому я так привязан к вам, господин «экс-почтальон». — Семенов по-дружески положил руку на его плечо. — В первые годы будут затруднения. Но вы их не бойтесь. Знаете, кто выдвинул идею открытия татарского отделения?

— По-моему, это ваша инициатива.

— Нет, капитана Ахундова.

— Мирза Фатали?

— Да.

— Я про него слышал многое. Читал его произведения. Талант!

— Некоторых страшит даже его талант. Выпейте ваш чай. Да, я теперь полагаюсь на вас. Пишите ваши прошения, предложения, ознакомьте меня с вашими идеями. Но первым делом необходимо подумать об учениках.

— Найдем, Дмитрий Дмитриевич, найдем, если даже мне придется объездить множество сел.

Уже в сентябре (хотя официально об открытии татарского отделения не было объявлено) собралось пять-шесть студентов. Можно бы-

ло подумать о расширении отделения. К тому же разрешение ^{прави-}тельства наконец-то было получено.

С этой целью Алексей Осипович пустился в дорогу. Он ^{проехал} около трех тысяч верст. Иногда шел пешком. Он был в Шемахе, Гяндже. объехал Ереванскую губернию. Теперь же через Казах направлялся в Тбилиси.

День кончался. Тени холмов, удлиняясь, перечеркивали дорогу. Окна домов, отражая закат солнца, блестели. Фаэтонщик, решив, что до темноты все равно не добраться до города, перестал погонять лошадей. Тишину нарушали только скрип колес и цокот подков.

Алексей Осипович приподнялся, чтобы натянуть верх фаэтона. Извозчик обернулся.

— Что вам угодно, господин?

— Прохладно стало.

— Сейчас.

Он натянул вожжи. И когда лошади остановились, не по летам молодецки прыгнул на землю. Алексей Осипович тоже вышел из фаэтона. На его одежде осела мелкая пыль. Ноги занемели.

— Отпрягите лошадей, пусть отдохнут. А мы разомнем кости.

Фаэтонщик на этот раз не возражал. Алексей Осипович направился к речке, бегущей по дну оврага. Сняв пиджак, сорочку и обувь, он прошел по мелким камням и остановился на середине речки. Ногам было щекотно ступать по мелким круглым камешкам. Алексей Осипович, набрав в горсть воды, плеснул в лицо. По телу пробежала бодрящая прохлада.

Фаэтонщик завел остывших лошадей в речку. Они шлепали тяжелыми копытами по воде, разбрызгивая ее, словно расшалившиеся дети.

Поднявшийся ветерок все еще дышал зноем.

Алексей Осипович расстелил на лужайке небольшую скатерть.

— Что ты стал в стороне, иди сюда, вместе поужинаем, — обратился он к извозчику.

— Благодарствуем.

— Благодарить будешь после.

Фаэтонщик подошел нехотя, словно кто-то подталкивал его сзади. Подобрал под себя ноги, он сел неподалеку. Мокрыми руками пригладил сперва волосы, потом бороду. Алексей Осипович попытался откупорить бутылку вина.

— Дайте я, — вызвался помочь ему фаэтонщик.

Он вынул из кармана большой складной нож и ловко вытащил пробку.

— Пожалуйста, господин.

— Сперва выпейте вы.

— Нет, нет, вы, пожалуйста. Мне не обязательно.

— Какая разница, кто первый. Извините, как ваше имя?

— Иван Филиппович.

— Иван Филиппович, у нелюбимых вами татар есть поговорка: товарищ с товарищем должен быть равным. А мы с вами теперь как бы товарищи.

Фаэтонщик растерялся. Ему было непривычно такое простое и искреннее обращение. Алексей Осипович, глядя на этого пожилого, уже за пятьдесят, человека, на его робкие движения провинившегося ребенка, на то, как он робко протягивал руку к еде, на густую бороду,

спадавшие на лоб волосы, вспомнил своего отца. Он был таким же простым крестьянином. Всю жизнь мыкался из-за куска хлеба.

— Вы очень похожи на моего отца, — сказал он задумчиво. Он тоже носил такую бороду и усы.

Иван Филиппович смущенно оглядел себя.

— Как же это, Алексей Осипович, ведь я простой фаэтонщик, а ваш отец, наверно...

— Был настоящим крестьянином. Имел малюсенький клочок земли и пару тощих лошадей. Вы — фаэтонщик, а он правил фургоном.

— Этого быть не может, — удивленно сказал Иван Филиппович.

Алексей Осипович уловил искорки радости, блеснувшие в его зрачках. Лицо его прояснилось. Губы растянулись в улыбке и обнажили два ряда белых зубов.

— Пейте, — ласково сказал Алексей Осипович, протягивая фаэтонщику стакан с вином.

— Нет, из стакана пейте вы, я могу и прямо из бутылки. — Иван Филиппович запрокинул бутылку и хлебнул прямо из горлышка.

— Сколько у вас детей? — поинтересовался Алексей Осипович.

— Бог не обидел. Трое дома, двоих замуж выдал.

— Кто-нибудь из них учится?

— Да что вы! — с досадой заговорил Иван Филиппович. То ли вино, то ли обходительность господина прибавили ему смелости. — Дожил до седых волос, а ничего кроме фаэтона не имею. Поди, прокорми им семью. Всякий хочет, чтобы его дети учились. Но что поделаешь — не для бедняков ученье. Правда, младший сын четыре года ходил в школу, но все же пришлось ему оставить учебу.

— А что он сейчас делает?

— Ищет работу. Решил в Баку поехать. Говорят, там на нефтяных промыслах работы много. Уж очень не хочется отпускать его от себя, мал еще.

— Сколько ему?

— Весной шестнадцать стукнет.

— Как зовут?

— Васька, Василий.

— Отдай его мне. Чего так смотришь, я в люди его выведу.

— Куда ж вы его увезете?

— В Гори.

— Нет, не получится. Денег у меня нет...

— О расходах не беспокойся, беру их на себя. Определю твоего Васю в пансионат. Ученым будет.

Иван Филиппович не верил своим ушам.

— Значит, договорились, — настаивал на своем Алексей Осипович.

— Что ж, будь по-вашему, — тихо ответил фаэтонщик.

Уже стемнело, когда они продолжили путь.

* * *

Поздно ночью кто-то постучался в дверь «Заежа». «Кого это принесла нелегкая?» — недовольно подумал Ахмед.

Спустив фитиль лампы с закопченным стеклом, он взял на всякий случай двустволку и направился к двери.

— Отворите, — настойчиво звал мужской голос.

— Кто вы такой?

— Гость! Пустите переночевать.

Ахмед отодвинул задвижку, приоткрыл дверь. Полоска света выхватила из темноты путника, стоящего на балконе.

Немного поодаль стоял крупный мужчина с кнутом в руках.

— В город едете? — спросил Ахмед.

— Нельзя гостя подвергать допросу на пороге. Дайте войти, отдышаться, потом поговорим.

— Пожалуйста.

— Большое спасибо, а как быть с фаэтоном?

— Устроим во дворе.

— Иван Филиппович...

— Вы проходите внутрь, я сам ему помогу.

Ахмед пропустил гостя вперед и, прислонив ружье к стенке, поднял фитиль лампы. Комната раздвинулась, словно стены испугались света.

Алексей Осипович снял пиджак и сел на предложенное место.

— Душно, — сказал он, расстегивая ворот рубашки.

Ахмед широко распахнул окно, выходящее на Куру. В комнату ворвался освежающий ветерок.

— Когда человек один, он закрывает двери и окна, — словно извиняясь, сказал Ахмед.

— Конечно, одиночество — плохая штука.

— К тому же я не здешний. Вы сядьте, я сейчас помогу фаэтонщику.

Не закрывая за собой дверь, Ахмед вышел во двор. Иван Филиппович ждал, подводя фаэтон к балкону.

— Распрягите лошадей.

Фаэтонщик обрадовался, услышав русскую речь хозяина.

— Вы русский?

— Нет.

— Вот поди ж ты! — сказал Иван Филиппович, улыбаясь. — Мой пассажир русский, а говорит по-татарски, вы не русский, а говорите по-русски.

Иван Филиппович вертелся вокруг лошадей, тер руками им спины и поглаживал пятные гривы. Лошади, уставшие от долгой дороги, стояли спокойно и, прядая ушами, щипали траву.

Алексей Осипович чувствовал себя усталым, разбитым. Поискав глазами, где бы прилечь, он подошел к тахте, застланной ковром. Прилег, облокотившись на мутаку. «Наконец-то закончу я свое путешествие — не завтра, так послезавтра буду дома». Он был доволен поездкой, как ни говори, а труды его не пропали даром — шестьдесят детей должны приехать в Гори на ученье. Но ведь и этого мало. Вот если бы поехать в самые отдаленные села, набрать еще учеников.

А еще лучше получить разрешение открыть в селах школы. Но это не так просто.

Засыпая, он обвел комнату глазами и неожиданно для себя увидел карту полушарий на стене, глобус и лежавшие перед окном и на столе тетради, книги.

Сон как рукой сняло. Он встал. Подошел к столу, перелистал растрепанную книжку азбуки.

Алексей Осипович пододвинул стул и сел. С большим интересом просмотрел тетради. Он представил себе дрожащие пальчики детей, которые с таким старанием и трудом выводят эти буквы.

Почерки были разные, по написанию букв можно было судить о

старании детей, только что взявших перо в руки. Кто-то проверил работы, исправил ошибки красными чернилами.

Алексей Осипович еще раз осмотрел комнату. Она не была похожа на школу, и хозяин тоже не походил на учителя.

Пристроив лошадей, Ахмед зашел в комнату за самоваром. Увидев, что гость рассматривает тетради, удивился.

— Почему вы не легли отдохнуть?

Алексей Осипович обернулся на голос.

— Вы учитель?

— Нет.

— Тогда что это такое?

— Тетради.

— Почему же они у вас дома?

— Я занимаюсь с детьми.

— Ничего не понимаю. Говорите, что вы не учитель, а с детьми занимаетесь. Кто же вы такой?

— Я... что-то вроде почтальона.

— Почтальона?

— Да. Раньше путь почтовых фаэтонов, направлявшихся в Баку, Ереван, Гянджу, проходил через наше село. А когда проложили здесь железнодорожную ветку, нужда во мне отпала. Сейчас я, как говорят, охраняю пустой дом. Чтобы не скучать, собираю детей и учу их грамоте.

— Разве вы не понимаете, какое доброе дело делаете? — сказал Алексей Осипович, изучающе заглядывая ему в глаза.

— Здесь же нет ничего особенного, — спокойно ответил Ахмед.

— Как вас зовут?

— Ахмед. Раньше меня в селе называли «почт-Ахмед», потом почему-то я стал «рус-Ахмедом». Теперь же кое-кто стал величать «учителем Ахмедом». Посмотрим, что будет дальше.

— Почт-Ахмед... — Алексей Осипович улыбнулся. — Теперь стал учителем. Знаете, я тоже раньше работал на почте. Потом начал учительствовать. Мои товарищи в шутку называют меня «экс-почтальоном». «Почт-Ахмед» или «экс-почтальон» — это почти одно и то же.

Чернявский заразительно смеялся, как ребенок, которого щекочут, его и без того раскосые глаза сузились до щелочек и увлажнились. И Ахмед не смог удержаться от смеха.

Иван Филиппович, который стоял в дверях и наблюдал за ними, пожал недоуменно плечами и, взяв потихоньку самовар, вышел во двор.

Алексей Осипович наконец перестал смеяться. Он вытер платком глаза, аккуратно сложил его и положил в карман брюк.

— А русскому языку где ты научился? — неожиданно перешел он на «ты».

— В Петербурге.

— Вон куда занесло, — изумился Алексей Осипович, еще раз окинув взглядом собеседника. Ахмед не спеша свернул «козью ножку», закурил. Уловив во взгляде гостя вопрос, сказал:

— Учился там.

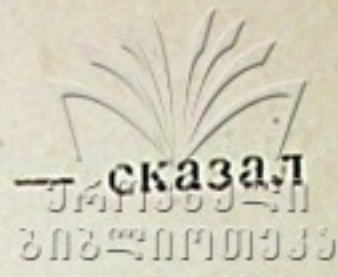
— Где?

— На юридическом факультете.

— Окончил?

— Нет. Исключили.

— За что?

— Сочли сомнительными мои политические убеждения, — сказал Ахмед дрогнувшим голосом.

Алексей Осипович пристально посмотрел на Ахмеда, лицо которого расплылось за густым дымом. Глаза у Ахмеда были мечтательные, задумчивые.

— Может, ты примкнул к революционерам? — осторожно спросил Алексей Осипович.

— Нет... сочувствовал их идеям, это верно...

— А теперь как?

— Теперь? — Ахмед слегка растянул паузу. — Теперь ничего. Как видите, забрался в самую глушь. Доживаю свои дни. Кому я нужен, — с отчаянием махнул он рукой.

— Неправду ты говоришь, Ахмед. Нужен, еще как ты нужен. Разве учить детей — не прекраснейшее дело? И давно ты его начал?

— Второй год.

— А как дети?

— Учатся. И охотно.

— Могу я завтра побеседовать с ними?

— Хотите проверить?

— Нет, нет... знаешь, я работаю в Горийской учительской семинарии. Мы там...

— Где, где вы работаете?

— В Гори. А что?

— Простите, вы не Чернявский, Алексей Осипович?

— А откуда ты знаешь мое имя?

— Из писем Ашрафа. Он в каждом письме о вас пишет. Я его обучил грамоте. Теперь он ваш студент.

— Какой Ашраф? Гейтапинец? — радостно удивился гость.

— Да.

— Ведь он один из лучших студентов. В народе говорят: если больному суждено выздороветь, то врач сам его найдет. Скольких из твоих учеников можно забрать в Гори на учебу?

— Если родители дадут согласие, человек шесть-семь.

— Ты считаешь, что некоторые будут против?

— Наши муллы не хотят, чтобы в селении кто-нибудь стал грамотным. Они несколько раз ополчались на меня. Знаете, сколько бед обрушилось на мою голову из-за Ашрафа. Когда отец решил послать его на учебу в Гори, мулла Садык поднял такой шум, что не приведи господь. А меня обвинил во всех грехах, проклинал даже. «Ты причина того, что дети бегут из мечетской школы», — кричал он мне.

— Значит, здесь есть мечетская школа?

— Да.

— Очень интересно. Неплохо бы заглянуть в нее.

— Не советую.

— Волков бояться — в лес не ходить.

Они так увлеклись беседой, что не заметили, как Иван Филиппович занес со двора гудящий самовар. И только после того, как фэтонщик громко сказал: «Алексей Осипович, чай готов», — они обернулись.

Гость вынул из жилетного кармана часы на серебряной цепочке.

— Да, заговорились мы с вами, — покачал он головой, подсаживаясь к накрытому на скорую руку столу.

— Значит так, Иван Филиппович, мы, кажется, на пару деньков останемся в этом селении.

— Вы ведь так торопились в город?

— Передумал.

— Воля ваша.

* * *

Ранним утром Алексей Осипович и Ахмед вышли в село. Погода стояла жаркая. Алексей Осипович снял пиджак и накинул на плечи. Мелкая пыль, лежащая толстым слоем на дороге, осела на его черных ботинках и сделала их серыми.

Во дворе мечети Алексей Осипович стряхнул с себя пыль и надел пиджак. Платком вытер шею, лицо и внутреннюю сторону фуражки. Поправил галстук.

Внутри мечети пахло сыростью.

Алексей Осипович подождал, пока привыкнут глаза к полутьме, и только сейчас заметил стоявших на коленях детей у минбара и муллу, сидевшего на тюфячке немного поодаль от них. Тишину нарушало щелканье палочки, которую держал в руке мулла.

Кто-то был привязан к фалаке. Сидевшие один позади другого, дети со страхом молчали.

Избиваемый мальчик корчился от боли.

Ахмед и Алексей Осипович по циновке направились в угол. Мулла Садык был так увлечен, что не заметил вошедших.

Ахмед, узнав истязаемого мальчика, хотел броситься к нему на защиту, но Алексей Осипович остановил его. Медленными шагами направились к мулле.

— В чем вина ребенка? — спросил Алексей Осипович по-тюркски.

Мулла Садык, услышав, что «гяур» чисто говорит на тюркском языке, притих. Подавив гнев, оглядел его. По облику приезжего он догадался, что тот из городских, и испуганно посмотрел вокруг, словно искал помощи у стен мечети. Потом, желая скрыть растерянность, набросился на детей.

— Чего вы ждете? Развяжите ему ноги!

Мулла вспомнил, что еще не ответил на вопрос гостя, и протянул руку к своей куцой бороде.

— Посмотрите, что они вытворяют! Смешивают табак с порохом и скручивают мне папиросы. Все это дело рук негодяя Османа. Простите, можно узнать ваше имя?

— Почему же нет, зовут меня Алексеем Осиповичем.

— Что? — Мулла приподнялся от изумления.

Крупные зерна четок, щелкнув, замерли в его руках. Глаза муллы широко раскрылись. Он уставился на Алексея Осиповича. Немного погодя брови на лице его сдвинулись, и грозный взгляд вонзился в лицо Ахмеда. Мулла торопливо поднялся на ноги. Кое-как надел башмаки. Путаясь в подоле абы, засеменил к двери.

— Выходите скорей, избавьте меня от греха.

— Мулла Садык, у нас к вам серьезный разговор.

— В божьем доме я с вами не могу говорить. С неба посыплется огонь...

Алексей Осипович спокойно предложил мулле:

— Побеседуем во дворе.

Они вышли. Стоявшие на лужайке недалеко от двора мечети дети, увидев муллу Садыка, пустились наутёк.

Мулла остановился и, поглаживая рукой бороду, которую растрепал ветер с Куры, недовольно посмотрел на Алексея Осиповича.

— Вижу, в вашем селе имеются грамотные дети. Из них человек десять необходимо взять на учебу. В этом деле вы должны мне помочь.

«Все это проделки Ахмеда, не иначе, — подумал про себя мулла. — В прошлом году разве не он уговорил Джахандар-ага отправить Ашрафа на учебу? Нет, мулла Садык, будь осторожным, не дай себя обмануть!»

— Чем я могу помочь вам? — спросил он, еле сдерживая гнев.

— Захотите — можете многое сделать. Скажите крестьянам, пусть посылают своих детей в нашу школу.

— Ничего не выйдет, — отрезал Садык.

— Почему же, мулла?

— Вы хотите, чтобы я своими руками отдал безбожникам детей мусульман?

— Позвольте, но если бы учеба была безбожием, раньше всех этому воспрепятствовал бы тифлисский шейх и муллы Нухи, Шуши. А они нам помогают. И в коране Магомеда сказано, что надо изучать науки.

— Только не вашу науку.

— Наука остается наукой, мулла.

— Нет. У нас имеется своя наука, которой мы учим наших детей.

— Видели, как учите.

Лицо муллы Садыка исказила гримаса. Глаза зажглись гневом.

— Мой совет, не лезьте не в свое дело!

— Хотите вы этого или не хотите, мулла, а другого выхода у вас нет. И мы своего добьемся.

Константин ВАРЛАМОВ

Стрела Зиятдина

«Здесь край очень беден: почва сухая, желтая, будто в водянке, а воды, между прочим, нет нигде. Ни листочка, ни кусточка: лишь камни, да колючки, вот картина здешней местности».

Зиятдин Гаджиев только недавно прочитал эти строки в записках русского путешественника Ивана Березина, посетившего сумгаитские места в середине прошлого столетия. Почти такой же застал немногим более десятка лет назад сумгаитскую степь и сам Зиятдин, когда в числе первых строителей прибыл на скудную прикаспийскую землю. Сушь и зной. Здесь особенно отчетливо звенел металл лопат, гудели частые удары кирок и ломов. Сталь и камень высекали искры. На смену лопатам, киркам, ломам шла механизация. Над степью поднимались стрелы экскаваторов и кранов. Поначалу — редко, в одиночку. А потом...

Ему запомнился Воейков — один из первых здешних экскаваторщиков. Натужно лязгнул четвертькубовый ковш. Со звоном натянулись жилы силовых канатов. Насторожилась башня. Потом что-то лопнуло, затарахтело, и экскаватор замер. Механизатор горько выругался, заглянул в машину, сплюнул и пошел куда-то в степь. Чем могли помочь ему в ту пору землекопы? Долго в раскаленном мареве мелькала крупная фигура машиниста.

Зия, не отрывая глаз, смотрел на удаляющийся силуэт. Древко лопаты жгло ладони. Назойливо вертелись непривычные дотоле мысли. Но землекоп еще не знал, что именно тогда пришла к нему мечта — «промчатся» по степи вот на таком стальном «коне».

Воейков возвратился на рассвете. С механиком, с какими-то деталями. И экскаватор ожил. С остервенением, как бы в отместку за первую осечку, крошил и грыз насквозь просохшие холмы, выравнивал кривые буераки.

Степь шла в полон. Ее уже со всех сторон теснили стрелы башенных «орудий», среди которых поднимались в небо и стрелы Зиятдина Гаджиева. И откуда столько сил взялось у паренька! Он чувствовал себя богатырем среди равных, кудесником среди мудрых. И впрямь, как в сказке: где пройдут они с «колчаном» добрых стрел — встает завод... еще завод... Встает квартал... еще квартал...

И все же Зиятдин не знал тогда всей «тайны» сумгаитской.

Впервые ее «открыла» перед ним молодая женщина-азербайджанка Фарида Джафаровна Рустамбекова — главный инженер проекта Сумгаитского нефтехимического комбината. Это было в городском Доме культуры химиков. Фарида Джафаровна, как у нас привыкли говорить, проводила беседу о развитии химической промышленности на сумгаитской земле. Нет, все что говорила Рустамбекова, нельзя назвать просто беседой. Это скорее было путешествие в область фантастики...

Главный инженер проекта «ввела» слушателей в чудесный мир синтетических волокон. В быту — это тончайшие узорчатые ткани, ковры, меха, посуда... В промышленности — заменители самых прочных марок стали, сырья для различных смол, изоляционных материалов...

Зиятдину особенно запомнилось яркое сравнение: тонной лавсана можно заменить шерсть, настриженную с шестисот овец. А кому, как не сыну старого чабана должно быть ясно, что это значит? Стадо в шестьсот овец! Правда, Зиятдину уже не довелось, но отец испытал всю «прелесть» опеки бекской баранты, на своей шкуре проверил, сколько стоит фунт «лиха». Конечно, бекские стада не сравнишь с колхозными, но и сейчас еще, как сказала Фарида Джафаровна, затраты труда на произ-

водство натуральной шерсти в три-пять раз выше, чем синтетического волокна. А из тонны лавсана можно получить до шести тысяч метров прочной и красивой ткани.

И все эти чудесные материалы будут в скором времени производиться в родном Сумгаите на нефтехимическом комбинате, на строительстве которого трудится и он, Зиятдин Гаджиев.

...Туман ушел за Гильгильчай. И сразу зашумел ливень. Хлесткий и студеный, он вызывал озноб, заставлял стучать зубами. А пути — конца нет. Сапоги увязают в земле, и она начинает хлюпать. Шаги тяжелеют. А идти надо.

И машины все по затишкам рассыпались: кому охота степную слизь на колеса наматывать. Это только мы, будто одержимые, по неопытности с рассветным проблеском на «заимку» Зиятдина тронулись. Отступать уже поздно, за плечами — больше половины дороги.

А дождь свирепствует. Где-то далеко, должно быть, в верховьях Гильгильчая, грохочет гром. Речушка набухает на глазах, пузырится, торопясь навстречу Каспию. Шум ливня и потока тарабанит в уши. И откуда столько яркого дождя? Будто опрокинули бездонную бадью на небе.

Но спутник мой, Воейков, спокоен:

— Не надолго такого хватит. Врет, осечется...

А дождь и впрямь, как начал, так и оборвал — неожиданно. Оконтурилась, засветилась степь. Выровнялся горизонт, и где-то вдалеке над ним мигнуло красным огоньком.

— Стрела Зиятдина, — сказал Василий.

Над самой рекой, забравшись в земляную выемку, кряхтел и лязгал экскаватор. По обе стороны курился паром, оседал отвал. Высокий, с зализами от дождя. А возле — ни души. Лишь темная машина с поворотной башней ворошила землю. Старалась из ковша, как из бережливой пригоршни, не выронить комка.

— Узнаю парня. Другие в такую распутицу по закуткам прячутся.

В глазах у Воейкова мелькнула гордость: ходил Зиятдин у него в учениках. Экскаватор дочиста излазил, прежде чем всю механику на зубок взял.

Василий подошел вплотную к машине и закричал. Экскаватор остановился. Из башни высунулась голова в ушанке.

— Василь Григорыч, — прорвалось сквозь шум мотора.

Экскаваторщик был перед нами. На нем ладно сидели сапоги, ватник и особенно рыжая ушанка, оттенявшая бойкие с искринкой глаза, загоревшее лицо с упругими скулами. Нет, добрый рабочий наряд не ступшевывал щуплой фигурки, не прибавлял роста. Не верилось,

что этого человека, как волевого командира, покорно слушалась неуклюжая громадина землеройного «корабля».

— Рубаешь, Зия? — по-дружески, улыбаясь, спросил Василий.

— Сами знаете, без гравия бетонщики, как без хлеба. А суперфосфатный давно у Сумгаита вот где сидит, — сказал экскаваторщик.

Ход Воейкова был сделан для меня. Он-то хорошо знал, что строительство гравийного карьера на Гильгильчае сильно затянулось и Зиятдина бросили сюда на подмогу. Знали — этот не подведет ни в снег, ни в ливень... А у землеройщиков правило: хорошо повел дело — получай флажок ведущего на стрелу. Этот флажок и мигнул нам с Василем, когда распогодилось. Гравий, как говорят горняки, пошел на-гора!

...От забоя, где стоит сейчас экскаватор Зиятдина Гаджиева, до гильгильчайского гравийного — далеко. И Василий Воейков где-то далеко. Но сохранилась память о хорошем рабочем человеке, оставившем за себя в башне экскаватора отменного сменщика. Правда, Зиятдин ездил потом, как он говорит, «за теорией» в Харьков, но воейковскую хватку принял на вооружение и бережет с самого старта. Дорога и уж очень сподручна. Главное в ней: сел за рычаги — нет ни тебя, ни машины. А есть что-то одно целое.

И Зиятдин командует. За десять лет работы «перепахал» на своем экскаваторе все Каспийское побережье от Сумгаита и чуть ли не до станции Насосная. Океан земли поднял. Если, говорят, сыпать ее в одну гору, то с вершины через весь Апшеронский полуостров на другом берегу моря можно увидеть Баку — старый город нефтянников. И поднял эту землю к делу — под основу большой химии. Трудовой «паек» Зиятдина и под заводом синтетического каучука, и под суперфосфатом, и под другими предприятиями Сумгаита. Траншей и ходов вырыто — не сосчитаешь.

Под основу большой химии! Зиятдин видел, как на этой самой основе, там, где прошел его экскаватор, высоко поднимались корпуса цехов, тянулись к облакам башни и колонны причудливых установок. Значит, правильным курсом шли механизаторы, если после них оставался столь приметный след. И Зиятдин не мог не гордиться своей специальностью, старался увлечь за собой других.

Работал как-то по соседству с ним машинист Акрам Тагиев. Горячий, с характером. Когда-то управлял «чудом» землеройной техники — шагающим экскаватором. Но не любил, видимо, понастоящему свою работу, и все у него что-то не клеилось. Перевели парня на «малютку». И это не пошло впрок. В

первом же забое не доглядел за машиной и сорвал резьбу на валу поворотной платформы. Машина остановилась. Это не укрылось от Зиятдина.

День стоял жаркий — хоть к морю беги, к его голубой прохладе. Акрам сбросил рабочую блузу, стянул брюки и направился было в сторону берега. Но тут его перехватил Гаджиев. Он сидел в тени, падающей от башни экскаватора. Перед ним на разостланной скатерке лежали свежие огурцы, помидоры, пучок зеленого лука, хлеб. Стояла большая бутылка кислого молока.

— Садись, Акрам, закусим, а потом и искупаться можно, — пригласил Зиятдин.

Тагиев не устоял.

— Чертовская работа. Копаешься, как жук в земле, а толку что, — подсаживаясь к «самобранке», с обидой в голосе проговорил Акрам. — Земли-то смотри сколько, всю не перекопаешь, — повел руками Тагиев на широко раскинувшуюся степь. — Сегодня — здесь, завтра — там. Конца не будет.

Гаджиев отрезал ломоть хлеба, налил кружку молока, пододвинул к Акраму.

— Бывает работа и потруднее, — спокойно проговорил Зиятдин, — но и от нее люди не отказываются.

«Скатерть-самобранка» быстро опустела, и от экскаватора вскоре потянулся табачный дымок. Зиятдин складывал все, что осталось, в кошелку и, как бы неожиданно вспомнив, достал из нее вчетверо сложенную газету.

— Интересную штуку я вчера вычитал.

Акрам пробежал глазами по крупным буквам заголовка «Ошибка ученого».

— Прочитай, — предложил Зиятдин и заметил, как глаза Акрама пробежали газетные строчки: «Известие о том, что в Советском Союзе удалось получить синтетический каучук, неверно — этого никак нельзя сделать. Скажу больше, все сообщение — ложь; из собственного моего опыта и опыта других ясно, что вряд ли возможно получение синтетического каучука вообще...»

Так заявил в печати знаменитый американский изобретатель Эдисон, когда к нему пришло сообщение о том, что советские ученые получили каучук простым и оригинальным способом. Но история посмеялась над самоуверенным ученым. Лучшим ответом для него является, пожалуй, запись немецких химиков с завода Лойна (Лейпциг, ГДР) Вильгельма Рихтера и Вернера Розенкронца, посетивших Сумгаит в 1959 году: «Мы побывали в цехах завода синтетического каучука. Особенно большое впечатление на нас, химиков, произвели цехи бутановой группы. Нас поразила сложная технология этих цехов, производящих впервые не только в СССР, но

и во всей Европе каучук непосредственно из нефтяных газов, минуя стадию превращения их в спирт...»

Акрам долго смотрел в газету, как бы силясь охватить весь смысл этой короткой заметки. Спокойный, но внушительный голос Зиятдина вывел его из раздумий:

— У нас, в Сумгаите! Вот тебе и земля, которую рой — не перероешь.

Намек был ясен.

Да, многое в жизни приходит и дается не сразу. Были раздумья и колебания в юности и у Зиятдина Гаджиева. Но развеялись и улетучились, как горьковатый экскаваторный дымок в неоглядной сумгаитской степи. И после этого еще ощутимее и явственней проглянули зримые черты родного города и контуры огромных заводских цехов, встающих над синеющей полоской моря.

Вот и здесь будет стоять завод. На этом самом месте, где, дымя неперегоревшей соляжкой, экскаватор Зиятдина Гаджиева будоражит вековой пустырь. Пылит и вздрагивает степь, когда цепкие зубья ковша в клочья разрывают земную твердь. С утра и до прожекторного света ведут механизаторы трудовые бои на плацдарме развернувшегося строительства предприятия большой химии — нефтехимического комбината. У сумгаитского строителя одна забота: будет комбинат — шагать молодому городу по производству продукции впереди древнего нефтяного города, что лежит по ту сторону Апшерона.

А комбинату быть. Это закон жизни тех, кто, засучив рукава, принялся строить. И его не переступишь, стороной не обойдешь, как не пройдешь, возвращаясь с работы, мимо двери родного дома.

Дверь Зиятдина — прямо на Набережную, если не считать двух домов, отгораживающих от береговой кромки. Суровый Каспий готов подкатить к порогу, но держится поодаль — тут вода смиреннее и ласковей.

Зиятдин любит море — ворчливого и шумного соседа Сумгаита. Летними вечерами на берег высыпает чуть ли не весь город-труженик.

У Зия — трехкомнатная квартира на Набережной. Трое малышей... и красный флажок на стреле. Зиятдин о нем и не думал. Он вроде сам по себе затрепетал на ветру перед самыми глазами.

Да что я сделал? Разве только работал по-человечески. А другие? И в отвале и на погрузке — ничуть не хуже. Но судили о нем другие, по всем правилам соревнования: за большую отдачу, за подлинно коммунистическое отношение к труду, к товарищам.

Летом Гаджиев получил отпуск. От своего моря уезжать не хотелось. Солнце, песок, прохладные волны...

И вдруг однажды увидел на пляже бригадира. Фахрам Мустафаев в рабочей одежде, разыскивая кого-то, шагал по берегу. Увидев Зиятдина, беспокойно заговорил:

— Будь другом, Зия. Через три дня котлован под фундамент сдавать, а у Машарского машина что-то забарахлила.

— Кагя, я скоро вернусь, — одеваюсь, сказал жене Зиятдин.

У Машарского отказал пульт управления. Проверили гидроаккумулятор — чаще всего в таких случаях неполадки обнаруживаются здесь. Сменили войлочные фильтры, и Машарский, благодарно улыбаясь, снова занес ковш над котлованом.

Недоброй, тяжелой была для экскаваторщиков нынешняя весна. Дожди, зашумевшие чуть ли не с февраля, досыта наполнили жадную сумгаитскую землю. Появились хляби и пльвуны. Омутной злобой затаились коварные солончаки. Гусеницы экскаваторов «захлебывались» в предательской трясине или скользили, как по льду. Вонзившийся в землю ковш тянул к себе стальную машину, и она не в силах была занести опущенную стрелу.

Механизаторы отказывались выходить на участки. Над стройкой нависала хмурая тревога мертвой тишины.

Зиятдин с помощником Салаваном Мамедовым вывели своего «коня» на «исходную». Надеялись на экскаватор, как на друга. Но он не выстоял, на первом же зацепе пополз в подернутую легкой пленкой хлябь.

— Назад! — как бы себе скомандовал Зия.

С трудом вытягивая стрелу с ковшом, экскаватор попятился, как жук, попавший в липкую приманку. Покряхтывая, выполз на пригорок и как бы приумолк, задумавшись.

— Здесь силой не возьмешь, — взглянув на Салавана, вымолвил Зия и стал с усердием тянуть за рычаги.

Экскаватор сполз на твердую землю и, как бы укрепившись на отвоеванном клочке территории, повел наступление на разжиженные солончаки.

Вслед за ним, словно по давно ожидаемому сигналу, замелькали над степью стрелы «сводного» отряда механизаторов. Здесь, где в недалеком будущем должны стоять обширные цехи нефтехимического комбината, сейчас еще свободно пролетают ветры, подремывает до поры неспаханная целина. Поднимать ее — удел «землепроходчиков», как называют в Сумгаите экскаваторщиков. За ними — первая «пропашка», которая

глубоко вберет в себя все «корни» промышленных предприятий, всю сложную систему их «кровообращения».

Зиятдин часто заходит в Дом культуры химиков. На постановку или посмотреть новый фильм, послушать лекцию, а иногда, — чтобы «взглянуть» на дивный замысел проектировщиков, выставивших здесь макет красавца комбината химии. Многие его установки и цехи «лежат» еще на ватмане. И даже тот, который будет за год производить такое количество синтетического волокна, которым можно заменить шерсть, настриженную с восьмидесяти миллионов овец...

Проекты, чертежи, макеты... Как властно просятся они уже сейчас в степной простор, в большую жизнь. Стоит оглянуться Зиятдину, и он может из кабины экскаватора увидеть поднявшиеся башни металлических конструкций, опор и широченные разлеты железобетонных перекрытий. А рядом — стрелы подъемных кранов. Они все чаще и чаще взвиваются в сумгаитское небо.

И кто знает, может, к тому самому чудесному заводу придет вот эта траншея, которую прокладывает Зиятдин Гаджиев и его помощник Салаван Мамедов.

Экскаватор стоит на берегу Джейранбатанского «моря». Вода да степь, крутой заворот шемахинской дороги, да затуманенная даль неба. Ни деревца, ни домика вокруг. А экскаватор гудит, усердно и деловито швыряет в отвал веками слежавшуюся землю. Бежит вдоль берега, торопится куда-то глубокая траншея. Возможно, и Зия, и Салаван не знают, где опрокинется последний ковш, но скажут наверняка:

— Все наши траншеи ведут в Сумгаит, на химию.

— Такая уж заправка у человека, — говорит начальник второго Управления механизации Егише Бахшиевич Мкртычев.

И рассказывает, как Зиятдин Гаджиев за десять лет всего лишь один раз ставил свою машину на капитальный ремонт. Два срока отходил — пример редкий. И не то, чтобы экскаватор недогрузкой сберег — на днях семилетку свою завершил. Загляните в его послужной — какие цифры!

Нет, тут уж не до цифр. Они иногда заслоняют человека... А мы видим берег Джейранбатанского «моря», дождь, секущий воздух и землю, и красный флажок на стреле Зиятдина. Экскаваторщик несет его по-гвардейски, незапятнанным, по всем путям и дорогам, ведущим на стройки большой химии.

Ирина НОВИНСКАЯ

СЫНОВЬЯМ ИДТИ ДАЛЬШЕ

Мамедпаша Пириевич вскрыл пакет.

Письмо пришло из Соединенных Штатов Америки. Президент одного из предприятий Фред Фокс просил distinguished доктора технических наук, господина Гулизаде обменяться статьями по вопросам бурения наклонных скважин с большим отклонением.

Мамедпаша Пириевич отложил письмо.

Фред Фокс... Они встретились недавно на VI Международном конгрессе по нефти. Во Франкфурте-на-Майне.

В перерыве между заседаниями в здание конгресса хлынула толпа репортеров. Ослепительно вспыхнули синие молнии блиццев. Участников конгресса энергично «блокировали» корреспонденты и переводчики. Немолодой журналист с заученной, официально вежливой улыбкой прервал беседу Мамедпаша Пириевича с американским ученым.

— О, совет?! Проблемы бурения? Эффект турбобура с алмазным долотом... Мнение господина профессора о цехах фирмы «Зальцгитер», которой продана лицензия на советский турбобур?..

Советский ученый едва успевал отвечать на вопросы.

— Впервые господин профессор в Германии?

— Нет. 1944 год. Второй Украинский фронт.

Улыбка медленно сползала с вспыхнувшего лица западногерманского журналиста. Притушив острый блеск глаз, корреспондент задал еще один, последний вопрос:

— Довелось ли господину профессору видеть промыслы Калифорнии, Техаса...

— Мне, к сожалению, нет, — улыбнулся профессор Гулизаде, — отцу повезло больше. Кто? Нет, не ученый. Рабочий. Бурильщик. Коммунист.

Растерянно замешкался переводчик. Корреспондент, поблагодарив за интервью, заторопился уйти.

...Это было в 1926 году. Бакинская нефтяная промышленность только осваивала вращательное бурение. И группа азербайджанских буровиков выехала в Соединенные Штаты для прохождения практики на американских промыслах. Среди них был и прославленный мастер-уста — Пири Гулиев. С двенадцати лет пришлось зарабатывать на хлеб сыну амираджанского бедняка. Он начал с чернорабочего на промыслах «Русского товарищества». С рассвета до поздней ночи помогал тартальщикам. Повиснув всем худеньким телом на рукоятке барабана рядом со взрослыми, напрягался до изнеможения... И долго не мог привыкнуть к глухому говору, доносившемуся из колодцев. К вечеру он не выдерживал. Свернувшись калачиком, засыпал тут же на земле у скважины. Ковыляя в старых отцовских ботинках, затемно возвращался домой. И в конце недели с гордостью протягивал матери промазученную ладонь, на которой высвечивало несколько теплых гривенников. Отчаянно боролся с усталостью, дремотой, болью в спине. Совсем, как взрослые, проклинал иногда рабский труд и безденежье. Десятки раз собирался уйти в город в бригаду каменщиков, где было малость полегче. И не мог.

Потому, что не было роднее сураханской земли. Он любил ее безыскусно и просто такой, какая она есть, в рыжих подпалинах нефти, с чахлыми кустиками инжира за глиняными заборчиками дворов, скрипом колодцев, тропинками, по которым уходили иногда мать и тетка с тяжелыми тюками домотканых ковриков на голове.

Мужал Пири, учился слышать горячее дыхание недр, чувствовать вибрирующую силу, рвущуюся сквозь пласты. Он уже был отцом двух сыновей, и к его имени все чаще прибавляли уважительное «уста».

Иногда вечерами до их дома долетала

заунывная, гортанная молитва муллы, зовущая к смирению и покорности. «Опомнитесь, правоверные! — растягивая слова, выкрикивал мулла. — Вы многого хотите, много ищите на этом свете! Ничего не возьмете с собой на тот свет. Все, что надо человеку — это три аршина погребального полотна, чтоб предать земле тело... Опомнитесь!»

Слушал Пири, глядя, как мимо проезжают фаэтоны с семьями промысловой знати, с нарядными веселыми детьми, с кульками покупок.

Слушал и чувствовал, как нарастает протест против маленькой, хитрой философии муллы. Все яснее понимал, что к нему, его товарищам-беднякам обращена усыпляющая, коварная молитва. А разве ему, Пири, страстно любящему жизнь, труд, детей, мало надо? Ему надо уметь читать как все, кто тайно собирается на сходки, чтоб прочесть листки, обращенные к рабочим. Ему надо, чтоб дети его выросли учеными и счастливыми. Хозяевами всех богатств его земли. Чтоб в доме было много солнца, радости и хлеба. О каких трех аршинах тряпицы говорит мулла? Ему надо, чтоб даже тогда, когда его, Пири, не будет на земле, остался сад, заложенный его руками, скважины, дающие людям свет и тепло, энергию и могучую технику. Чтоб говорили люди благодарно и гордо: вот буровая Пири. И та. И эта. И много других буровых. Чтоб дело его, любимое дело, стало мудрым и радостным смыслом будущего его сыновей.

Советскую власть он встретил с надеждой, принял всем сердцем все новое, что она принесла. Безотказно шел на самые трудные участки, бурил в Балаханах и Кала, в Сабанчах и Мардакянах. А вечерами пристраивался с тетрадкой к мальчишкам и, заглядывая в их школьные тетради, упрямо выводил буквы алфавита.

И вот поездка в Америку.

Почти сорок лет этим блекнувшим уже фотографиям. Прерии Техаса... Залепленные рекламами улицы Сан-Франциско... Небоскребы Чикаго и Нью-Йорка. Кактусовые заросли и промыслы близ Мексиканского залива. И с каждой из них добродушно улыбается широколицый, с седеющими усами бакинец. Не удивляется, а улыбается. Улыбается, как человек, знающий нечто куда более удивительное, чем все чудеса Америки вместе взятые.

В архиве Азнефти сохранились документы о пребывании группы азербайджанских буровиков, проходивших в 1926 году практику на американских промыслах. И особенно интересен отзыв советских внешнеторговых организаций о сураханском буровом мастере:

«Сейчас же по приезде в Америку он был устроен на подрядное бурение на

Сигналл Хилл. Закончил одну буровую, и подрядчик предлагал ему вообще остаться у него, хотя своих буровиков у него избыток. Оттуда был направлен на промыслы в Торренс, потом в горы, в лагерь Санта Пола, за девяносто километров от Лос-Анжелоса... Около двух месяцев провел на промыслах Мидвест Рифайнери на канатном бурении с электромотором. Был и в Оклахоме. Осенью, в суровую зиму так усердно работал, что его как пример показывали американцам».

Уже дома, в Баку, Уста-Пири рассказал о том, что хозяева фирмы предлагали посланцу Азербайджана не только остаться в Америке, но стать владельцем акций предприятия. «Оставайся, опыт приобретешь, и молодых бурильщиков подучишь... Проценты с акций дадут капитал...»

— Ну и что ты ответил? — спросили товарищи.

— Ответил — не надо мне акций. А подучить их успеют мои сыновья. Потому что сыновьям идти дальше...

Он сказал это, задумчиво поглаживая усы, пытливо поглядывая на детей, которых любил по-своему, сурово, требовательно. И никто почему-то не улыбнулся тогда его словам, хотя они смахивали на шутку.

Старшему, Мамедпаше, в том году исполнилось двенадцать, а Исрафилу девять. Жили они в двух шагах от скважин и часто, сопровождая отца на работу, были осведомлены обо всем, что делалось на промысле.

Но однажды любопытных мальчишек не пустили к устью скважины. Говорили — идет проходка. Но как ни вглядывались Мамедпаша и Исрафил, не увидели ничего знакомого, привычного — ни спуска канатов, ни вертящегося ствола ротора.

Это были знаменательные дни в истории развития нефтяной промышленности Азербайджана: в Сураханах впервые в мире испытывалось турбинное бурение.

А немного позже в Советский Союз прибыл представитель одной из солидных американских компаний — той самой, где когда-то набирались опыта Уста-Пири и его товарищи, чтоб приобрести турбобур — гордость бакинских нефтяников.

Думал ли об этом сам мастер? Может быть... Может быть, знал, верил, потому так спокойно, с достоинством смотрел на небоскребы из стекла и бетона, на экзотику Лос-Анжелоса...

Он уже работал управляющим конторой разведочного бурения, и в новой квартире Гулиевых по вечерам шумно, горячо спорили об итогах разведки в Лок-Батане и Сураханах, в Карадаге и на берегах Куры. Вступали в строй новые промыслы. Над схемами глубоких

буровых все чаще рядом с отцом склонялись сыновья, студенты техникума — Мамедпаша и Исрафил, чья жизнь уже была накрепко сплавлена с делом отца — с бурением, с разбегом его беспоконных замыслов. Поэтому, когда на промысле в Кала возникла острая необходимость в молодых специалистах, братья на год оставили учебу, участвовали в проходке скважины, готовили глинистый раствор, помогали в мелком ремонте. И когда Мамедпаша выложил перед отцом диплом инженера, Уста-Пири долго рассматривал тонкую синюю книжицу и, впервые в жизни поцеловав сына, сказал:

— Одним буровым мастером больше в доме. Ну... Действуй.

Только мать, пожалуй, знала, сколько нежности и тревоги, горделивой любви к детям — уравновешенному, спокойному, в отца, Мамедпаше, горячему, увлекающемуся Исрафилу, мечтательному книголюбу Даниилу, хозяйственной, быстрой на решения Валиде, озорной, веселой Зулейхе — таится за внешней суровостью отца.

Однажды она встретила мужа встревоженной. Звонил Мамедпаша... В бригаде неладно. Что-то с буровым инструментом... На глубине.

— Съездил бы, помог...

С ожиданием и надеждой смотрела, как неторопливо моет он руки, как привычно разворачивает газеты.

— Отец!

— Нет, — отрезал он жестко. — Не поеду. Пусть сам. Все сам, понимаешь? Им идти дальше. Не прячься от ветра за отцовскую спину.

Он не прикоснулся к обеду, весь вечер поглядывал на телефон. Почти до рассвета ворочался в постели. И заснул только тогда, когда услышал в телефоне чуть охрипший, счастливый голос Мамедпаша. Все в порядке!

Так же сдержанно, строго поглядывая на осунувшееся лицо жены, провожал он на фронт сыновей. Братьям повезло. В 1943 году, встретившись в Тбилиси, Исрафил и Мамедпаша вместе шли дорогами войны — в Польшу и Чехословакию, Венгрии и Германии.

Таким же скупым на ласку, но сильно постаревшим встречал он фронтовиков на бакинском вокзале. И уже по дороге домой, сообщив о том, что Зулейха окончила медицинский, Валида учится на инженера-технолога, Даниил кончает исторический факультет в Москве, увлеченно заговорил о начавшемся бурении на море.

Турбобур завоевал прочное признание на промыслах и разведках. Первую скважину под высокую Баилловскую гору повел друг Уста-Пири мастер Ага-Нейматулла. Это было долгожданной победой. Все послушней уходило долото в любую сторону, все смелее, поборов

опасность кривизны, овладевали разведчики наклонным бурением.

Новый метод всецело захватил Мамедпашу и Исрафила.

И в тот год, когда нефтяники тепло провожали на пенсию Уста-Пири, старший сын защитил кандидатскую диссертацию, посвященную наклонному бурению. А вскоре со званием кандидата технических наук поздравили и Исрафила. Впрочем, Исрафила уже увлекло другое; все чаще наезжал он к морским нефтяникам, на строящиеся эстакады. Возвращался пропахший морем и нефтью, полный удивительных, казавшихся фантастическими, планов.

Шли годы. Время неумолимо отсчитывало дни. Время работало на бессмертное дело Уста-Пири, на будущее его детей, потомков, идущих дорогой отцов.

* * *

Этот вечер в семье Гулиевых запомнился не только гостеприимством. Просторная квартира доктора технических наук, профессора, заместителя директора по научной работе Государственного научно-исследовательского и проектного института «Гипроморнефти» Исрафила Пириевича Гулиева едва вмещала собравшуюся по традиции семью. Еще бы! С внуками покойного Уста-Пири их больше двадцати человек...

Исрафил Пириевич — один из создателей плавучего основания, давшего огромную экономию в морском бурении, — рассказывает о далеком прицеле — о бурении на глубоких скважинах Каспия, о встречах в Чехословакии, о поездке в Германию, куда он был приглашен для чтения цикла лекций по технике и технологии глубокого бурения.

Профессор Мамедпаша Пириевич Гулиаде — проректор по научной части Института нефти и химии, редактор журнала «Нефть и газ», который получают в более чем двадцати странах мира, — говорит об экспериментальной лаборатории, разрабатывающей под его руководством технологию бурения скважин с большим отклонением — 1500-2000 метров!

Много интересного в творческих планах кандидата исторических наук, директора Высшей партийной школы Даниила Пириевича Гулиева. Ведь и его «разведочные работы» направлены на глубокое изучение истории борьбы партийной организации республики за нефть!

Неустанна в поисках и Валида Касумова, за плечами которой работа на крекинг-установке нефтеперерабатывающего завода, руководство комсомольской организацией республики. Материнство не мешает ее научной работе, Валида занимается вопросами кинетики химиче-

ских реакций в лаборатории академика Нагиева.

И если бы не жизнерадостная, мягко подтрунивающая над «нефтяными богатыми» врач Зулейха-ханум Рзазаде, не возня ребенка, можно было бы подумать, что очутился где-то на производственном совещании, готовящем генеральное наступление на будущее науки.

Крепкие корни, могучие корни оставил Уста-Пири. Далеко шагнули питомцы, коммунисты, к голосу которых прислушиваются сегодня крупнейшие научные центры мира.

Нет, он живой и сегодня, этот добро улыбающийся с фотографий земляк, он много и щедро оставил на земле такого, что не измеришь никакими высокими процентами самых устойчивых акций!

Жить и жить традициям знаменитого мастера, трудолюбию и наступательным поискам в судьбе внука Рафика Гулиева, студента факультета автоматизации производственных процессов. И маленькой Севды Касумовой, которая строит что-то свое, замысловатое из ярких кубиков...

Им идти дальше.

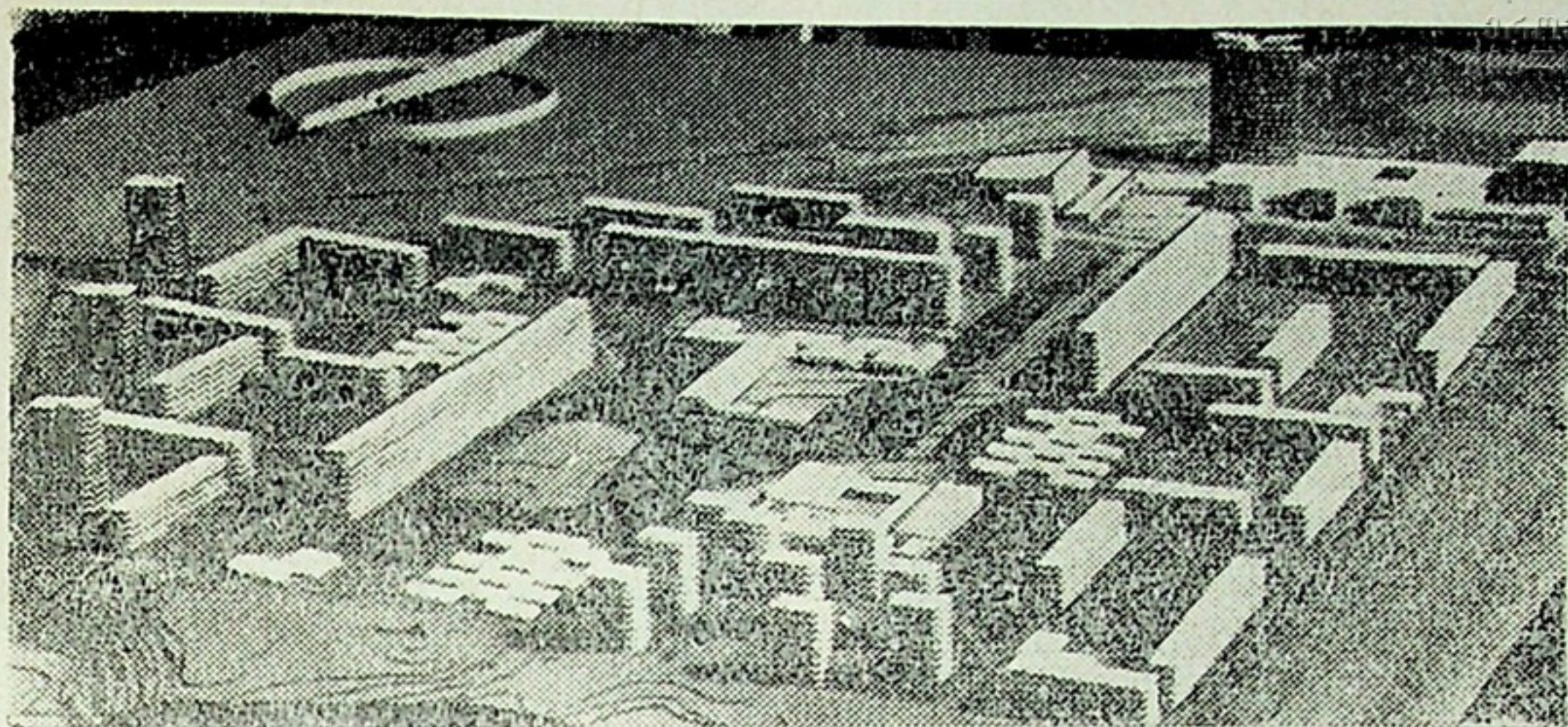
Друзья о друзьях

Ф. Амиров, композитор

С. Рустам, поэт

Макет экспериментального микрорайона

Али ГЮЛЬ-АХМЕДОВ, Теодор ЩАРИНСКИЙ,
архитекторы

Проблемы и перспективы застройки Баку

Наша эпоха — эпоха бурного развития технического прогресса и роста городов — характеризуется усложнением ряда градостроительных проблем. Увеличение населения городов, развитие их территорий, инженерного оборудования, транспортных связей, необходимость преодоления значительных расстояний — вот далеко не полный перечень технических задач современного градостроительства.

Вместе с тем ни одна из них не может быть решена и не решается вне задач социальных. Наше представление о городе и требования к нему меняются со временем, и сегодня мы ставим и решаем задачи, которые несколько десятилетий назад и не возникали.

Каждый раз, говоря о проблемах, связанных с дальнейшей застройкой Баку, мы все больше и больше убеждаемся в том, как много сделано и как много еще предстоит сделать, чтобы город стал образцовым местом труда, быта и отдыха человека.

Баку — город неповторимых качеств. Море, серпом врезающееся в пологий берег суши, улицы, круто взбегающие по рельефу городского амфитеатра, по флангам которого, словно два стража, стоят Баиловская и Ахмедлинская возвышенности.

Архитекторам-бакинцам выпала большая честь работать для этого города. Его богатый рельеф, море и солнце вызвали к жизни скульптурные по своей выразительности ансамбли старого и нового города.

В ходе своего многовекового развития Баку всегда был известен своими нефтяными источниками, а также как укрепленный пункт с хорошо защищенной гаванью. Петр I прекрасно понимал его значение. В 1722 году в приказе генералу Матюшкину он писал: «...идти к Баке и тщиться оный город с помощью божьей достать, понеже ключ всему нашему делу оный...»

Только за сто последних лет Баку по населению вырос с 14 тысяч человек в

1863 году до города с миллионным населением в 1963 году. Трудно сейчас поверить, что на картах Баку начала прошлого столетия за пределами крепостных стен не было еще обозначено ни одного строения.

Неразрывные жизненные связи Баку с прилегающими к нему районами Апшерона привели к разработке одной из первых в нашей стране районных планировок.

Разбросанность нефтеносных площадей почти по всей территории полуострова — от далеких морских месторождений на востоке до западных окраин — продиктовала особый подход к размещению населенных пунктов, развитию транспортных и инженерных систем.

Систематическая работа над материалами по районной планировке Апшерона позволила решить ряд вопросов, имевших принципиальное значение для дальнейшего развития района с учетом его природно-климатических особенностей, принятой системы функционального зонирования в интересах технологической кооперации, рациональной системы инженерного оборудования, расселения, транспорта и т. д.

Вывод из Баку химической и металлургической промышленности вызвал к жизни Сумгаит. Сначала он развивался как спутник Баку, однако быстрые темпы роста его промышленности позволили в 1950 году выделить Сумгаит в самостоятельную административную единицу. Осуществление семилетнего плана 1959—65 годов еще больше увеличит промышленный потенциал Сумгаита за счет развития современных химических предприятий на базе газонефтяных месторождений Апшерона и отходов нефтеперерабатывающей промышленности. Перспективы его развития настолько велики, что уже сейчас обоснованно ставится вопрос о существенном пересмотре в сторону увеличения запланированной ранее численности населения города.

В результате развития нефтяной промышленности на востоке значительную роль приобретают населенные пункты Артем и Гюргяны. Рост промышленности стройматериалов на юго-западе предопределил возникновение здесь нового населенного пункта — Приморска. Хорошие перспективы промышленного развития имеют Гоусаны, Зыря. Ведется разработка генеральных планов городов-спутников Дюбенды, Хырдалан, Забрат и др.

Специфика района, характеризующаяся рассосредоточенным размещением нефтедобывающих площадей, вызывает на Апшероне, как и в других нефтеперерабатывающих районах страны, необходимость комплексного решения вопросов расселения и транспорта. Решения эти требуют учета не только инте-

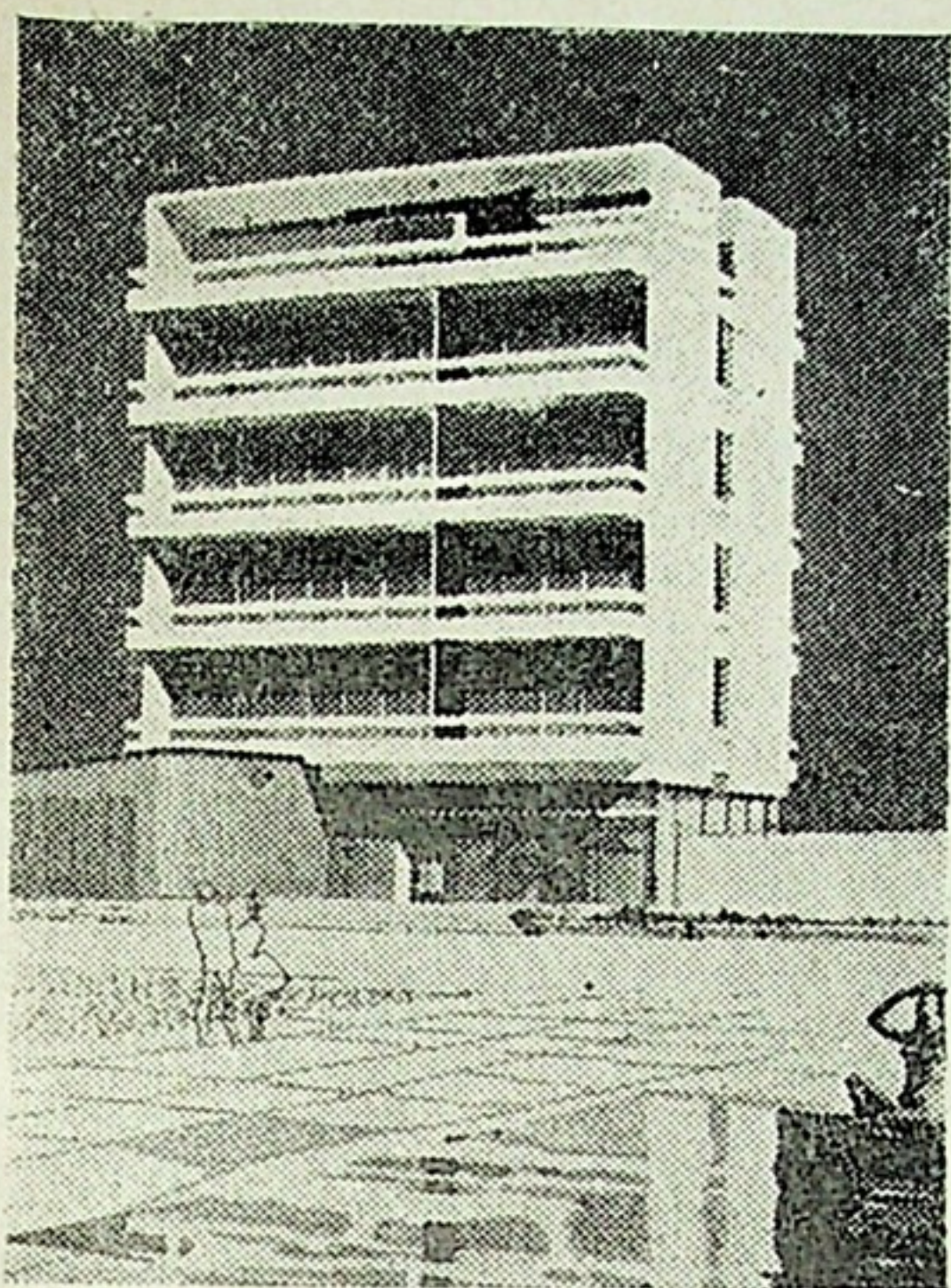
ресов экономики строительства, вытекающих из степени его индустриализации и характера инженерного благоустройства населенных пунктов, но и сокращения времени на трудовые поездки, или, другими словами, определения времени сообщений — как основного показателя экономичности транспорта, ибо «...к экономии времени сводится в конечном счете вся экономия» (К. Маркс).

Система транспорта на Апшероне развивалась параллельно с открытием новых районов добычи. Это нашло свое отражение в строительстве одной из первых в Советском Союзе электрической железной дороги и достаточно густой сети первоклассных автомобильных магистралей. На первом этапе была осуществлена связь с добывающими районами центра, затем, по мере продвижения нефтедобычи на восток, действующие линии продолжались в сторону Маштагов — Бузовнов с кольцеванием через Мардакяны — Кала — Бина на Сураханы. Развитие Сумгаита потребовало надежной транспортной связи его с Баку, — в результате была электрифицирована железная дорога Баку — Сумгаит.

В дальнейшем в соответствии с проектами районной планировки система электрических железных дорог свяжет населенные пункты с северным и южным побережьями Апшерона и тем обеспечит разветвленную сеть скорых сообщений по всему району. Автомагистрали Апшерона всегда развивались в направлении новых нефтеносных площадей. Задача районной планировки сводилась к заблаговременному созданию наиболее целесообразной системы дорог, обеспечивающей транспортное обслуживание промышленности и населения. Сопоставление хода территориального развития нефтедобывающей промышленности с этапами строительства электрифицированных железных дорог и автомагистралей показывает прямую их связь и взаимозависимость. Планомерное развитие заранее разработанной транспортной системы позволяет быть уверенным в том, что она будет реализована на Апшероне в полном соответствии с наметками районной планировки.

Таким образом, размещение производительных сил Бакинского промышленного узла вызвало к жизни стройную систему расселения, транспортного и инженерного оборудования района как основы всех градостроительных планов. Эта неразрывная связь является красной линией, проходящей через все проекты планировки и застройки городов и населенных мест Апшерона, начиная с первых планировочных работ на Апшероне и в первую очередь в Баку.

Вплоть до первого научно обоснованного генерального плана Баку, составленного в 1924—27 годах, город за-

Проект жилого дома

странвался по землемерным планам, в которых не было попыток учитывать далекие перспективы, а лишь соединялись в единое целое разрозненные и уже сложившиеся части города. Так, в ходе времени стихийно возникал город со всеми «прелестями» частного владения землей, погоней за прибылью и другими атрибутами капитализма. Такое наследство получили советские градостроители.

С первых же лет после установления в 1920 году в Азербайджане Советской власти началась и до сегодняшнего дня не прекращается повседневная и кропотливая разработка всех сторон генерального плана Баку. При этом все вопросы решаются комплексно и с учетом длительной перспективы развития города. Естественно, что одним из главных элементов генерального плана города является застройка его жилых районов. Принципиально новое направление в характере жилой застройки было дано в известном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1957 года «О развитии жилищного строительства в СССР», которое определило необходимость сосредоточения жилищного строительства крупными массивами на свободных территориях без сноса существующего жилого фонда.

Перестройка размещения жилищного строительства в духе этого постановления позволила в Баку (так же как и в других городах страны) значительно сни-

зить стоимость строительства, наиболее эффективно применить парк строительных механизмов и использовать все преимущества индустриального строительного производства. За годы, прошедшие после принятия этого постановления, в Баку введено около 1700 тысяч квадратных метров жилой площади. Дальнейшее развитие крупнопанельного строительства создает условия для постепенного наращивания объемов ежегодно вводимой жилой площади.

Однако столь значительное жилищное строительство потребовало и обширных земельных участков, которыми Баку, к сожалению, располагает в ограниченном количестве. Окруженный подковой нефтяных промыслов, наш город ощущает резкий дефицит свободных участков для все возрастающих объемов жилищного строительства. Наряду с интенсивным строительством на свободных участках, это заставляет искать новые пути в размещении жилищно-гражданского строительства и предопределяет условия для разработки и осуществления новых, экономичных решений.

Их может быть несколько: строительство городов-спутников, повышение этажности застройки, реконструкция (обновление) районов, застроенных старыми одно-двухэтажными ветхими домами.

Как правило, практика современного градостроительства использует все эти возможности и очень часто в комплексном их сочетании. Однако в градостроительстве не может быть рецептов на все случаи жизни — так различны специфические условия развития наших городов, несмотря на общность социальных условий.

Баку не является исключением. И у нас, в зависимости от обстановки и характера задач, находятся соответствующие им масштабы градостроительных решений. Как уже было сказано ранее, возникновение Сумгаита связано с созданием на Апшероне металлургической и химической промышленности, а Приморска — промышленности строительных материалов. Проектируется ряд других городов-спутников Баку. Но каждый раз возникновение их сопутствует образованию нового промышленного комплекса. Однако создание городов-спутников не может решить всех задач, связанных с расселением населения и в первую очередь задач дальнейшей застройки сложившихся городов.

Таким образом, в условиях отсутствия свободных городских земель задача обновления застройки существующих районов города сохраняет свое значение и силу, и чем дальше, тем больше. Износ старых малоэтажных жилых домов увеличивается. Наступает момент, когда вложение средств в ремонт этих морально и физически устаревших строений становится нерентабельным. Кроме

того, районы старой, ветхой застройки, возникшие много десятилетий назад, мало благоустроены в инженерном отношении и очень бедны учреждениями культурно-бытового обслуживания населения.

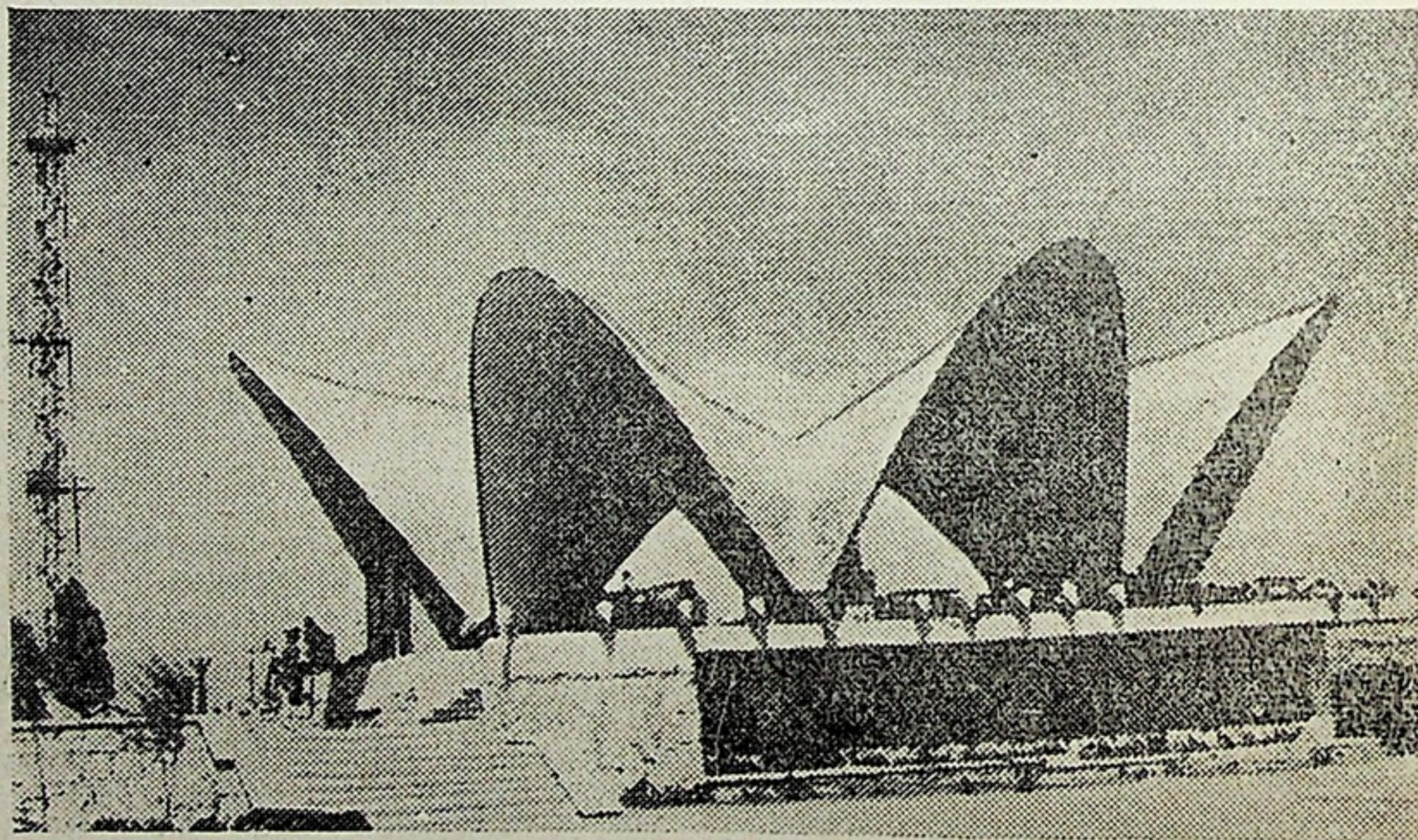
Как правило, эти районы старой, ветхой застройки занимают сейчас промежуточное по территории положение между центральной частью города с большим количеством ценных опорных зданий и районами нового, современного нам жилищного строительства. Такое их положение предопределило наличие хорошо оборудованных городских автомобильных проездов, действующих линий городского транспорта и т. д., что в определенной степени снижает расходы по их обновлению по сравнению со строительством на возможных новых свободных площадках на периферии города.

Действительно, кто из бакинцев не знает в Нагорной части города района между Советской улицей и проспектом Нариманова. Застроенный на рубеже XIX и XX веков в подавляющем большинстве одноэтажными домами, почти без санитарно-технического оборудования квартир, он простирается от Нагорного парка имени Кирова до проспекта Строителей, занимая около 100 гектаров очень ценной городской территории. Прорезанный рядом магистралей городского значения (пр. Строителей, ул. Б. Сальянской, пр. Нариманова), этот район занимает исключительные по своим градостроительным качествам позиции. Расположенный на верхних террасах городского амфитеатра, обращенный лицом

к морю и на восток — юго-восток, он представляет собой тот плацдарм, с которого наиболее эффективным образом (по экономическим и композиционным соображениям) следует начать наступление на малоценное, ветхое жилье, доживающее по своим строительным и планировочным качествам последние годы.

Будучи застроенным, наряду с пятиэтажными зданиями, домами повышенной этажности, этот район не только обогатит силуэт города, но и придаст ему новое, современное «звучание». По самым скромным подсчетам здесь может быть построено еще около 300 тысяч квадратных метров (или около 10 тысяч квартир) и необходимое количество школ, детских учреждений, магазинов и зданий культурно-бытового обслуживания населения. Широкие бульвары по трассам нынешних 2-й Хребтовой улицы и улицы М. А. Алиева пересекут этот район, предоставив бакинцам новые озелененные места отдыха с прекрасными перспективами на город и бухту.

Такие же примерно возможности открываются при реконструкции центральной части Наримановского района на массиве, ограниченном проспектом Ленина, 17-й Нагорной улицей, 13-й Завокзальной и улицей Инглаб. Здесь, на 220 гектарах, занятых одноэтажными домиками с преимущественно усадебной планировкой, представляется возможным обеспечить выход около 550—600 тысячам квадратных метров жилой площади или около 17—19 тысячам квартир. Этот район также обеспечен уже в настоящее время и хорошими городскими проездами (к упомянутым выше сле-

Кафе на Приморском бульваре

дует добавить ул. Дружбы молодежи), и действующими трамвайными и автобусными маршрутами.

К числу районов, ожидающих своей очереди реконструкции, следует отнести и южную часть, так называемый поселок Монтана, ограниченную Московским шоссе и путями электрической железной дороги.

Таким образом, за счет реконструкции ветхой, малоэтажной застройки можно в ближайшие годы получить около одного миллиона квадратных метров жилой площади в районах, застройка которых будет в значительной степени облегчена наличием хороших городских проездов и действующих транспортных и некоторых инженерных коммуникаций.

Это весьма существенные резервы городских земель, которые в сочетании с застройкой свободных территорий могут в значительной степени облегчить положение с поисками новых участков для жилищно-гражданского строительства в нашем городе в ближайшие годы. И эти резервы должны быть использованы.

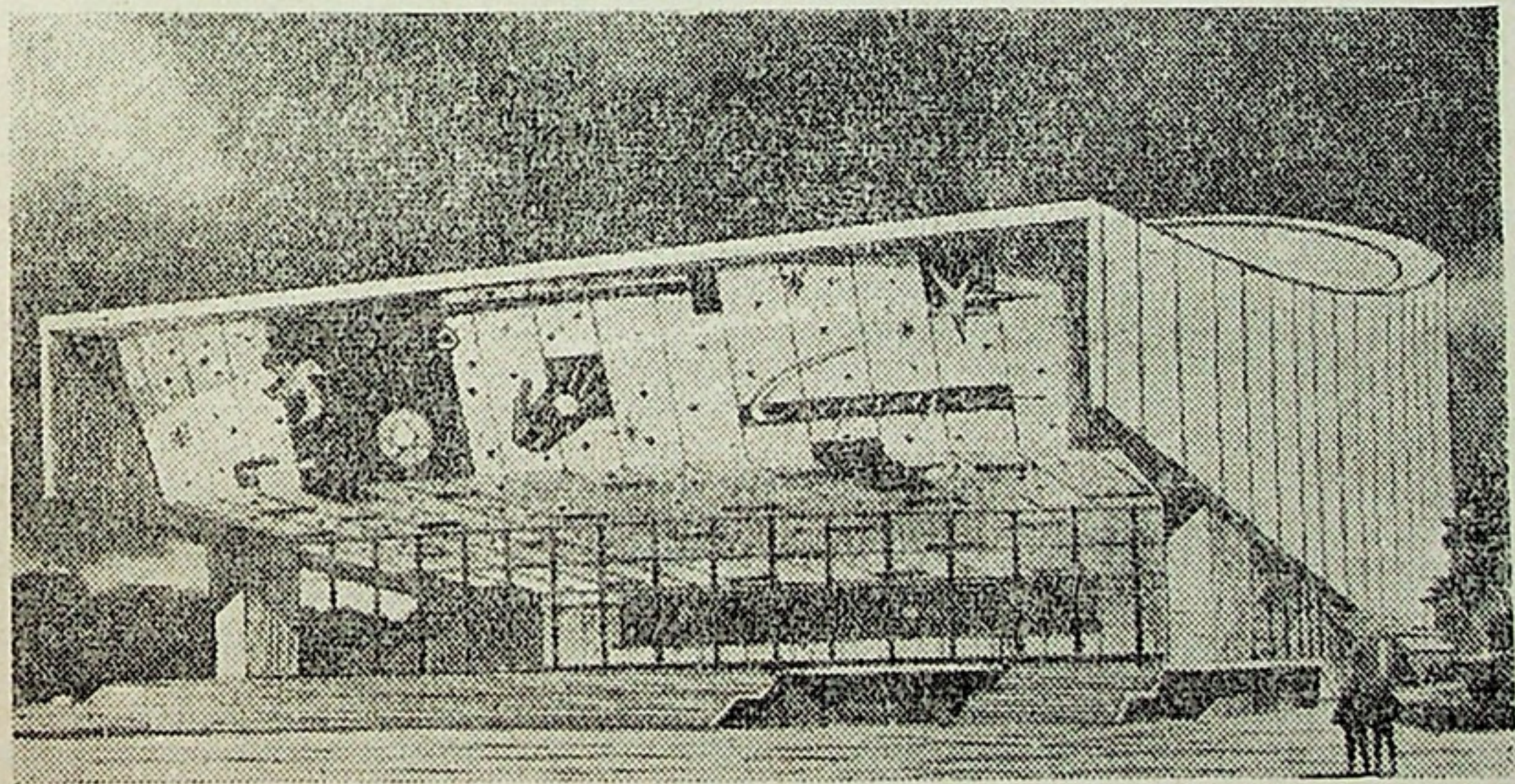
До сих пор мы говорили об одной проблеме города — о его развитии, о том, где и как строить.

Но существует и другая проблема, требующая ответа на вопрос: что строить?

Надо прямо сказать, что вопросу, какие квартиры мы должны строить и в каком численном соотношении, до сих пор, к сожалению, не уделялось должного внимания. Для этого, быть может, были свои причины. Тогда, когда темпы жилищного строительства еще не достигли нынешнего уровня, а нужда в жилищах была настолько велика, что не давала времени задумываться над вопросом, какие квартиры следует стро-

ить, задача состояла в том, чтобы как можно больше, быстрее и дешевле вводить в эксплуатацию жилую площадь. Никого особенно не волновал вопрос, как эта жилая площадь будет запроектирована: в составе ли одно, двух или трехкомнатных квартир или в общежитиях. Был период, когда при общей нужде в жилищах в стране возводились дорогостоящие трех- и четырехкомнатные квартиры с такой большой жилой и общей площадью, что они в большинстве случаев не могли быть заселены иначе, как двумя, тремя семьями — иными словами — коммунально. В этот период «счет» велся лишь на квадратные метры жилой площади — невыгодно было считать по квартирам — их было мало.

А стоимость? Она была огромной, учитывая и излишества, допускаемые тогда в архитектуре жилых зданий. В последнее десятилетие картина резко изменилась, мы научились считать каждый рубль, стоимость квадратного метра и квартир снизилась в два с лишним раза. Резко повысилась индустриализация строительства. Появилась возможность строить в два-три раза больше жилья. Но над вопросом, какие квартиры следует строить, по-прежнему особенно не задумывались. Любая квартира (а они стали теперь заселяться одной лишь семьей) находила спрос. При всем этом время уже требует от нас глубоко задуматься над будущим, мы должны немедленно привести число и типы возводимых квартир в полное соответствие с демографическим составом населения и потребностями каждой семьи. К этому остается добавить, что и в планировке квартир следует учитывать динамику роста обеспеченности жилой площадью с 9 до 12 и больше

Макет кинотеатра

квадратных метров на человека, а в принципе расселения формулу: «каждому — комната», чтобы перейти затем к формуле: «каждому — спальня».

Вот кратко пути, по которым идут разрабатываемые сейчас предложения бакинских архитекторов в области жилищного строительства. Большая работа над составлением проекта экспериментального микрорайона в Баку выявила определенные преимущества нового подхода к решению жилищной проблемы — комфорт должен увеличиться, расселение семей по квартирам упорядочиться, а стоимость жилой площади еще более снизиться.

Картина была бы неполной, если не упомянуть о новом подходе к проектированию школ, детских садов и яслей, предприятий торгового и общественного обслуживания населения.

Если до последнего времени считалось, что школьные здания большой вместимости следует проектировать 4-х, 5-ти этажными в едином объеме, и лишь в последние годы был сделан крупный шаг в переоценке ценностей — школы стали, как правило, возводиться 2—3-х этажными, то предложения бакинских проектировщиков идут еще дальше — классы школы следует еще более приблизить к земле, к участку, т. е. к природе, строить их в виде одно-двухэтажных объемов так называемого павильонного типа. Такое решение, как показали расчеты, не вызывает удорожания строительства, дает большие преимущества в организации учебного процесса и отдыха школьников — ведь особенно важно обеспечить детям возможность проводить перемены на свежем воздухе в близости от своих классов.

Снижение этажности детских учреждений с двух до одного этажа позволило осуществить стопроцентную изоляцию одних групп от других и без «потерь» использовать участок земли. В результате — снижение стоимости строительства, значительное увеличение площади земельного участка.

Таковы в кратких чертах те пути, которые предлагаются бакинскими архитекторами для дальнейшего развития жилищного строительства и обслуживания населения учреждений в республике на рубеже строительства 1965—1970 годов.

Решительный уход от штучного, индивидуального проектирования, способствовавшего украшательству за счет некритического использования форм и деталей прошлого, внедрение индустриальных методов крупнопанельного строительства, использование новых, современных материалов, изделий и оборудования породили много новаторских

приемов в строительстве и архитектуре, внесли в нее новую творческую струю, изменившую ее былую ложную красоту.

Определяя задачи, стоящие перед советскими архитекторами, Н. С. Хрущев говорил о том, что дело чести наших архитекторов создать социалистический архитектурный стиль, который должен воплотить в себе все лучшее, накопленное архитектурной мыслью человечества в прошлом, и, вместе с тем, опираться на самые передовые творения советского зодчества. Надо, чтобы в сооружаемых зданиях было максимум удобств для человека, чтобы здания были прочны, экономичны, красивы.

Таким образом, стоит задача создать социалистический архитектурный стиль. Это очень важное положение, которое определяет наш собственный путь развития. Железобетон и сталь, стекло и пластики, крупные панели и сантехоборудование зданий есть и на Западе, и, кстати, там есть образцы довольно неплохого их применения. Значит ли это, что общность материалов и технических приемов должна породить и единый стиль? Нет, конечно. Не уровень техники, а общественное бытие, обуславливающее форму общественного сознания, определяет принципиальную разницу между пониманием стиля в социалистическом и буржуазном обществах.

Вот почему мы никогда не должны забывать о том, что перенесение образцов архитектуры Запада на нашу почву является по меньшей мере некритическим подражателем и порой приводит к явным срывам в нашей работе.

Внедрение новых материалов в нашу архитектуру — процесс очень сложный: он связан с тем, что мы еще не успели в своем сознании уйти от привычных форм, созданных материалами, которые мы считали для себя традиционными. Так же, как в первых постройках из камня человек повторял формы и приемы деревянного зодчества, так и в стали, железобетоне и стекле невольно мы пытаемся повторять формы, присущие каменной архитектуре. Это закономерно, ибо форма из нового материала приходит позже самого материала.

Вряд ли сейчас найдутся архитекторы, которые будут доказывать необходимость заимствования деталей, форм и приемов древнего зодчества, и вряд ли кто-нибудь сомневается в основных принципах, определяющих наш творческий процесс, — создании максимальных удобств для населения и повышении темпов, качества и экономичности строительства на базе достижений современной науки и техники.

Творческие поиски бакинских архитекторов направлены именно по этому пути.

Сейфулла АСАДУЛЛАЕВ

Герой—наш современник

Азербайджанская советская литература, переживающая в настоящий момент (как, впрочем, и другие советские национальные литературы) период бурного развития, накопила довольно богатый опыт, позволяющий ей серьезно взяться за решение ряда насущных проблем, в том числе проблемы положительного героя. Это относится прежде всего к прозе, в которой особенно наглядно и убедительно проявляются достижения азербайджанской литературы последних лет.

Несомненное достижение современной азербайджанской прозы — создание образа нового человека, человека высоких общественных идеалов и морально-эстетических принципов, человека труда, строителя нового мира, коммунистического общества.

«Строитель — главная на земле специальность», — говорит о себе герой повести В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балувев». Такими строителями в широком смысле этого слова являются и положительные герои лучших произведений азербайджанской литературы последних лет — Нурия и Сария («Ивы над арыком», «Кизилый мост» И. Эфендиева — далее мы эту повесть будем называть «Строители моста», под этим названием она вышла на русском языке), Рашид («Свои и чужие» И. Гусейнова), Фиренгиз («Фиренгиз» Б. Байрамова), Майя, Гараш и Кямал («Слияние вод», «О душе человеческой» М. Ибрагимова) и многие другие. Об этих людях, в основном молодых, наиболее полно проявивших себя в годы семилетки, можно сказать, что они — хозяева земли, призванные, по словам Горького, превратить эту землю в «прекрасное жилище человечества».

Говорить об образе положительного

героя — это значит говорить о новых чертах в характере, в сознании и психологии нашего современника, о его отношении к труду и обществу, его жизненной позиции и общественном идеале.

Важнейшим достижением социалистического реализма в азербайджанской литературе является появившееся у наших писателей умение показывать своих героев в динамике, в процессе становления и развития, не в «общих чертах», а реалистически наполненно, в сфере их личной и общественной деятельности и прежде всего в труде.

Созидательный труд советских людей, отношение к труду, рассматриваемое как важнейшая моральная категория, — вот главная тема современной советской литературы. В Программе Коммунистической партии Советского Союза сказано, что «в процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и особенно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми».

Рассматривая тему труда в литературе, необходимо помнить, что труд — это процесс созидания, поле деятельности, арена, где сталкиваются и раскрываются человеческие характеры, сфера проявления жизненных позиций людей и, стало быть, — нравственная сфера. А она-то и является типическим обстоятельством, в котором действуют и развиваются характеры героев вышеназванных произведений. Отношение к труду выступает важнейшим критерием человеческого характера, его общественной ценности. Тот же критерий в конечном итоге «вторгается» и в сферу личной жизни людей, служит выявлению и оценке поведения человека в быту и

в семье, в отношениях мужчины и женщины и вообще во взаимоотношениях людей. Последнее особенно важно для азербайджанской литературы, которой еще приходится вести борьбу со старыми национальными традициями и обычаями.

Азербайджанская литература сегодня успешно показывает формирование нового в жизни: утверждение принципов коммунистической морали и отмирание старого — религиозных пережитков и предрассудков, эгоизма, карьеризма, феодально-байского отношения к женщине, что, к большому сожалению, еще порою встречается в жизни.

В этом отношении немалый интерес представляет повесть Ильяса Эфендиева «Строители моста». Герои этой книги — наши современники, молодые строители, люди «главной на земле специальности». Несомненной удачей автора, на наш взгляд, является образ главной героини повести Сарии — молодой женщины, трудолюбивой, верной своему общественному долгу. Сария — человек твердых принципов, коммунистических убеждений, живущий жизнью коллектива. Интересы общества для нее превыше всего.

В основу сюжета произведения положено «рядовое» событие — строительство шоссе на дороге, которая соединит районный центр с горными пастбищами и большим, республиканского значения совхозом, расположенным за горным перевалом. Однако идейно-эстетическое содержание повести выходит далеко за пределы описанного события.

Молодой инженер Адиль Джафарзаде, работавший в аппарате министерства, направляется начальником строительства дороги. Вместе с ним в район охотно едет его молодая жена Сария. Она — дорожный техник. Руководит бригадой строителей, которая живет и работает как одна трудовая семья, по коммунистически, по принципу «все за одного, один за всех».

И вдруг Сария оставляет мужа и уходит к бульдозеристу Гарибджану. Что же произошло? Почему Сария ушла от мужа, которого прежде, как ей казалось, любила? Почему преуспевающему инженеру она предпочла простого рабочего-бульдозериста, не задумываясь, променяла городскую трехкомнатную квартиру на шалаш в горном лесу?

Конфликт между Адилем и Сарией, назревающий с первых же страниц повести, возникает прежде всего потому, что они оказались совершенно разными людьми, а их союз — случайным. Поездка в район и совместная работа на строительстве дороги ускорили то, что рано или поздно должно было между ними произойти. Здесь быстро выявилось, что у них различные взгляды, разное отношение к жизни и к людям.

Если Сария искренне радовалась поездке в район и своей работе на стройке в горах, то Адиль рассматривает свою должность начальника строительства дороги как ступеньку, ведущую к более высокому посту в министерстве. Адиль карьерист. Труд для него прежде всего средство для продвижения по служебной лестнице. Для Сарии и членов ее бригады — Солтана, Керем-хана, Гарибджана, мост — это «мост в будущее». Для Адилья — еще одна возможность с выгодной стороны показать себя начальству, блеснуть перед министром.

Сария же — человек передовых убеждений. Она, по ее собственным словам, «строит новый мир». Именно в труде, в отношении к коллективу, к обществу яснее всего раскрывалось, что у нее и Адилья разные взгляды на жизнь, разные жизненные позиции. Это хорошо поняла и Сария: «Каждый из нас по-своему понимает будущее. Я чувствую, что мы с тобой никогда одинаково не поймем будущее... А будущее — это жизнь. Поэтому мы должны расстаться. Прощайте!» — говорит она Адилью.

Характер Сарии формировался под влиянием тех изменений, которые произошли в нашей стране, в жизни и психологии народа за годы Советской власти.

Нетрудно проследить отдельные этапы формирования этого характера хотя бы на материале некоторых произведений наших писателей.

Вот красавица Гюльсанам — дочь крестьянина-бедняка Сафо. Приглянулась она сыну Гатамхана Маро, и он выкрал ее ночью и насильно увел к себе в жены. Затем Гатамхан и Пасы безнаказанно отсбрали у Гюльсанам любимого сына и ночью прогнали ее из дому («Шамо» С. Рагимова). Это было в до-революционном Азербайджане, где Гюльсанам была бедной и бесправной женщиной, а Гатамхан — хозяином. Что она могла сделать, изменить в своей судьбе?

Та правда, за которую боролся Шамо и его друзья, восторжествовала в 1920 году. Но еще и тогда Севиль («Севиль» Дж. Джабарлы) была грубо и жестоко выброшена на улицу ее «интеллигентным» и «культурным» мужем. Но правда революции открыла и осветила ей путь в новую жизнь. Севиль сбросила чадру, стала грамотным человеком, равноправным членом общества, строителем новой жизни. Чувство собственного достоинства и общественного долга — вот черты, которые не были присущи характеру Гюльсанам, как и вообще женщины-азербайджанки до революции, но которые стали органичными в характере Севиль. От этого она, конечно, не перестала быть азербайджанкой, но изменилась, ушла вперед, потому что изменилась сама жизнь, представле-

ние о женщине-азербайджанке и соответственно отношение к ней мужчины.

Для Сарии, героини повести И. Эфендиева, старого мира давно уже нет, но пережитки его — бюрократизм, карьеризм, эгоизм, психология собственника, барско-пренебрежительное отношение к женщине и т. д. еще окончательно не изжиты. Носителями этих пережитков нередко являются и наши советские люди. А борьба с этими пережитками осложняется в силу того, что они проявляются не открыто и прямо, как, скажем, в истории Гатамхана с Гюльсанам или Балаша с Севиль, а прикрываются щитом высокопарных, «патриотических» слов, внешне «благородными» поступками. Вот ведь поехал же в район на работу Адиль Джафарзаде из «Строителей моста»!

Чтобы разоблачить и вывести на чистую воду носителей этих пережитков, надо быть бдительным, смелым, непримиримым и принципиальным, а если потребуется, то и поступиться даже личными удобствами и семейным благополучием во имя торжества коммунистического идеала.

Такой представляется нам Сария, осознавшая себя хозяйном жизни, строителем коммунистического общества и, следовательно, не сумевшая примириться с карьеризмом и расчетливостью Адилья, хотя это и стоило ей распада семьи.

Многие черты характера Севиль, как видим, получили свое дальнейшее развитие в характере Сарии и приобрели новое качество. Сария — новый человек. Многие черты ее характера не были присущи не только Гюльсанам, но отчасти и Севиль. Сария, как и Майя из «Великой опоры» М. Ибрагимова — это Севиль наших дней.

Начинающий писатель Рашид Фатуллаев («Свои и чужие» Исы Гусейнова) написал повесть о сельской девушке. Повесть попадает на рецензию к молодому критику Бекиру, университетскому товарищу Рашида. Бекир обещает дать положительный отзыв, но с условием: Рашид одолжит ему из будущего гонорара определенную сумму денег. На эти деньги Бекир снимет комнату для своего родственника Вахида, мать и отец которого настаивают, чтобы он прогнал свою жену. Бекир обманывает Рашида. Вахид — сын известного литературоведа Кара Джанбалаева, от которого зависит карьера Бекира. И Бекир делает все, чтобы исполнить желание Джанбалаевых — разрушить молодую семью. Так Рашид независимо от своей воли оказывается втянутым в неприглядную интригу. К тому же его писательская судьба в руках не только Бекира, но и самого Джанбалаева: тот может вознести его книгу до небес или разгромить ее. Все зависит от того, какую позицию займет Рашид в создав-

шейся ситуации. А ситуация такова: случайно выясняется, что жена Вахида — это Наиля, героиня повести Рашида и его сводная сестра. Неожиданно под ударом оказывается судьба повести и ее героини.

Так завязывается конфликт романа. Есть ли в этом конфликте общественный смысл? Как он разрешается? Как ведет себя герой романа — молодой писатель Рашид Фатуллаев? Какова позиция самого автора?

Заведующая районной библиотекой Х. Эйбатова в открытом письме автору романа «Свои и чужие» писала, что роман лишен общественного содержания, «не созвучен нашим сегодняшним дням, не отвечает духовным потребностям читателей, строителей коммунизма».

Роман Исы Гусейнова «Свои и чужие» действительно не свободен от недостатков. Его главный герой Рашид Фатуллаев по замыслу — непримиримый борец, но в некоторых ситуациях, в частности, там, где он сталкивается с мещанством, проявляет неопытность, мягкотелость, нерешительность. В описании любви Вахида и Наили порою немало сентиментальности. Но в целом пафос романа «Свои и чужие» — в утверждении социалистического гуманизма, несовместимого с разоблачаемым в произведении мещанством, обывательской пошлостью, эгоизмом.

Процесс изменения и обновления национальных традиций — одна из основных тем азербайджанской литературы последних лет. Не случайно поэтому конфликт многих произведений носит морально-этический характер.

В повести И. Эфендиева «Строители моста» и в романе И. Гусейнова «Свои и чужие» семейно-бытовой конфликт носит, так сказать, подчиненный, производный характер и решается опосредствованно, через раскрытие идейных убеждений героев, их отношения к обществу и труду. В повести же Чингиза Гусейнова «Моя сестра» этот конфликт является главным и решается непосредственно в сфере семейных, бытовых отношений. Писатель обратился к старой, изживающей себя, «традиционной» теме — замужеству по воле родителей. Однако решается она, эта тема, в соответствии с новой обстановкой, новыми социально-историческими условиями, совершенно по-новому. И понятно, такое решение предопределяет художественное раскрытие нового в жизни и характерах людей.

Когда Солмаз исполнилось 18 лет и она только окончила среднюю школу, ее отец, Касум, чтобы не обидеть двоюродного брата Мирбагира, дал согласие выдать дочь замуж за его сына — сапожника Аббаса, «краснощекого, синеглазого парня в кепке с длинным козырьком». «Все равно ведь за кого-то»

надо ей замуж выходить, — сказал он, — «Солмаз тебе пешкеш, племянник». Отцы остались довольны сделкой. По словам самого Мирбагира, попроси он хоть лошадь или верблюда, дядя Касум ответил бы все тем же словом: «Пешкеш!» («Подарок!»). Но будучи уже обрученной, Солмаз успела окончить институт и поняла, что допустила ошибку. Она нашла в себе силы заявить прямо, без обиняков, что не любит Аббаса и никогда не выйдет за него замуж. Солмаз восстала против старых обычаев и традиций, которые еще бытуют в отдельных семьях. Она защитила свою свободу, любовь и человеческое достоинство. И это не только победа Солмаз, это — победа новой жизни, новых идей, убеждений, взглядов.

Повесть Ч. Гусейнова «Моя сестра» тематически перекликается с известными повестями Ч. Айтматова «Джамиля», «Тополек мой в красной косынке» и др. Ч. Айтматов, показывая отмирание старых национальных традиций, реалистически рисует картину утверждающихся новых отношений, новых традиций, показывает формирование новых характеров. Досадно лишь, что Ч. Гусейнов, как бы не доверяя читателю, подчас подменяет художественное изображение пояснениями, дидактикой, а это снижает художественный уровень произведения.

Победу нового в жизни, утверждение новой морали, новых взаимоотношений между людьми убедительно, ярко показывает М. Ибрагимов в романе «Слияние вод».

Центральный герой романа, председатель колхоза «Новая жизнь» Рустам — человек сложного и противоречивого характера. Приписав себе успехи колхоза, Рустам возомнил себя всемогущим и непогрешимым, оторвался от народа, лишив себя этой великой опоры. Рустам лишается ее и в собственной семье, где он, как и в колхозе, чувствует себя полноправным хозяином, насаждает стародедовские обычаи, адаты шариата. Рустам отстал от жизни, от требований народа, который утверждает новые принципы и традиции в обществе и в быту. И в этом его трагедия.

Тема свободы и равноправия женщины разрабатывается в азербайджанской литературе с 20-х годов. Однако нельзя сказать, что она исчерпала себя. Героиням многих азербайджанских романов и повестей еще приходится бороться за свои права, вступать в конфликт с защитниками старых обычаев и традиций.

Майя из «Слияния вод» — передовая советская женщина, умная, деловая. А вот свекор, председатель колхоза, осуждает невестку за то, что она по утрам занимается физзарядкой, которая, увы, не предусмотрена шариатом, ездит на коне.

Рассказ М. Ибрагимова «О душе человеческой» — заметное явление в прозе последних лет. Писатель показал благотворное влияние на человека, на его духовный рост братских, коммунистических взаимоотношений советских людей в процессе трудовой деятельности. Полнее всего это раскрыто в образе руководителя бригады — Кямала, мастера нефти, передового советского человека. Непримируемый к тунеядству, лицемерию и карьеризму, Кямал обладает прекрасным качеством — обостренным чувством ответственности за все, что происходит в жизни. Эти качества характера Кямала и обусловили его столкновение с директором треста Имамгулу и его заместителем Алибалой — людьми, которые свое личное благополучие ставят выше интересов производства. Кямал дает себе отчет в том, что эти люди могут отомстить ему за критику, но им безраздельно руководит желание дать стране больше нефти, бороться за коммунистическое отношение к труду.

Коллективизм показан писателем как органическая черта нравственного облика советского человека. Кямал исходит из интересов общества, опирается на коллектив и именно поэтому одерживает победу в труде и борьбе с косностью и мещанством.

«О душе человеческой» — это рассказ о красоте души и трудовом героизме советских людей, членов бригады коммунистического труда.

Рассказывая о трудовых подвигах членов бригады, писатель раскрывает их жизненную позицию, политические воззрения, отношение к женщине, к ее месту в семье и в обществе и т. д. Спор между членами бригады вокруг этих вопросов дает возможность судить об их умонастроениях, нравственном облике и уровне развития. А потом, когда основные черты характера героев становятся ясны, они «проверяются» непосредственно в труде.

В несколько ином аспекте и на ином жизненном материале раскрывается тема труда в романе Альфи Касумова «Ее судьба».

В центре произведения — образ женщины, молодой журналистки Адилы. Выйдя замуж, Адиля на время отрывается от работы, с головой погружается в домашнее хозяйство. Муж начинает вести разгульный образ жизни, третирует жену. Семья Адилы — на грани распада. И только после того, как Адиля вернулась на работу в редакцию районной газеты, она снова находит свое место в жизни. Основные черты характера, воспитанные в ней советским общественным строем, полностью раскрываются в труде, в общественной деятельности. Общественно-полезный труд возвысил ее над мелкими обывательскими

интересами, помог ей предотвратить надвигающуюся катастрофу. В повести четко определяется позиция Адили как человека и журналиста. Столкновение ее с редактором газеты — делягой и прохвостом Поладовым — становится неизбежным именно в силу твердости занятой ею жизненной позиции. Она уже просто не в силах мириться со злом.

В процессе строительства коммунистического общества выковываются коммунистические убеждения советских людей, рождаются и утверждаются новые формы общественных и семейных отношений, решительно вытесняющие старые семейные отношения, нравы и обычаи. Эта мысль положена в основу повести Б. Байрамова «Свежесть» (в русском переводе «Фиренгиз»), которая свидетельствует об идейно-художественном росте ее автора. Если в предыдущем произведении — романе «Листья» Б. Байрамов порою увлекался подробным описанием некоторых проявлений отживающих старых национальных традиций и адатов, то в повести «Фиренгиз» чувство нового выражено сильнее.

Главные герои произведения — первый секретарь райкома партии Фиренгиз и ее муж Мурад, заведующий животноводческой фермой на яйлаге. Между ними и возникает конфликт, явившийся главным в повести. Мурад, пользуясь «приписками», готовит в Герои Социалистического Труда чабана Фейзи — мастера приносить жертвоприношения своим земным «богам» — за фермой и «ответственным» работникам района. Старый чабан Мусакиши сигнализирует о безобразиях, творящихся на ферме. Приезжает Фиренгиз. Муж и жена сталкиваются лицом к лицу.

В этом конфликте победила Фиренгиз, победили новые принципы — принципы коммунистической морали.

Герой повести И. Эфендиева «Ивы над арыком» дядя Нариман — председатель колхоза; находясь во власти собственнических инстинктов и местнических заблуждений, он не разрешил соседям-гюзейлинцам пользоваться водой арыка, проходящего через его кишлак Гюней.

Председатель райисполкома Гуммет предложил обсудить этот вопрос на общем собрании колхозников. И собрание постановило: дать воду гюзейлинцам. Председатель колхоза гюзейлинцев Мурад сказал на собрании: «Арык не только соединит наши земли, он объединит нас в одну семью, сделает нашу

дружбу крепкой, как гранит». Этого не понимал дядя Нариман, человек, о котором говорят: «Ведь добрый он, последнюю рубаху отдаст».

«Мы должны и будем бороться против частнособственнических настроений. Каплю за каплей мы должны выжать из себя этот яд, отравляющий нашу душу», — говорит на собрании колхозников Гуммет. В этих словах, призывавших к борьбе за душу человека, — основная идея повести И. Эфендиева. Однако идейно-художественное содержание ее этим не исчерпывается. В книге поднята важная проблема культурного развития села. Своей работой в сельском клубе Нурия помогает эстетическому воспитанию сельских тружеников, выявляет и воспитывает молодые таланты.

Современность — основная тема азербайджанской прозы. Главные герои современных азербайджанских романов и повестей — новые люди, наши современники, причем характерно, что многие из них — женщины. Это свидетельство глубоких сдвигов, которые произошли в нашей общественной жизни.

Не случайно художественный конфликт многих наших романов и повестей носит морально-этический характер. И независимо от того, в какой сфере, личной или общественной, он завязывается первоначально, так или иначе он затрагивает семейные, бытовые отношения, где особенно глубоко укоренились старые традиции и обычаи, где идет сейчас, порою подспудно, жестокая схватка между новыми, коммунистическими, и отживающими, но упорно цепляющимися за старое, нормами морали.

«Писать романы всегда было философским занятием», — сказал как-то английский литературовед Ральф Фокс. В этих словах много правды. Философ не обязан писать романы, но писатель обязан быть философом, понимать пути и закономерности развития общественной жизни. Писатель в художественных образах раскрывает социальную сущность и философское содержание жизненных явлений, смотрит вперед и является глашатаем всего нового, передового, способствует преобразованию жизни.

Об этом как раз и говорил тов. Л. Ф. Ильичев в своем докладе на июньском Пленуме ЦК КПСС: «Партия рассматривает искусство, — сказал он, — не только как важное средство познания жизни, но и как фактор ее преобразования, острое оружие в борьбе с чуждой нам буржуазной идеологией».

Мурсал НАДЖАФОВ,
кандидат искусствоведения

Пусть крепнет творческая дружба!

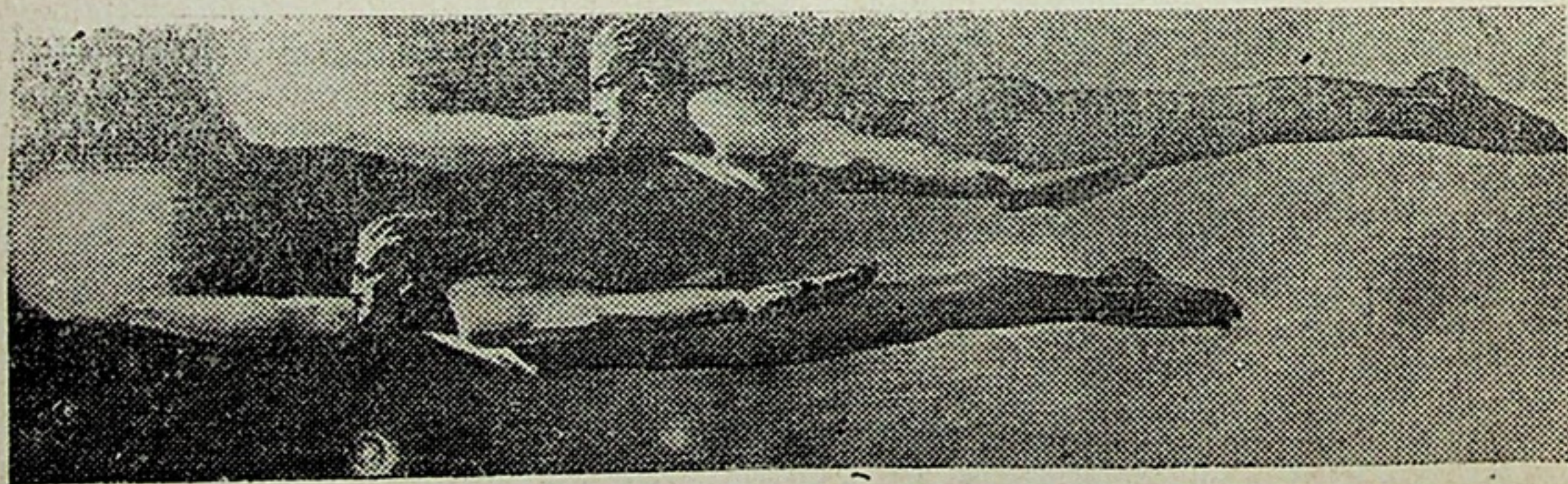
В настоящее время коллектив художников Азербайджана считается одним из сильных и признанных в многонациональной семье советских художников. Имена многих наших живописцев, скульпторов, графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства стали известными далеко за пределами республики. Более того, ведущие мастера азербайджанского искусства своими талантливыми произведениями стали известны за рубежом СССР.

Широко известно, например, как в нашей стране, так и за рубежом, имя народного художника СССР Михаила Абдуллаева — автора целого ряда замечательных картин: «Вечер», «Огни Мингечаура», «Строители счастья», «Подруги», «Радость», «Женщины Раджстана».

За последние годы у нас выросла плеяда очень талантливой молодежи. Едва ли можно встретить любителя живописи, которому не известно имя Таира Салахова — самого молодого среди азербайджанских художников, удостоенного высокого звания народного художника республики.

Одновременно с Салаховым начали творческую деятельность молодые живописцы Тогрул Нариманбеков и Асеф Джафаров. Картины каждого из них отличаются своеобразием живописного почерка.

Подлинного расцвета достигла у нас скульптура. Столицу Азербайджана — Баку поистине можно назвать городом монументов. За послевоенные годы в городах республики воздвигнуты памятники Ленину, Кирову, 26 Бакинским комиссарам, выдающимся деятелям национальной культуры: Низами, Физули, Натаван, Сабиру, Самеду Вургуну, Гаджибекову. Символом раскрепощения в прошлом несправедливой азербайджанки является монумент «Освобожденная», украшающий одну из площадей Баку. В создании монументальных скульптур значительны заслуги народных художников П. Сабая, Ф. Абдурахманова, Д. Карягды, заслуженных деятелей искусств Т. Мамедова, О. Эльдарова, скульпторов М. Миркасимова, С. Гулиева. Развиваются портретная скульптура, скульптура малых форм.

Т. Салахов. Покорение космоса

12.01.53
1033

Т. Салахов. Ремонтники

Хотя отдельные жанры реалистической графики (например, иллюстрация, карикатура) возникли в Азербайджане еще на заре нашего века, высокого уровня развития графика достигла за последние годы. Весьма плодотворно работают в республике мастера станковой графики: Марал Рахманзаде — автор нескольких серий линогравюр и автолитографий, посвященных жизни и труду нефтяников Баку, металлургов Сумгаита и Рустави, молодые графики Расим Бабаев, Юсиф Гусейнов, Алтай Гаджиев и другие. Своим характерным почерком отличается Октай Садызаде, работающий в книжной графике.

Заметно выросли наши плакатисты, мастера сатирического рисунка: Эльмира Шахтагинская, Гаджи Назаров, Наджаф Кули, Гасан Ахмердиев.

С развитием азербайджанского театрального искусства в республике выросла плеяда талантливых художников театра. Уже много лет в театрах Баку успешно трудятся художники Н. Фатуллаев, С. Ефименко, И. Ахундов, И. Сеидова, С. Шарифзаде. В азербайджанский театр и кино пришла талантливая молодежь — художники А. Фаталиев, Д. Азимов, Э. Рзакулиев и другие.

Вполне понятно, что этот короткий перечень знакомит читателей лишь с наиболее характерными достижениями современного азербайджанского искусства, представители которого в тесном творческом содружестве с коллективами других братских республик трудятся на благо социалистического искусства. В этой связи мне хочется особо подчеркнуть значение традици-

онной дружбы азербайджанских и грузинских художников.

Издавна грузинская художественная школа помогала нашей талантливой молодежи в овладении профессиональным мастерством. Известно, что один из основоположников современного реалистического изобразительного искусства Азербайджана Бехруз Кенгерли получил художественное образование в Тбилиси, в школе при «Обществе поощрения изящных искусств», где его учителями были Якоб Николадзе и Египие Татевосян. Кенгерли занимался в одной мастерской с Ладом Гудиаишвили и Кетеван Магалаишвили, которые до сих пор сохранили теплые воспоминания о талантливом азербайджанце. В альбоме рисунков Кенгерли, находящемся в Азербайджанском музее искусств, хранятся наброски, изображающие Гудиаишвили, Шмерлинга и других художников.

Наш народный художник Азимзаде вступил в творческую жизнь в начале века рисунками на страницах журнала «Молла Насреддин», который издавался в Тифлисе азербайджанским писателем Мамедкулизаде.

Творческие связи художников Азербайджана с грузинскими коллегами еще более укрепились после установления Советской власти в республиках Закавказья. Еще в 30-х годах, в связи с юбилеем Шота Руставели, азербайджанские художники побывали в Грузии, изучили историко-этнографические материалы, связанные с жизнью и творчеством великого поэта, писа-

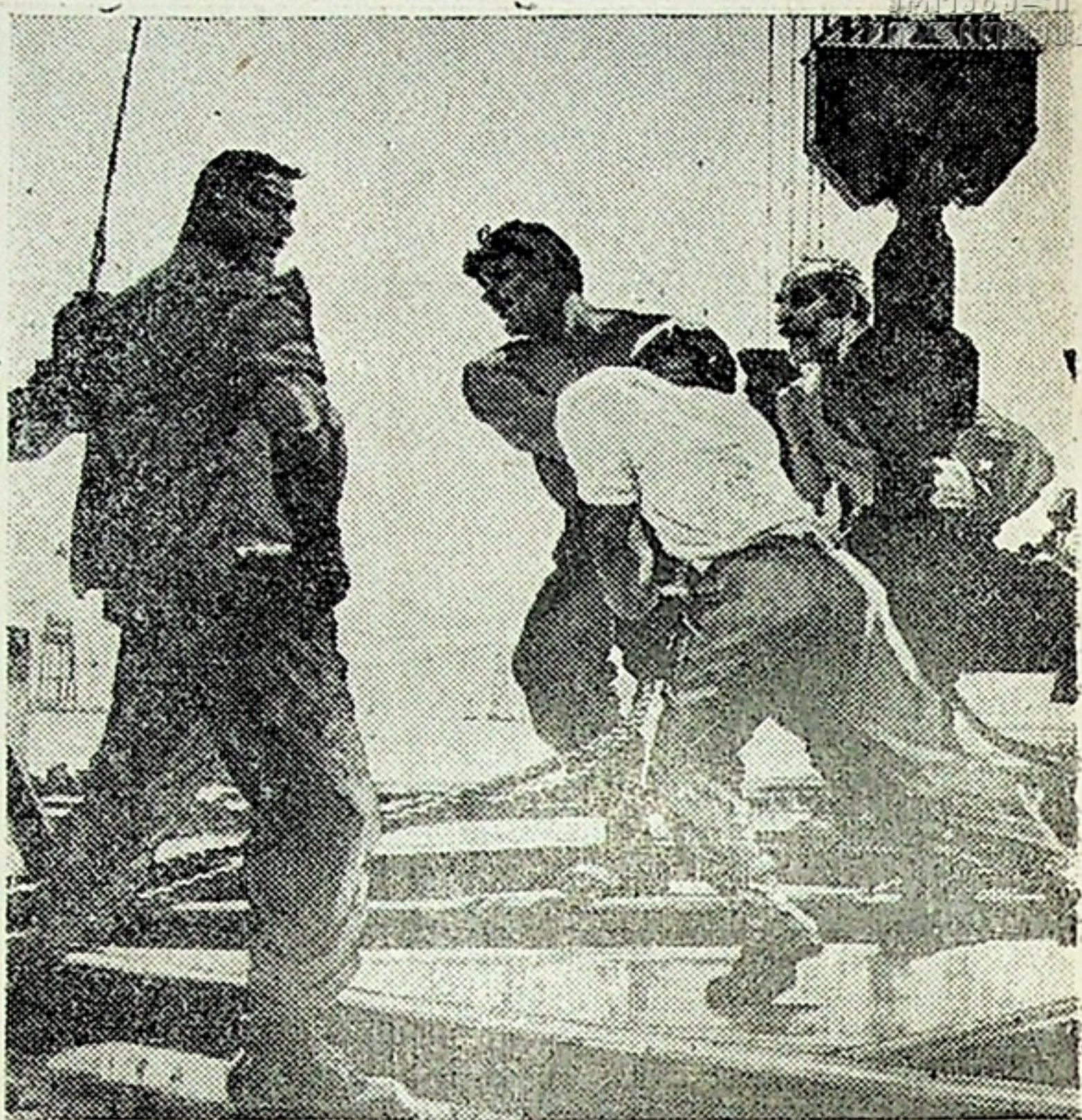
ли пейзажи. В свою очередь грузинские скульпторы и живописцы участвовали в мероприятиях, проводимых в Азербайджане в связи с юбилеями Низами и Ахундова.

В тбилисской Академии художеств учились наши ныне активно работающие художники и скульпторы Д. Карягды, Э. Гусейнов, Б. Маратлы, С. Агаева и другие.

Особенно укрепилась творческие связи наших коллективов за последние годы. В Тбилиси и Баку проводятся обменные выставки, конференции, дискуссии. Летом 1960 года в столице Грузии с успехом прошла большая выставка изобразительного искусства Азербайджана. Весною 1962 года грузинские художники продемонстрировали свои достижения в Баку.

В том же году группа азербайджанских художников приезжала в Грузию. Наши художники побывали на предприятиях Тбилиси, Кутаиси, Рустави, встретились с тружениками грузинского села, работали над портретами и пейзажами.

Трудящиеся Тбилиси ознакомились на персональных выставках с творчеством пейзажиста С. Бахлулзаде, с картинами и пейзажами С. Саламзаде, посвященными

М. Абдуллаев. Бакинцы

арабским странам. В Баку же показала свои работы Елена Ахвледиани.

Можно не сомневаться, что в будущем творческие связи наших двух республик будут развиваться еще лучше, и это послужит дальнейшему укреплению дружбы, а также росту мастерства художников Грузии и Азербайджана.

Гасан СЕИДБЕЙЛИ

Писатель и кино

Минувший год ознаменовался рядом крупных событий в области нашей идеологической работы — событий, имеющих неограниченное значение для дальнейшего развития всей художественной культуры Страны Советов в период строительства коммунизма.

Состоявшиеся в прошлом году памятные встречи и беседы руководителей партии и правительства с деятелями культуры, а также июньский Пленум ЦК КПСС, целиком посвященный вопросам идеологии, нацелили нас, работников литературы и искусства, на выполнение важнейших задач, связанных с воспитанием наших людей в духе коммунистической морали.

Как радостное явление отмечался необычайно широкий приток в кино новых сил, рост талантливых молодых творческих кадров, которые заявили о себе первыми яркими фильмами. Говорилось о том, что расширился в наших фильмах круг изображаемых явлений жизни, круг тем, сюжетов, образов, богаче стала палитра нашего киноискусства, быстрее совершенствуется его техника.

Как же обстоят в этом отношении дела у нас, в киноискусстве Азербайджана?

* * *

Как известно, в период «малюкартинья» особенно страдали национальные студии. И то, что в масштабе кинематографии всего Советского Союза называлось «малюкартиньем», для национальных студий, в том числе для нашей, азербайджанской, кинематографии, практически означало «бескартинье». Проще говоря, фильмы не снимались. А это значит, прежде всего, что писатели рес-

публики не привлекались к созданию произведений кинодраматургии. Как известно, писатели Азербайджана считаются одним из талантливых отрядов в большой семье писателей нашей страны. Из их среды можно было бы выявить и воспитать интересных, самобытных кинодраматургов, чьи произведения легли бы в основу хороших, талантливых фильмов.

Это, конечно, не единственно возможный путь создания кадров кинодраматургов; кинодраматурги — это писатели особого, сложнейшего жанра. Бывает и так, что они начинают свой путь с создания именно кинематографических произведений и этому посвящают весь свой творческий путь. Однако, коль скоро произведения кинематографии не создавались, не росли и кадры кинодраматургов. А это, в свою очередь, пагубно отражалось на росте наших кинорежиссеров, долгие годы простаивавших, в лучшем случае, монтировавших хроникальные сюжеты или изредка снимавших киноочерки.

К числу почти невозвратимых потерь относится и то, что большой и сложный, полный противоречий период жизни нашей республики прошел мимо экрана, не был запечатлен в летописи художественной кинематографии.

Режиссеры, отдавшие лучшие годы, молодость любимому искусству, были вынуждены долгое время молчать. А это значит, что творческий рост их остановился, они постепенно дисквалифицировались. Естественно также, что когда после долголетнего простоя они получали в руки какой-нибудь сценарий, то чувствовали неуверенность, можно сказать, растерянность, точно так же, как ее испытал бы даже самый искусный музыкант, которого лишили возможности

играть в течение многих лет, а потом неожиданно вернули бы ему скрипку. Пальцы одеревенели, слух притупился. Былая виртуозность исчезла, и нужно много времени, большая воля художника, чтобы восстановить все эти потери. Но у кино к тому же еще более жесткие законы времени, чем у других видов искусства. Фильм запущен, счетчик заработал — будь любезен, дай полезный метраж. От тебя зависит план предприятия, зарплата всего коллектива. Ты не можешь, как скрипач, сидеть и твердить экзерсисы, пока восстановится гибкость твоих пальцев.

Не случайно поэтому некоторые из запущенных фильмов не завершались. Это травмировало не только режиссеров, осмелившихся вновь пробовать свои силы в кино, но и писателей, отважившихся работать для кинематографа. Естественно, они больше не желали писать для кино. Не разобравшись порой в истинных, глубинных причинах этих неудач, писатели и режиссеры склонны были обвинять в них друг друга.

Это был период, когда во всей нашей кинематографии режиссеры сваливали вину за царивший застой на писателей и кинодраматургов, а те, в свою очередь, обвиняли режиссеров. Нездоровый спор рождал нездоровые, дутые проблемы — кто главнее в кинематографе, режиссер или кинодраматург? Почему называют фильм такого-то режиссера, а не кинодраматурга, писателя!

Давайте вспомним времена первого расцвета советской кинематографии. Один за другим появлялись на экране «Броненосец Потемкин», «Потомок Чингис-хана», «Элисо», «Чапаев», «Щорс», «Трилогия о Максиме», «Кянтлияр» («Крестьянин» — бакинской киностудии), «Мы из Кронштадта», «Член правительства», «Окраина», «Депутат Балтики», «Волга-Волга», «Трактористы» — и так далее! И никто из создателей этих фильмов, вошедших в золотой фонд нашего киноискусства, не задумывался, кто из них главнее. Была полная согласованность, появлялись новые, самобытные режиссеры, приходили в кинематографию талантливые писатели, и кинодраматургия становилась самостоятельным, полнокровным жанром советского искусства.

Думается, что спор о приоритете, о первородстве режиссера или кинодраматурга является в большой степени зловещим симптомом застоя или неполадок в кинематографии. Не потому ли и теперь иногда раздаются недобрые взаимные упреки — они раздавались, к сожалению, и на VII Пленуме Оргкомитета Союза работников кинематографии СССР.

В первые годы после Отечественной войны на нашу бакинскую киностудию

пришло несколько молодых режиссеров, операторов и художников, в том числе и автор этих строк. Но так как и наш приход совпал с периодом «бескартинья», полного хаоса и грубого администрирования со стороны отдельных лиц, ныне справедливо осужденных нашей ленинской партией, то и мы, вновь прибывшие, не смогли в полную силу выявить свои способности. Долгое время не могли снимать фильмы такие способные операторы, как Ариф Нариманбеков, Хан Бабаев, Тейюб Ахундов, Расим Оджагов, сценарист Эдхем Кулибеков, художники Эльбек Рзакулиев, Кямилль Наджафзаде, Мамед Гусейнов, Надир Зейналов, Джабраил Азимов.

Фильмы, созданные ими, были не вполне профессиональными, драматургическая основа — робкая, в чем-то трафаретная, но в них уже пробивались искры таланта. Эти фильмы оказались неплохой заявкой на то, что молодые кинематографисты смогут в скором будущем создать полноценные произведения киноискусства.

Как известно, под маркой киностудии «Азербайджан-фильм» за последнее десятилетие появились кинокартины, о которых стали говорить как о серьезных достижениях не только нашей национальной, но и всей советской кинематографии. Это фильмы «Двое из одного квартала», «На дальних берегах», «Мачеха», «Я буду танцевать» и другие. Этими фильмами коллектив студии «Азербайджан-фильм» смог доказать, что он в состоянии создавать произведения интересные, отвечающие высоким требованиям зрителя. Этими фильмами коллектив нашей студии завоевал определенные кинематографические высоты. Но, как говорится, высоты недостаточно завоевывать, их надо уметь удерживать, чтобы иметь возможность подниматься дальше, к новым высотам!

Кроме того, как известно, кинодраматургия не может по-настоящему развиваться, крепнуть и мужать, если постоянно не будут создаваться оригинальные сценарии. А у нас, если взглянуть на список фильмов, вышедших за последнее десятилетие, в основном, за редким исключением, они носят характер экранизации или сняты по мотивам эпосов и легенд. «Аршин мал алан», «На дальних берегах», «Не та, так эта», «Телефонистка», «Утро», «Черные скалы», «Великая опора», «Кер-Оглы», «Сказание о любви». Готовятся к съемкам «Красавицей я не была» по повести Байрама Байрамова, «Строители моста» по повести Ильяса Эфендиева, «Непокоренный батальон» по роману Гылмана Мусаева и другие.

Никто не оспаривает важности экранизаций наших лучших произведений. Мы и в дальнейшем будем экранизиро-

вать талантливые романы и повести как наших современных писателей, так и классиков. Но, как я уже сказал, пока кинодраматургия не будет развиваться самостоятельно, пока не будет создана оригинальная кинолитература, наше кино вынуждено развиваться медленно и пассивно.

За последнее время снимались и фильмы на основе оригинальных сценариев. Но так как кроме Имрана Касумова все остальные наши уважаемые писатели занимались кинодраматургией с большими перерывами, их работа в кино носила случайный характер.

Отсутствие постоянных кинодраматургов в нашей национальной кинематографии приводит еще к тому, что, как на мой взгляд, очень точно сказал недавно на заседании правления нашего Союза Мехти Гусейн, мы часто в наших фильмах не становимся первооткрывателями, и наши фильмы — по своей тематике, морали, по тому кругу образов, которыми они оперируют, оказываются третьими или четвертыми после фильмов, уже вышедших на экран и несущих очень уж родственные мысли и сюжеты.

Безусловно высокой оценки заслуживает большой и яркий вклад в наше кино талантливого писателя Энвера Мамедханлы. Речь идет о его сценарии «Лейли и Меджнун», где автор предельно самобытным языком сумел рассказать поэму о немеркнущей любви Лейли и Меджнуна. Сколько человечности, какой высокий гуманизм! И как по-современному заставил он звучать древнюю легенду! Поэтический язык, своеобразие письма Энвера Мамедханлы требовало, конечно, более внимательного отношения к его произведению, более глубинных поисков, связанных с режиссерским воплощением его замысла. Но не совсем верный тон, взятый при режиссерской разработке и съемках, не совсем точный подбор актерского ансамбля обеднили это талантливое произведение, во многом лишив его тех ярких красок, той глубины, которыми оно было богато, так сказать, в первоисточнике. Это в какой-то мере обескураживает и самого автора. Но Энвер Мамедханлы — писатель уже сложившийся, художник большого диапазона, и мы верим — он не уступит своих творческих позиций в кинодраматургии; мы рады, что он в последнее время активно работает в этой области не только как кинодраматург, но и как активный деятель нашей кинематографической общественности, член худсовета и правления нашего Союза.

Несколько слов о творчестве ветерана нашей кинодраматургии — Имрана Касумова, большого знатока кинемато-

графа, немало сделавшего для развития нашей кинематографии. Если просматривать летопись нашей киножизни, то имя Имрана Касумова мы встретим на многих замечательных документальных полотнах, киноочерках, короткометражках и художественных фильмах. Стоит взглянуть на все это, чтобы убедиться, насколько активно участвует этот человек в жизни нашего кино.

Как отрадное явление хочется отметить последнюю работу Имрана Касумова, его сценарий «Человек бросает якорь», в которой он сумел в какой-то мере преодолеть собственную инерцию и найти более локальное решение темы, позволяющее ему пристально следить за развитием ооразца, более четко вычерчивать сюжет. В этом произведении уже меньше тех промахов, которые были свойственны его предыдущим работам в области художественной кинодраматургии. Мы верим в талант Имрана Касумова и многого от него ждем — ибо знаем его как человека, активно вторгающегося во все области нашей жизни, стремящегося к большому охвату жизненного материала, к смелому обобщению — а все эти качества как раз и необходимы для настоящего писателя кино.

В области кино немало сделал уже и один из наших талантливых писателей-комедиографов Сабит Рахман. Можно сказать, что на всем земном шаре посмотрели фильм «Аршин мал алан», экранизированный им. Его перу принадлежит так же экранизация музыкальной комедии «Не та — так эта», героического эпоса «Кёр-Оглы». Но вот Сабит Рахман решил, наконец, написать оригинальный сценарий кинокомедии «Где Ахмед?» Это — светлая, написанная, конечно, с юмором, присущим Сабиту Рахману, комедия. Но как это ни парадоксально, именно здесь Сабит Рахман почувствовал себя не совсем уверенным, и потому сценарий получился словно написанный пунктирами, а не отчетливыми, ясными, законченными линиями. В чем же это выражается?

Идея этого произведения не раз была затронута в нашей кинодраматургии — это борьба против пережитков, касающихся вопросов любви, семьи.

Сумел ли Сабит Рахман по-новому рассказать о тех героях, с которыми он нас знакомит? На мой взгляд, сумел, но лишь частично. И тут как раз напрашивается сравнение с недопроявленным негативом. Кое-что угадывается, кое-что пропадает, а в общем все это приблизительно. Смеяться «приблизительно» — трудно, поэтому получается натяжка. Материал, фон выбраны правильно, интересно, и герои как будто бы современные — строители, наши сегодняшние, хорошие люди. И там, где это

дано выпукло — смеешься и радуешься от души удаче автора. Но есть в кинодраматургии незыблемый закон — в комедии, так же, как, например, и в психологическом детективе — сюжетные линии должны быть вычерчены особенно четко, поступки героев должны быть железно замотивированы (разумеется, в пределах жанра!). А недоверие, неубедительность, если они закрадываются хотя бы в одном-двух местах, могут свести на нет все остальные усилия автора, поставить под сомнение художественную достоверность всей ткани произведения. В сценарии «Где Ахмед?» просчеты подобного рода — чисто драматургические, кинопрофессиональные — имеются, и они, безусловно, не могли не создать затруднений для работы режиссера, актеров, для экранного воплощения вещи. Это значит, что редкий и острый талант Сабит Рахмана — комедиографа, прекрасно раскрывшийся в театральном искусстве, еще не в полную силу раскрылся для кино. Но это не означает, что он не раскроется, не обрадует миллионы зрителей яркими, жизнерадостными комедийными лентами. Для этого у Сабит Рахмана имеются все данные, он находится в расцвете своих творческих сил, и, мы надеемся, его писательская наблюдательность подскажет ему сюжеты новых кинокомедий.

В области кинодраматургии выступает иногда и такой маститый писатель, как Мехти Гусейн. Но кинодраматургия, к сожалению, до сих пор не стала одной из основных сторон его творчества. Ибо он пишет для нас редко. Хотя на счету у него уже несколько фильмов, и он обратился в них не только к монументальной исторической эпопее, но и к остро-современному материалу, мы уверены, что такой большой и оригинальный мастер, как он, мог бы дать нашему кино неизмеримо больше. Причем не только в отношении количества сделанных фильмов, но и в смысле полноты и неповторимости их идейно-художественного звучания.

Многие наши писатели в последнее время пробуют свои силы в кинодраматургии. Может быть, это мое, чисто субъективное мнение, но мне кажется, что успешнее это получается у тех писателей, чья проза по своему характеру — сюжетной остроте, зримости деталей, афористичности диалогов — близка к кинематографу. К таким писателям относятся Мирза Ибрагимов, Гылман Мусаев, Иса Гусейнов, Анар и другие.

Но все же остаются промахи, характерные для многих из нас, — некоторая приблизительность, подчас непрофессиональность, одним словом, половинчатость; создается впечатление, что автор не может переступить некую грань, не хочет расстаться с уже полюбившими-

ся ему законами творчества и принять полностью законы, действующие при создании произведения кинодраматургии. Может быть, поэтому и нет той цельности, полнокровности, монолитности кинопроизведения. А ведь промахи ослабляют воздействие наших фильмов на зрителя, стало быть, снижают их идейную ценность. Подчас эта незавершенность, схематизм вызывают реакцию, совершенно обратную тому, к чему честно стремятся авторы. Но честность — это еще не профессия. Стало быть, мы должны еще лучше овладеть трудной профессией кинодраматурга.

Как это ни парадоксально, многие большие промахи нашей кинодраматургии идут от недостаточно глубокого освоения жизненного материала, именно той области, к которой обращается писатель. Я говорю «парадоксально» не потому, конечно, что претендую на открытие того общезвестного факта, что для написания полноценного произведения надо глубоко изучить жизненный материал, связанный с этим произведением. Об этом говорилось уже много, давно — с самых древних времен. А парадоксально потому, что это приходится говорить в применении к писателям, литераторам, давно познавшим эту истину и, как правило, руководствующимся ею при создании своих романов, повестей и т. д. Но когда некоторые из нас берутся за сценарий, у нас происходит своеобразная абберрация зрения, обман зрения. Нам ясно, что для толстого романа и даже для не очень толстой повести необходимо глубоко, тщательно изучить и проанализировать тот пласт современной жизни или истории, который ляжет в основу произведения. А нужно ли этим столь тщательно заниматься для сценария — ведь в нем всего только 80-90 страничек на машинке! Может быть, я несколько преувеличиваю, чуть-чуть огрубляю, но в общем, мне кажется, такой взгляд еще бытует среди писателей. И он мстит творчеству кинодраматурга — появляются та приблизительность, «недопроявленность», провалы, которые в первую голову говорят об отсутствии настоящего, а не ремесленного профессионализма. Ибо профессия кинодраматурга — это прежде всего умение взять огромный материал жизни и спрессовать его так компактно, действенно и образно, чтобы в скупых строках сценария (и не только в строках, но и между ними) вставала сама жизнь во всей ее глубине, многообразии, сложности и неповторимости! Вспомните хотя бы фильмы Чаплина! Жизнь, которую он рисует, необыкновенно достоверна, правдива.

А Максим! Как естественно, полнокровно возрождался он из фильма в фильм! И мы бы не удивились, если

бы он вдруг и теперь появился на экране, в нашем Сегодня—мы даже знаем, как бы он посмотрел на это Сегодня, что сказал бы, как оценил явления!

Или Бывалов. Он обладает той же высшей реальностью своего существования, свойственной большим произведениям искусства. Не случайно Бывалов стал нарицательным лицом. Ибо в искусстве вообще, а, на мой взгляд, в кинематографе особенно,—незначительных явлений или образов нет, и мелкотемье возникает порой не от масштаба кинополотна. Можно обратиться к громоздкой эпопее, накрутить тысячу мест действия, выводить крупных должностных лиц и все-таки не уйти от этого зловещего призрака — мелкотемья! И можно взять маленькое, казалось бы, незначительное явление, но рассказать о нем с такой достоверностью, с таким философским обобщением, идущим от глубокого знания материала, человека, что оно-то и станет той каплей росы, которая отразит в себе весь многокрасочный мир!

Можно было бы найти немало таких фильмов и среди наших картин, и среди зарубежных — итальянских, французских, братских социалистических стран. Но важно отметить другое — что не только ни один из значительных фильмов, но даже сценарий яркого, настоящего кинопроизведения не может, по моему глубокому убеждению, появиться без участия, без горячей заинтересованности кинорежиссуры. Это не значит вовсе, что режиссеры должны быть обязательно соавторами во всех сценариях — хотя, может быть, это иногда бывает и закономерно. Но нельзя себе представить и того, что работа режиссера начинается с момента, когда сценарий положен на стол и подписан всеми инстанциями. Сердце режиссера должно биться рядом с сердцем писателя уже тогда, когда рождается еще замысел будущего фильма, режиссер должен нести в себе тему, искать ее, искать своего автора — иногда даже заражать автора ею, быть беспокойным, страстным поборником рождения литературного сценария — а, стало быть, и полноценного фильма. И потому во всех удачах и неудачах, о которых я говорил сейчас применительно к нашей национальной кинодраматургии, в равной степени — именно в равной, а не в большей или меньшей! — повинна и наша национальная кинорежиссура.

Я уже говорил, что среди наших режиссеров есть и такие, которые не пассивно ждут, пока им преподнесут сценарий, а ищут себе автора, внушают ему интерес к своей теме, доводят до завершения литературный сценарий — и у них получаются неплохие фильмы!

Таковы Тофик Тагизаде, покойный Ля-тиф Сафаров, Абиб Исмаилов, Гусейн Сеидзаде.

В последнее время заметно активизировался Атамалибеков, занятый интересными поисками: ведет переговоры с авторами, работает с Ильясом Эфендиевым, думает о своих планах на будущее.

С творческими замыслами приходит в Союз вечно взволнованный, беспокойный ветеран нашего кино Агарза Кулиев.

Нас радует это заметное оживление, но мне хочется, чтобы оно было более действенным, целенаправленным, так сказать, чреватым положительными результатами.

В шутку или всерьез, Тофика Тагизаде называют у нас режиссером номер один, это в большой мере соответствует истине. Сравнительно за короткое время, благодаря своей инициативе, энергии и поддержке коллектива — а его в коллективе любят, — он создал пять художественных фильмов. И у него были срывы. Но у нас считают Тофика удачливым режиссером. И на самом деле это так. Большинство снятых им картин входит в фонд лучших наших лент. Но мне хочется коротко остановиться на его последнем фильме «Я буду танцевать». Как известно, сценарий его уже был почти отвергнут и, образно выражаясь, считался мертворожденным ребенком. Но благодаря своему неиссякаемому темпераменту, энергии Тофик Тагизаде сумел зажечь автора и настолько глубоко вторгся в материал, что сам стал соавтором — вместе с ним сумел вдохнуть жизнь в этого мертворожденного ребенка — и в результате получился хороший фильм!

Сейчас Тофик Тагизаде совместно с Мухтаром Дадашевым работает над созданием широкоэкранного цветного фильма «Аршин мал алан». Мы верим, что эти два самобитных художника сумеют по-новому рассказать эту замечательную, любимую народом и вечно живую историю о двух сердцах, борющихся за право на свою любовь.

Ценными творческими качествами обладает Абиб Исмаилов, накопивший большой режиссерский опыт еще в период своей работы в театре, на дубляже фильмов и недавно перешедший в художественную кинематографию. Одна из особенностей его таланта — чувство зала, умение овладеть эмоциями зрителей. Это редкое и завидное качество Абиб Исмаилов продолжает развивать и совершенствовать, и два фильма, поставленные им, — «Мачеха» и «Великая опора» — подтверждение тому. Однако Абиб Исмаилов «грешит» общим нашим режиссерским грехом — забвением второго плана. Ибо среда, атмосфера наших фильмов подчас не-

сит характер некоего кинематографически чистого вакуума, люди второго плана оказываются безликими, детали атмосферы слабо проработаны.

Совсем недавно из театра в кино перешел народный артист Союза ССР Адиль Искандеров; он уже успел снять свой первый фильм «Где Ахмед?» Как я уже говорил, некоторые недостатки, идущие от сценария, создавали для режиссера большие затруднения. Но он умеет видеть главное, умеет нацеливать на это главное, умеет найти хорошее в творчестве своих товарищей и правильно направить их. Во всех этих качествах сказывается тонкий вкус художника, его доброе сердце. Пожелаем ему и в кино высказаться в полную силу своего творческого темперамента, своего вкуса и своей эрудиции.

Долго молчал в кинематографии любимец нашего коллектива Шамиль Махмудбеков. Он согласился взяться за постановку «Ромео — мой сосед», музыкальной комедии с замечательной музыкой Рауфа Гаджиева и во многом уступающей этой музыке несколько рыхлой сюжетной основой.

Заметно активизировалась в создании короткометражных фильмов режиссер Зейнаб Кязимова. Особенно порадовала она нас своим последним филь-

мом о милиции. Наконец-то ^{сказался} ее темперамент: фильм — увлекательный живой рассказ о каждой ^{текущей} работе нашей милиции, о незримом фронте, богатом событиями, интересными фактами и незаметными подвигами скромных людей в синих шинелях. Фильм снят и смонтирован в хорошем темпе, смотрится легко. На мой взгляд, Зейнаб Кязимова — это единственный режиссер-женщина в нашем коллективе — должна продолжать работу в области кинопублицистики.

* * *

Если внимательно проанализировать работу Пленума, нельзя не заметить, что одной из острейших проблем, поднятых на нем, — можно сказать, главной проблемой, — была проблема личной ответственности каждого художника за те произведения, которые он создает. А так как у истоков рождения кинофильма стоят его авторы — кинодраматург и кинорежиссер, то я и остановился в основном на вопросе о состоянии сегодняшней кинодраматургии и кинорежиссуры Азербайджана и, в частности, на вопросе участия писателя в кино.

Друзья о рузьях

Иосиф НОНЕШВИЛИ

Слово о собрате по перу

В богатой и многообразной современной азербайджанской поэзии за последние годы окреп и зазвучал в полную силу голос замечательного поэта Наби Хазри.

Сейчас он один из самых популярных поэтов Азербайджана. Его стихи переводятся на песни, их читают наизусть нефтяники Каспия и бакинские студенты, ленкоранские садоводы и карабахские чабаны.

Поэзия Наби Хазри привлекает своим волнующим патриотизмом, безграничной любовью к Родине, к своему народу. Но поэтическое видение Наби Хазри выходит далеко за пределы республики, его стихи проникнуты духом интернационализма. Именно потому, что он умеет слушать голос родной земли, понимать думы своего народа, такими понятными и близкими ему становятся и строитель с Урала, и сталевар Рустави, и многие из тех, с кем свели его дальние дороги за пределами нашей страны.

Поэзия Наби Хазри — это лирика высоких чувств, большого поэтического накала. А сколько в ней искренности, непосредственности! Как широк диапазон ее тем!

Я знаю, с какой любовью и сердечностью Наби Хазри относится к грузинской поэзии. И потому он мне особенно дорог. Для меня каждая встреча с ним — новый луч, озаряющий мне окружающий мир и мою родную Грузию.

Всякий раз, когда мне приходится бывать в Рустави, у меня невольно в памяти начинают звучать строки из стихотворения Наби Хазри «Грузинским братьям»:

Дружба у нас закалилась,
Как сталь на заводах Рустави,
Она светла, как грядущее
Мингечаурской земли!

У меня с Наби Хазри много общих дум, общих тем, одинаковых привязанностей и точек зрения. Я не стану перечислять все, чем дорога нам наша дружба. Но я не могу не сознаться в том, что нами, пожалуй, в одинаковой степе-

Наби Хазри, поэт.

ни владеет страсть к путешествиям, к встрече с неведомым... И каждый раз вместе с этим «недугом» ко мне приходят и томят меня любимые, всегда зовущие в путь строки Наби Хазри:

Говорят, что
Разъезжаю слишком много.
«Слишком мало!» —
Я в ответ им говорю.
Сотни,
тысячи дорог —
моя дорога —
а иначе,
я на жизнь
и не смотрю.

Наби Хазри часто бывает в Грузии. И в каждый свой приезд он находит все

новые и новые поводы для восхищения нашей родной землей. А делает он это как настоящий поэт — увлеченно, восторженно, взволнованно. После отъезда друга я всегда с нетерпением жду его новых стихов о Грузии. И мои ожидания меня не обманывают. Эти стихи радуют, волнуют и всегда вызывают желание перевести их на грузинский язык. Многие стихи Наби Хазри уже зазвучали на моем родном языке: совсем недавно вышла книжка стихов Наби Хазри, переведенных на грузинский язык.

Я очень признателен «Литературной Грузии» за предоставленную мне приятную возможность поделиться мыслями о моем собрате по перу и большом друге Наби Хазри.

Давид ТОРАДЗЕ

Гордость советской музыки

Молодая музыкальная культура братских республик Закавказья уже с 30-х годов переживает бурный рост, в результате которого складывается прочная основа новых достижений для большой многонациональной социалистической культуры.

Этому в немалой степени способствовали консерватории Москвы и Ленинграда, русская музыкальная педагогическая и творческая школа, на великих традициях которой воспитывались и продолжают воспитываться поколения музыкантов, чье творчество тесно связано с развитием современных национальных культур, с великой музыкальной культурой Советского Союза.

Сейчас во всем мире идет острая «рукопашная» схватка двух идеологий, с особой серьезностью ставится вопрос о том, что искусство должно служить народу, его благородным целям и интересам. Деятели музыкального искусства Закавказья, верные своим творческим позициям, глубоко преданные социалистическому реализму, горды тем, что их творчество служит одним из сильных оружий в борьбе между социалистической и буржуазной идеологиями.

Все более активным, смелым, новаторским становится отношение наших закавказских композиторов к фольклору. На основе народных мелодий и гармонии была создана блестящая национальная школа советских композиторов. Новый, современный подход к использованию музыкального фольклора помог азербайджанской, армянской и грузинской музыке проявить все самые ценные качества.

Новая советская музыка завоевывает все большую и большую популярность во всем мире благодаря тому, что основополагающим фундаментом ее является высокая идейность в сочетании с тысячелетними народными мелодикой, ритмом и гармонией, с прекрасными, прошедшими все испытания, народными песнями.

В основных фондах древнейшей азербайджанской, грузинской, армянской классической песни собраны почти все главные элементы, которые являются достижением современной мировой музыкальной культуры: сложнейший гармонический язык, многообразие новой ритмики, многокрасочность фактуры, сложное многоголосье, на редкость естественная, но яркая полифоничность и, что самое важное, поразительное разнообразие образов и характеров. Такое ценное наследие восприняли от своих народов З. Палиашвили, У. Гаджибеков, А. Спендиаров и последующие за ними поколения композиторов.

Все это способствовало тому, что в довольно короткий срок была создана советская азербайджанская, армянская и грузинская музыкальная классика.

Выдвижение на первый план национальных черт и обобщение их при помощи новых музыкальных средств является естественным и закономерным процессом, результаты которого служат фундаментом мировой музыкальной культуры; они составляют основу и советской музыки, которую закладывали такие выдающиеся композиторы современности, как С. Прокофьев, А. Хачатурян, Д. Шостакович, Кара Караев, А. Баланчивадзе, А. Мача-

Т. Салахов. Кара Караев

вариани, Ф. Амиров, С. Цинцадзе, Э. Мирзоян, О. Тактакишвили, А. Арутюнян, Дж. Гаджиев, Ш. Мшвелидзе, Ниязи и многие другие.

На протяжении последних двух десятков лет советская музыкальная культура заметно обогатилась достижениями азербайджанской музыки. Продолжая традиции классической народной азербайджанской музыки, наши высокоталантливые друзья — азербайджанские композиторы — создают свой особый, насыщенный современными качествами, оригинальный, новый азербайджанский музыкальный язык. Сейчас они привнесли в музыку новую национальную струю и, давно перешагнув границы своих национальных интересов, привлекли пристальное внимание музыкальных организаций мира.

Значительным достижением музыкальной культуры Советского Азербайджана следует считать то, что блестящие балеты выдающегося композитора Кара Караева «Семь красавиц» и «Тропой грома» были поставлены в Ленинградском театре оперы и балета имени С. Кирова, на сцене московского Большого театра, в Чехословакии, Германии, на многих советских и зарубежных сценах.

Балет «Тропой грома» сейчас вошел и в творческие планы Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили.

Симфонические и вокальные произведения Ф. Амирова с успехом исполняются как в Советском Союзе, так и за его пределами. Балет А. Меликова «Легенда о любви» ставится в Ленинграде.

Популярной стала симфоническая му-

зыка Дж. Гаджиева. В концертных программах как в Советском Союзе, так и в зарубежных странах, все чаще исполняются симфонические, камерные, вокально-инструментальные и эстрадные произведения Кара Караева, Ф. Амирова, Дж. Гаджиева, С. Гаджибекова, Т. Кулиева, Дж. Джангирова, Н. Рзаева, Х. Мирзазаде и других. Все то «новое» в творчестве азербайджанских советских композиторов, что мы перечислили выше, — будь то характерная мелодия или гармония, ритм или полифоничность и другие значительные музыкальные «находки», так поражающие современников, существовало и существует в азербайджанском народном творчестве, на традициях которого развивается ставшая значительной, достойной серьезного внимания новая музыкальная культура братского народа.

Мельзя не отметить ту большую заслугу, которая принадлежит народному артисту СССР Ниязи — замечательному советскому дирижеру и композитору, пропагандисту азербайджанского советского музыкального искусства. Его блестящая дирижерская интерпретация придала еще большего резонанса азербайджанской советской музыке.

...Вспоминаются счастливые, полные творческих радостей, веселые, до предела насыщенные прекрасные студенческие годы в Московской консерватории, которые я провел вместе с моими большими друзьями Кара Караевым и Джовдатом Гаджиевым.

Москва... 1940 год... Дмитровка. Общежитие Московской консерватории. Комната

№ 60. Студенческие заботы, развлечения, достижения и срывы. Общие интересы, стремление к новому, жаркие споры, студенческие «конфликты» и, что самое главное, дружба, любовь, тепло. Все это в студенческие годы пережито и пережито сообщами и потому особенно дорого каждому из нас. Потому-то память и хранит так бережно все, что связано с годами, проведенными в Московской консерватории вместе с Кара Караевым, Джовдатом Гаджиевым и другими друзьями.

А отдельные эпизоды нашей дружбы забыть невозможно.

Пора экзаменов. Все занимаются до самозабвения. Мне приходится особенно трудно. Каждый вечер с пяти часов вечера до двух ночи я играю в эстрадном оркестре ресторана. К счастью, Кара Караев был свободен от столь непроизводительной траты времени. Он сдает экзамены раньше и лучше меня. Видя мои затруднения, он часто в дни сессии заменял меня на работе (Кара Караев — великолепный пианист), давая мне возможность успешно сдавать экзамены. Фактически друг помог сохранить необходимую для меня работу, без которой я не мог бы учиться и жить в Москве.

И Кара Караев, и Гаджиев — люди удивительно скромные, отзывчивые, искренние, чуткие и преданные в дружбе, очень дисциплинированные в работе.

Студенческая дружба в Москве и творчески связала двух молодых очень талантливых композиторов. В результате совместного труда была создана первая азербайджанская опера на современную тему «Вэтен», за создание которой оба были удостоены Государственной премии.

Я счастлив, что мог наблюдать весь вдохновенный творческий процесс создания этого произведения, рождавшегося у меня на глазах, фактически я был соучастником этого яркого радостного творческого дебюта.

Появление каждого нового произведения

тогда еще совсем молодых композиторов было событием в консерватории. Гаджиев не раз побеждал на студенческих конкурсах. Его струнные квартеты заслужили всеобщее признание, и на конкурсе Московской консерватории ему была присуждена первая премия.

Мой дорогой друг, наверно, не забыл, как торжественно, под грузинское «Мравалжамнер» мы втроем вручили студенческий гонорар за этот квартет официанту ресторана, в котором я работал пианистом.

Всеобщее внимание привлекла к себе в консерватории и двойная fuga для большого симфонического оркестра Кара Караева.

Наделенный большим талантом, молодой композитор с самого начала проявил индивидуальную манеру письма, высокое мастерство, необыкновенное чувство формы, тонкий музыкальный вкус, поэтичность и, что самое главное, обостренное чутье в восприятии всего нового. Эти качества и легли в основу его большой творческой деятельности. Спустя некоторое время после окончания Московской консерватории Кара Караев и Дж. Гаджиев стали во главе музыкальной жизни талантливого азербайджанского народа, и знаменательно, что нынешние музыкальные достижения его находятся сегодня в авангарде всей советской музыкальной культуры.

Грузинский народ восторженно встретил недавние гастролы в Тбилиси азербайджанского театра оперы и балета имени Ахундова. В эти вечера с необычайной быстротой в нашем городе распространились прелестные азербайджанские мелодии.

Венцом гастролей талантливого коллектива были балеты Кара Караева.

С высокими музыкальными достоинствами и блестящей партитурой этих балетов слилось великолепное дирижерское мастерство Ниязи. Благодарный грузинский зритель стал свидетелем подлинного праздника азербайджанского искусства, всей советской музыкальной культуры.

Уча ДЖАПАРИДЗЕ,
народный художник СССР

Светлое, радостное искусство

Я, конечно, не буду оригинален, если скажу, что Микаил Абдуллаев художник очень талантливый. Об этом говорят все, кто знает его работы, и пишут все, кто занят исследованием его творчества. Но я считаю своим долгом повторить это еще раз, не скрывая своей

симпатии и дружеских чувств к этому необычайно интересному художнику и обаятельнейшему человеку.

Знакомство с живописью Абдуллаева опередило знакомство личное. И сразу же его искусство завоевало часть моего сердца. С тех пор я постоянно сле-

жу за художественными поисками Абдуллаева, за его творческим ростом.

Искусство Микаила Гусейновича — радостное, светлое. Художник воспринимает мир в блеске красок, всегда видит его радужным и прекрасным.

Абдуллаев — художник большой культуры, с очень тонким чутьем ко всему, что происходит в нашей действительности. Современники, их славный труд, их быт — вот основная тема творчества Абдуллаева. И все его произведения подкупают ярко выраженным национальным своеобразием. Его работам присущи остро развитое чувство цвета, психологизм, интересная форма.

Абдуллаев долго и плодотворно работал в области жанровой живописи, в послевоенные годы он проявил себя великолепным мастером портрета, большой успех сопутствовал его графическим работам. Но самое ценное все же не в широте диапазона его творчества, не в том, что его большой талант в одинаковой мере проявился в самых различных жанрах живописи и графики, а в том, что Абдуллаев — художник, постоянно ищущий, умеющий наблюдать действительность и отбирать в ней

самое яркое, колоритное, обладающий своеобразным видением мира.

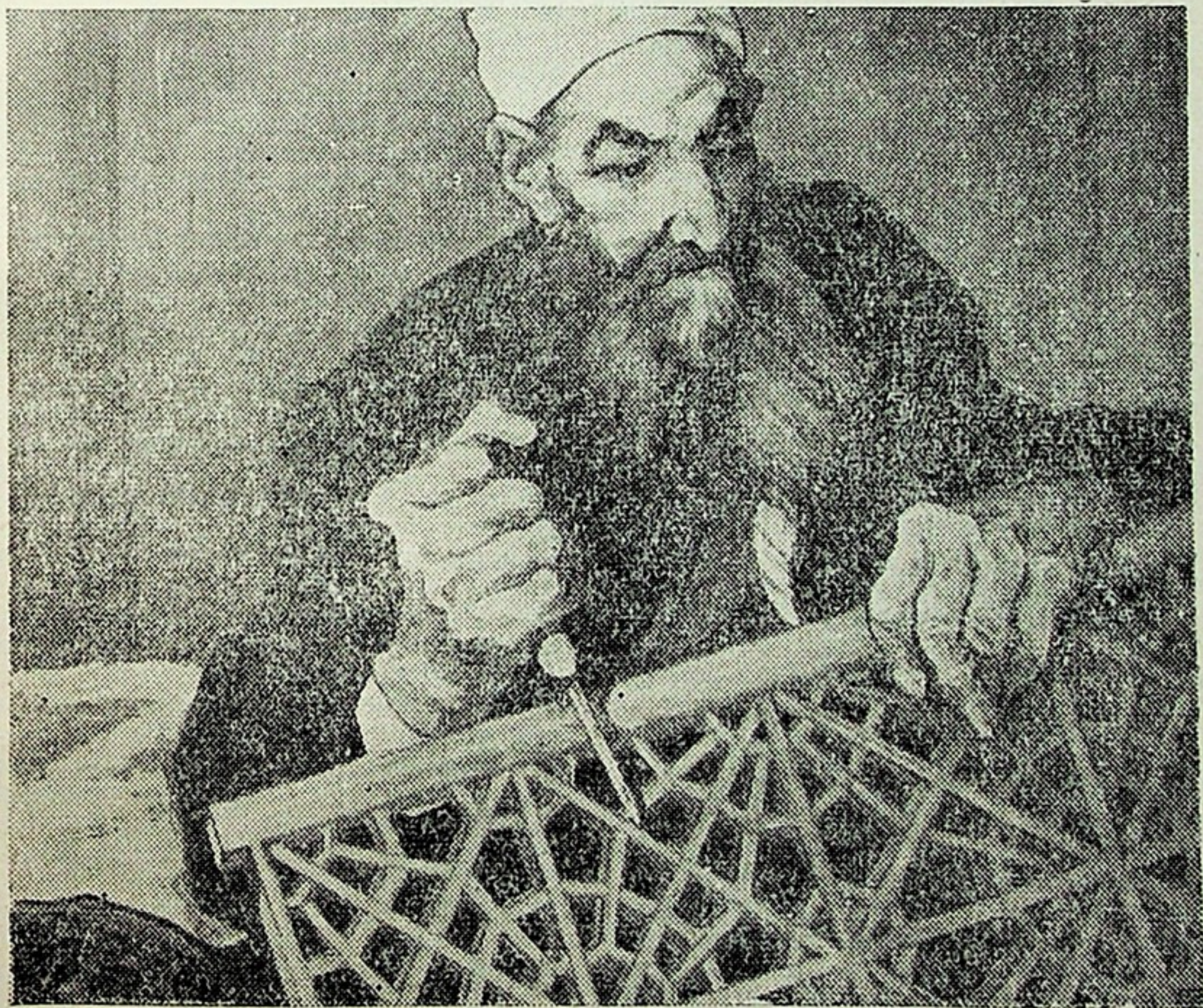
И еще нельзя не сказать о на редкость цельной натуре истинного художника. В его жизни не существуют сами по себе дела творческие, общественные, личные. Он художник во всем, чем бы он ни занимался, он художник — всегда, постоянно.

Я никогда не забуду, как однажды, во время одной из наших многочисленных встреч, мы шли с Микаилом Гусейновичем по улице нашего города и разговаривали о вещах довольно далеких от нашей творческой работы. И вдруг Абдуллаев внезапно прервал беседу, с восторгом воскликнул:

— Уча Малакиевич, вы только посмотрите, как удивительно освещена стена, обратите внимание, как ложатся тени.

И у стены небольшого невзрачного дома, мимо которого прошли тысячи людей, возникло взволнованное обсуждение уже чисто профессиональных вопросов.

Как одному из секретарей Союза художников СССР Микаилу Гусейновичу

М. Абдуллаев. Портрет мастера-резчика А. Бабаева

приходилось вести большую общественную работу, которой, в основном, он был связан с Закавказьем. В Тбилиси он бывал много раз, превосходно знает столицу Грузии и грузинских художников, посвящен в их творческие дела.

Много раз мне приходилось встречаться с Абдуллаевым и в Москве, и в Баку, и каждый раз меня подкупала его живая заинтересованность во всем, что касается творчества грузинских художников, искренняя радость за их успехи.

В последние годы Михаил Абдуллаев объездил множество стран мира, и, как отчеты об этих поездках, рождались одна за другой замечательные серии работ, основанные на впечатлениях от этих путешествий.

Я очень люблю книжку «Глазами бакинца», присланную мне художником год назад с очень теплой дарственной надписью, книжку, в которой интересные рисунки сочетаются с увлекательным литературным текстом — рассказом о поездке Абдуллаева по Италии в составе группы советских художников и искусствоведов.

В ней сполна проявилась огромная эрудиция Абдуллаева, его зоркость, умение заглянуть в самую суть явлений и смело делать интересные выводы.

Я стараюсь не упускать из виду ничего, что сделано рукой Абдуллаева, потому что для меня каждая встреча и с ним самим, и с его работами — радостное откровение.

Нина ЖВАНИЯ,
директор Тбилисской шелкоткацкой фабрики

Подруга моей комсомольской юности

Мне никогда не доводилось бывать в Баку, хотя этот город мне по-особому близок и дорог — там у меня много хороших и добрых друзей, а главное — в нем живет чудесная азербайджанская женщина Зулейха Сеидмамедова, с которой меня связывают глубокие чувства и волнующие воспоминания.

О нашей дружбе можно смело сказать, что она проверена и временем и испытаниями — это дружба нашей комсомольской юности.

На долю нашей юности выпали тяжелые годы войны. Тогда перед комсомольскими работниками страны стояли серьезные задачи, связанные с воспитанием подрастающего поколения. Пионеры и школьники Грузии, их трудовые будни, их досуг, их жизнь и интересы заставляли меня, секретаря ЦК комсомола по школам, ежеминутно решать трудные вопросы.

И именно в те дни пришла ко мне теплая человеческая поддержка из Азербайджана. Из Баку очень часто звонила мне моя соратница по комсомолу Зулейха Сеидмамедова, секретарь ЦК комсомола по школам Азербайджана. Она делилась со мной своими переживаниями и заботами. Мы советовались, обменивались опытом, удивлялись и радовались тому, что в нашей работе так много общего.

А встретились мы в Ереване, на

съезде комсомола Армении. Зулейха оказалась интереснейшим человеком. Она покорила меня своей волей, целеустремленностью, мужеством и человечностью.

Уже тогда у нее была полная интереснейших событий биография.

Зулейха Сеидмамедова — первая азербайджанская женщина, овладевшая мужественной профессией летчика (и это в те годы, когда некоторые женщины в Азербайджане еще нелегко расставались с чадрой), проявившая необыкновенную стойкость в воздушных боях с фашистами, когда ей один на один доводилось сражаться с вражескими самолетами и выходить из этих сражений победительницей.

В ЦК комсомола Азербайджана Сеидмамедова пришла с наградами за боевые заслуги. Недюжинный характер, богатый жизненный опыт заставлял людей зрелых и бывалых доверять ей, тогда еще совсем молодой девушке. А у молодежи она была подлинным вожаком.

В 1948 году мы с Зулейхой были посланы от Закавказья на конференцию молодежи стран Юго-Восточной Азии в Калькутте. Нам, представителям Советского Союза, приходилось делать все возможное, чтобы делегаты конференции и молодежь Индии как можно больше узнали о нашей стране, поняли и полюбили бы советский народ. Ночами сиде-

ли мы и вместе обдумывали каждое слово наших выступлений.

Я никогда не забуду, как страстно зазвучал с трибуны голос Зулейхи Сеидмамедовой — женщины нового Азербайджана. Она рассказывала о славных делах нашей Родины, о своих азербайджанских подругах, о своей судьбе. И тогда я подумала, что она сама, ее жизнь уже были лучшей пропагандой наших идей, нашего образа жизни.

Шли годы. Мы обе расстались с комсомольской работой. Были у каждой из

нас кроме радостей и огорчения, но неизменно дружба помогала преодолеть их.

Сейчас Зулейха Сеидмамедова на большой государственной работе, она министр социального обеспечения Азербайджана. Но и сегодня не утратила она своего молодого задора. Это я чувствую по ее письмам.

А о доброй славе, большом авторитете и всеобщем уважении, завоеванных Зулейхой Сеидмамедовой в Азербайджане, я знаю от очень многих моих друзей из Баку.

А. МЕНАГАРИШВИЛИ,
заслуженный деятель науки

Плоды научного содружества

В 1948 году я был направлен в Баку для ознакомления с опытом Джибраила Мухтаровича Гусейнова по использованию отработанного гумбрина в сельском хозяйстве. Д. М. Гусейнов работал тогда в Институте почвоведения и агрохимии Академии наук Азербайджанской ССР и с увлечением испытывал эффективность отходов нефтяной промышленности в сельском хозяйстве. Отработанный гумбрин, накапливающийся в огромных количествах на свалках при нефтеочистительных заводах Баку, содержит довольно высокий процент органических и питательных веществ для растений. Кроме того, это прекрасное мелиорирующее средство для поливных почв хлопководческой зоны Азербайджана, на которых это вещество дает наилучший эффект.

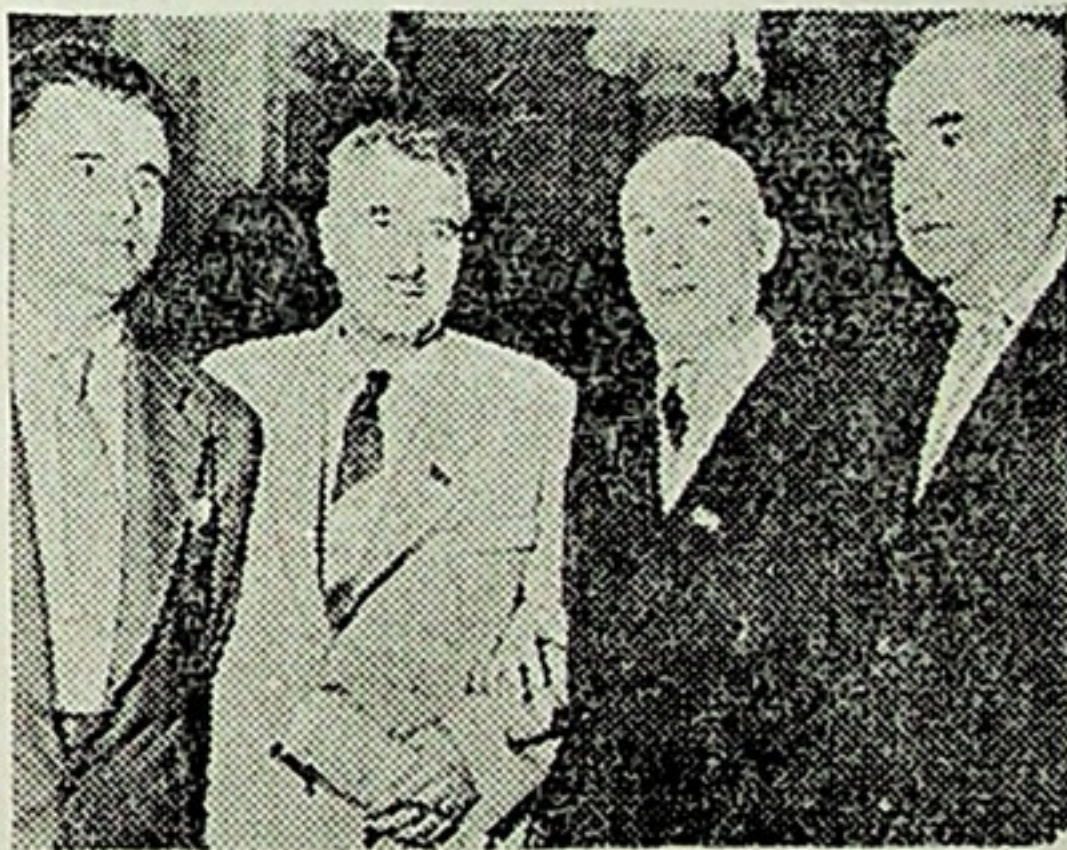
Все эти исследования Д. М. Гусейнова серьезно увлекли и меня. Вместе с азербайджанским ученым я тогда объехал и осмотрел все хлопковые районы Кура-Араксинской долины, колхозы и совхозы которой широко применяли отработанный гумбрин как удобрение. И везде, где нам тогда пришлось побывать — и в производственных условиях, и на опытных плантациях — эффект был необычный!

С этого времени в Институте почвоведения, агрохимии и мелиорации АН Грузинской ССР и началось изучение условий эффективности отработанного гумбрина.

Тесная научная связь, возникшая между мной и Д. М. Гусейновым еще в 1948 году, расширялась и углублялась благодаря ежегодному обмену опытом и

достижениями наших и азербайджанских исследователей. Официальным выражением этой связи явилось первое научное совещание агрохимиков Закавказья, созванное по инициативе Д. М. Гусейнова в Баку в конце 1951 года.

На этом совещании мне пришлось докладывать о результатах наших ис-

На снимке (слева направо): академики Д. Гусейнов, Г. Давтян, И. Саришвили, профессор А. Менагаришвили

следований с микроэлементами и сделать информацию об эффективности отработанного гумбрина в условиях Грузии.

Эти вопросы для ученых закавказских республик были тогда новыми, и участники совещания отнеслись к трудам Д. М. Гусейнова и нашего института с большой серьезностью и вниманием.

Тогда же был создан постоянный организационный комитет для созыва оче-

редных совещаний в республиках Закавказья, в который вошли из Азербайджана — Д. М. Гусейнов, из Армении — Г. С. Давтян, из Грузии — автор этих строк.

Закавказские совещания по сводке результатов агрохимических исследований, проводившихся в трех республиках, стали традиционными.

Каждая встреча с Д. М. Гусейновым была для меня очень ценной. Общаюсь с ним, я понял, как важно в науке быть не только ученым-исследователем, но и организатором научных работ, пропагандистом своих идей, каким и является Гусейнов.

Как-то в Баку Джигранл Мухтарович ознакомил меня со своими работами по испытанию выделенного им из отходов нефтяной промышленности ростового вещества, названного впоследствии нефтяным ростовым веществом (НРВ).

Передав мне два литра этого вещества, Д. М. Гусейнов посоветовал испытать его эффективность в условиях Грузии.

Эти опыты и исследования мы начали проводить с 1958 года, и они увенчались успехом — нефтяное ростовое вещество (НРВ) проявило свою положительную эффективность под всеми культурами. А уже в 1960 году на Всесоюзном совещании в Баку я докладывал о результатах испытания нефтяного ростового вещества у нас, в Грузии. На совещании было много сообщений из разных республик, краев и областей Советского Союза. И все характеризовали НРВ как вещество высокоэффективное, стимулирующее рост и развитие организмов растений, животных, птиц и гусениц тутового шелкопряда.

Интерес к НРВ особенно возрос после Совещания передовиков сельского хозяйства республик Закавказья в 1959 году, на котором Н. С. Хрущев предложил Министерству сельского хозяйства СССР широко пропагандировать опыт азербайджанских товарищей по использованию НРВ и заняться широким производственным испытанием его в сельском хозяйстве всей нашей страны.

В 1961 и 1962 годах НРВ по решению правительства было испытано во всех республиках. А в 1963 году только в Грузии оно было применено на семнадцати тысячах гектаров; план же 1964 года предусматривает применение НРВ более чем на тридцати тысячах гектаров.

Рассказывая о Джигранле Мухтаровиче Гусейнове, я вынужден обращаться к этим строгим документальным фактам, потому что с ними связана вся жизнь и деятельность этого замечательного ученого.

Я имел счастье проследить за биографией его научных работ с самого их зарождения и всегда с большим доверием относился ко всем его открытиям, с готовностью брался за претворение его идей в условиях нашей республики.

Гусейнов поражает меня не только своим огромным научным талантом, но и умением бороться за широкое распространение всего ценного, что удавалось добиться возглавляемому им коллективу.

И сейчас, после долгих лет научного содружества с Гусейновым я с радостью могу отметить, что оно увенчалось успехом, дало хорошие плоды и принесло мне, как ученому, колоссальное удовлетворение.

Но я не собираюсь пока подводить итоги нашей дружбы. Она продолжается и крепнет в процессе работы над новыми темами. Сейчас я провожу интересную работу над исследованием механизма физиологического действия НРВ на растения в условиях Грузии и готовлюсь к новой встрече с Д. М. Гусейновым и другими агрохимиками наших соседних республик на предстоящем IV Совещании агрохимиков Закавказья, которое намечено провести в Баку в январе будущего года.

Иван ЖУЖУНАШВИЛИ,
директор Тбилисского завода
«Грузсельмаш»

Со школьной скамьи

Удивительное у меня бывает чувство, когда, читая газеты или журналы, я вдруг встречу что-либо, связанное с Баку. В памяти сразу возникает большое старое здание на бывшей Сураханской улице. Здесь помещалась школа, кото-

рую я окончил в начале тридцатых годов...

Тридцать лет прошло с той поры. А я и сегодня, будто это было вчера, переживаю волнения выпускного вечера. Он прошел очень просто: в последний

раз мы сели за парты и в последний раз встали, когда в класс вошел директор школы.

Кем мы будем? Для многих из нас ответ сложился уже давно. Ну, конечно, мы, бакинцы, будем нефтяниками, и только нефтяниками.

Для моего школьного друга Асада Рустамбекова этот вопрос был решен, может быть, раньше, чем для кого-либо из нас. Отец его был крупный инженер. И Асад не раз говорил нам, что уже на второй день после окончания школы будет работать рядом с отцом на нефтяных промыслах, а потом — в вуз, на геологический... Геология недр его привлекала особенно.

Что же касается меня, то у нас в семье, правда, не было таких крепких «нефтяных» традиций, однако все дома очень хотели, чтобы я тоже стал нефтяником. Меня лично не привлекали геология, бурение, нефтеэксплуатация и нефтепереработка. Я интересовался механикой. И так и получилось — окончив уже в Тбилиси институт, я стал инженером-механиком и начал работать в нефтяной промышленности.

Мой путь инженера начался в механических мастерских на нефтяных площадях в Южной Кахетии. А когда в Тбилиси, вскоре после Отечественной войны, возник завод «Нефтебурмаш», я, как нечто само собой разумеющееся, оказался в его цехах. Завод выпускал запасные части нефтяного оборудования. Здесь были очень хорошие кадры металлостроителей, и когда от них потребовали однажды выполнить заказ для сельского хозяйства, они и с этой, новой для них, работой справились отлично. А дальше были все новые заказы сельского хозяйства, и завод все больше втягивался в производство горных самоходных шасси, плугов и других видов оборудования для села.

Года три-четыре назад нефтяники-машиностроители изготовили первую чаесборочную машину. Это и решило дальнейшую судьбу завода. Он получил новое имя «Грузсельмаш», стал специализированным предприятием сельскохозяйственного машиностроения. В 1963 году было изготовлено 100 чаесборочных машин, в 1964 году их уже будет 300. Но в каждой из них есть «капля нефти» — это тот опыт, который накопил заводской коллектив, когда работал для нефтяной промышленности...

А что же стало с моим другом Асадом? Я его не видел много лет, хотя и знал, что он достойно сменил своего отца на нефтяном посту. И вот — встреча в Тбилиси в 1962 году, затем другая — в 1963. Дважды, по приглашению ЦК КП Грузии, приезжал в Грузию

Асад Фатуллаевич, чтобы вместе со своими коллегами помочь в решении важнейших вопросов геологии и бурения.

Сперва азербайджанские друзья объезжали Восточную, а затем Западную Грузию. Они подолгу «сидели» на каждой буровой, изучали всю накопленную технологическую документацию, все имеющиеся данные о нефтяной жизнедеятельности недр Грузии. Ведь ставился вопрос о том, что эти недр небогаты нефтью и что игра не стоит нефти. А управляющий трестом «Азнефтеразведка» Асад Рустамбеков, как и все приезжавшие в Грузию крупнейшие авторитеты нефтяной промышленности, пришел к одному непреложному выводу: борьбу за недр продолжать.

Нефть есть! Она есть в первую очередь в районах, непосредственно прилегающих к Азербайджану, в Прикуринской низменности. Здесь нефтяные пласты являются продолжением тех, что расположены в соседней, братской республике, где добывают много горючего. Нужно только, — говорил Рустамбеков, говорили все члены комиссии, прибывшей из Азербайджана, — эффективно бурить, доводить скважины до заданных глубин и правильно их осваивать в эксплуатации. Нефтяной фонтан в Тарибани на юге Кахетии, начавшийся с сотни с лишним тонн в сутки, был лучшей иллюстрацией к советам и добрым напутствиям азербайджанских товарищей.

Я знаю, что после отъезда Рустамбекова наши разведчики получили столь нужный им для бурения гематит, получили оборудование. Я знаю, что в Баку очень серьезно занимаются проблемами грузинской нефти. И очень радуюсь тому, что в этом есть доля труда моего школьного товарища.

Как-то в Тбилиси он сказал мне:

— Большая нефть в Грузии будет. Поможем братской республике в создании развитой нефтяной промышленности. А от вас, хотя я и не уполномочен говорить об этом, ждем ваши чаесборочные машины для наших плантаций в Ленкорани. Ведь это закономерно, что ваши машины придут и к нам...

И извините меня, пожалуйста: я хотел написать об одном своем старом азербайджанском школьном друге, а написал фактически о том, как развиваются у нас в Грузии две новые отрасли промышленности — нефтедобыча и сельскохозяйственное машиностроение. Ничего не поделаешь — мы, в первую очередь инженеры-коммунисты, и наши судьбы, Асада и моя, сложились так, что накрепко связаны именно с этими отраслями промышленности.

Бакинец

Три бакинца написали оперетту: один — музыку, двое текст. Вдруг — громадный успех: оперетту поставили во многих городах страны. И в первую очередь в Москве. Спектакль Московского театра оперетты «Куба — любовь моя» стал одним из самых популярных в столице.

За несколько дней до московской премьеры этого спектакля в редакциях вечерних газет «Баки» и «Баку» царило то волнующее ожидание, какое бывает в каждой редакции перед большим, интересным выступлением в печати. Молодой журналист Руслан Тагиев все эти дни старался как можно чаще попадаться на глаза редактору и каждый раз смотрел на него сквозь свои непомерно большие очки робким, умоляющим взглядом. А редактор только посмеивался про себя. У него уже был готов свой план...

И вот, наконец, долгожданное:

— Руслан, ты полетишь в Москву. Зайди, поговорим, посоветуемся. — И уже в кабинете: — Что предлагаешь?

— Рецензию на спектакль, Насир Асадович?

— Мало.

— Отзывы зрителей.

— Тоже мало.

Руслан смущенно молчит. Тогда не выдерживает присутствующий при этой беседе заместитель редактора по русскому изданию газеты Владимир Петрович Матюшкин:

— Эх ты... Редактор дает тебе возможность полностью проявить себя — будь смелее!

Тут же два опытных бакинских журналиста помогли молодому коллеге составить план — не рецензии, не подборки отзывов зрителей — план целой полосы. Да, редактор считает, что нужна именно полоса с многочисленными литературными материалами и фотоснимками. Ведь успех московского спектакля делает честь Баку, а бакинцы — истинные патриоты своего города! Та рубрика, которая существует в вечерних газетах столицы Азербайджана — «Баку и бакинцы» — на этот раз получит новое, более «масштабное» звучание.

И вот — что задумано, то сделано. Полосу, посвященную премьере, с интересом читает весь город. И в полосе — коротенькую статейку летчика-космонавта Германа Титова, одного из зрителей премьеры: «Мои замечания преж-

де всего содержат искреннюю похвалу композитору Рауфу Гаджиеву и художнику Левану Шенгелия...» А через некоторое время в газетах воспроизводится и фотоснимок с автографом Фиделя Кастро в знак признательности азербайджанским авторам за патриотический спектакль о Кубе...

Редактор собирает весь коллектив. Пряча улыбку в уголках глаз, он подводит итог и тут же ставит следующую задачу:

— Операция «Куба» удалась. Переходим к следующей — операция «Мали».

Редактор внимательно вглядывается в лица молодых сотрудников — Олега Зейналова, Ларисы Насибовой, Ольги Эристави, Рудольфа Бумакова... У всех в глазах «поисковый» журналистский блеск, так знакомый и ему по годам, когда он начинал свою многотрудную газетную деятельность.

— Речь идет, — завершает свою мысль редактор, — о молодом летчике Октае Агаеве, которого малийцы называли «Камрад Баку». Нужно очень широко рассказать о том, как этот бакинец отличился в Африке, как опыт химической обработки с воздуха хлопковых посевов он перенес из Азербайджана в Мали...

И так — день за днем. Чтобы каждый вечер бакинцы получали интересные газетные листы, прославляющие их город.

Когда я садился писать эту корреспонденцию о моем друге Насире Асадовиче Имангулиеве, мне прежде всего хотелось сказать о нем как о коренном бакинце, нефтянике, пришедшем в печать прямо с промыслов, но я сразу же сбился с курса потому, что Баку — это не только нефть, это и многообразная культурная жизнь. И еще потому, что круг интересов редактора газеты исключительно широк — от буровой до оперетты. Юнцом пошел он работать в контору бурения, когда по соседству с Сураханами начали разрабатывать новое нефтяное месторождение. Работал, учился в нефтяном техникуме и часто писал в бакинские газеты. И тогда же, в годы первых пятилеток, активного рабкора Имангулиева «призвали» на редакционную работу. Литературный сотрудник

азербайджанского «Коммуниста» продолжал учебу и вместе с тем накапливал опыт в том трудном деле, которое именуется журналистикой.

А потом были годы — три десятка лет — газетной и партийной работы. Была еще учеба в Высшей партийной школе. И, наконец, с 1958 года — рождение вечерней газеты «Баку». А в 1963 году появился «Баку» на русском языке. Насир Асадович редактирует две эти газеты и к тому же читает лекции в Азгосуниверситете по теории и практике советской печати. Все 12 журналистских выпусков университета «разошлись» по газетам, издательствам и журналам Азербайджана, и почти повсюду теперь Имангулиев встречает своих питомцев. Есть они и в бакинских «вечерках».

«Баку» — это в переводе «удар ветра», «город, подверженный ветру». На вас веет со страниц городских газет свежий ветер нефтяных промыслов Каспия, промчавшийся по широким проспектам и улицам многочисленных

новых жилых районов столицы Азербайджана... Героика нефти, трудовой бакинский патриотизм, братство и дружба людей всех национальностей, населяющих этот поистине великий город, — вот постоянные темы газет.

В последний раз, когда мне довелось встречаться с моим другом, он был увлечен идеей совместного выпуска городских вечерних газет Баку, Тбилиси и Еревана. В самолете, в котором мы летели с ним из Баку в столицу Армении, он протянул мне свежий номер своей газеты, в которой отчеркнул статью под крупным заголовком «Мы — бакинцы». Ну, конечно же, редактор «широко показывает» своих земляков — на этот раз на Братской ГЭС. А уже в Ереване он, спустя несколько дней, продемонстрировал блокнот, целиком заполненный записями о бакинцах, работающих в братской столице. И я подумал тогда о том, как сильна любовь этого человека к своему родному городу и к своим землякам. Это — настоящий бакинец!

Хроника культурной жизни

НАРОДЫ-БРАТЬЯ

Дворцы культуры имени В. И. Ленина, имени 1 Мая расположены в Баку, в районе имени Ильича, где почти столет назад, в 1871 году зародилась отечественная нефтяная промышленность.

«Народы-братья», «Навеки вместе», «Музыка, песни, танцы трудящихся Азербайджана, Грузии, Армении», «Путешествия по республикам Закавказья» — вот далеко не полный перечень тем вечеров, концертов, спектаклей, которые проходят в этих дворцах накануне праздника — 44-й годовщины со дня установления Советской власти в Азербайджане.

Нефтяники, хлопкоробы, строители республики готовятся и к другому большому празднику — 150-летию вхождения Азербайджана в состав России, который отмечается в мае 1964 г.

Всюду — во Дворцах культуры, клубах, красных уголках проходят лекции, беседы, вечера, встречи. Переполнены зрительные залы и на проходящих фестивалях кинофильмов о братстве, дружбе, взаимной помощи народов нашей Родины.

Расцвету Азербайджана, успехам братских республик посвящены и открывшиеся во многих библиотеках, клубах, дворцах

выставки литературы, а также работ художников республики.

Интересно проходят в рабочих обществах, клубах «Дни музыки и литературы народов-братьев».

ДАРЫ КОЛХИДЫ

Я славлю не утварь музеев,
Не клад, извлеченный на свет,
А труд, что деревья усеял
Плодами, как золотом монет...

Этими вдохновенными строками видный грузинский поэт Ираклий Абашидзе заканчивает стихотворение «Дары Колхиды», давшее название его книге, выпускаемой издательством «Азернешр» на азербайджанском языке.

Стало хорошей традицией издательств Баку выпускать на азербайджанском языке произведения грузинского фольклора, классиков и современных писателей. Среди любимых книг азербайджанских читателей произведения И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Казбеги, С. Чиковани, Г. Леонидзе, стихи И. Нонешвили

под названием «Приезжайте в Грузию», сборник «Грузинские рассказы», в котором широко представлено творчество видных мастеров этого жанра.

Хорошим подарком юным читателям Азербайджана явились однотомники: «Звезда счастья» и «Олень», в которых собраны интересные рассказы и стихи грузинских писателей и поэтов.

Из печати на азербайджанском языке вышли экономико-географические очерки, посвященные Грузии, а также монографии, раскрывающие важные вехи истории азербайджанско-грузинских литературных связей, очерк о мастере грузинского театра — Акакин Хорава и другие.

Свыше 180 тысяч экземпляров — таков тираж книг грузинских писателей и книг о братской Грузии, изданных в Баку за последние годы.

ИНТЕРЕСНЫЕ КИНОДОКУМЕНТЫ

Фонд Центрального государственного архива кинофотодокументов Азербайджана пополнился серией интереснейших документальных фильмов по истории нашей республики.

...Гаснет свет, и на экране появляются волнующие кадры, воскрешающие страницы прошлого.

Баку. Жители столицы Азербайджана встречают дорогого гостя — французского писателя-коммуниста Анри Барбюса. Вот он — высокий, улыбающийся, осматривает дворец ширваншахов, уголки старого Баку. Один за другим мелькают ка-

дры, рассказывающие о пребывании писателя в нашем городе.

А через год, в 1928 году нефтяники встречали близкого их сердцу А. М. Горького. Перед нами знакомое до последней черточки лицо. Любимый писатель побывал во многих районах города. Мы видим его выступающим на собрании перед нефтяниками и инженерами. Вот он беседует с руководителями «Азнефти».

Интересно просмотреть полнометражный фильм — «Другая жизнь», созданный в 1930 году. Он знакомит с поразительными переменами, которые произошли в жизни трудящихся Азербайджана, во внешнем облике города за десять лет, прошедших после установления Советской власти в Азербайджане.

Другой документальный фильм — «Искусство Азербайджана» снят в 1934 году. Нельзя без волнения смотреть на народных артистов — Бюль Бюля, Шевкет Мамедову, Г. К. Сарабского и других.

В годы Великой Отечественной войны бурный Каспий превратился в одну из крупнейших транспортных магистралей, откуда направлялись караваны нефтеналивных судов, везущих горючее для армии. Везде — на судах и пристанях, в доках заводов стойко несли вахту моряки Каспия. Об их героическом подвиге, славном самоотверженном труде рассказывает фильм «Каспийцы», поставленный Центральной московской студией документальных фильмов совместно с Бакинским сектором кинохроники. В его создании принимал участие выдающийся кинорежиссер Г. В. Александров.

Подписано к печати 15 апреля 1964 г. 5 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 1185

Тираж 2300

УЭ 05475

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუბია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Цена 40 коп.

1104

ИНДЕКС
78117

